

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Войславова Силвия Симеонова

**«Мир “кажимости” в русской и болгарской лингвокультурах: опыт
лексикографического описания»**

5.9.8 – «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Брагина Наталья Георгиевна

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-12
ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР.....	13-43
1.1. Сопоставительные исследования русского и болгарского языков	15-19
1.2. Исследования культурной семантики лексических единиц на материале русского и болгарского языков.....	20-30
1.2.1. История вопроса о связи языка и культуры.....	20-20
1.2.2. Основные направления в исследовании культурной семантики лексических единиц.....	21-27
1.2.3. Понятийный аппарат и общая терминология исследований, проводимых в русле анализа культурной семантики лексических единиц.....	27-30
1.3. Появление новых направлений в русле исследования культурной семантики.....	30-35
1.4. Сравнительная лексикография: русско-болгарские словари. Общие подходы к отражению культурной семантики в словарях.....	35-42
1.4.1. Анализ лексикографических сопоставительных работ (теория лексикографии).....	35-37
1.4.2. Двужычные словари.....	37-42
Выводы по главе 1.....	42-43
ГЛАВА 2. МИР “КАЖИМОСТИ”: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ...44-66	
2.1. Мир “кажимости” и его интерпретация в русских и болгарских лингвистических работах.....	45-54
2.2. Мир “кажимости” и область ирреального: сходства и отличия.....	54-57
2.3. Лексико-семантическое поле мир “кажимости” в русском языке. Принципы построения.....	57-63

2.3.1. Лексико-семантическое поле мир “кажимости”: центр и периферия.....	62-63
2.4. Единицы лексико-семантического поля мир “кажимости”	63-66
Выводы по главе 2.....	66-67
ГЛАВА 3. ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР «РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ»: ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ И ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ.....	68-116
3.1. Общая концепция словаря.....	68-82
3.1.1. Предшественники словаря.....	73-82
3.2. Отбор тем, принципы описания, состав словника, структура словаря.....	82-87
3.2.1. Материал описания в словаре.....	86-87
3.3. Адресат и жанровые особенности словаря.....	87-88
3.4. Метаязык описания, приемы выделения и условные знаки в словаре.....	88-91
3.5. Структура словарной статьи.....	91-115
3.5.1. Материал для словарной статьи <i>Сон/Сън</i>	93-99
3.5.2. Материал для словарной статьи <i>Мечта/Мечта</i>	99-106
3.5.3. Материал для словарной статьи <i>Надежда/Надежда</i>	106-111
3.5.4. Материал для словарной статьи <i>На Бога / бога надейся, а сам не плошай / Лозето не иска молитва, иска мотика</i>	111-113
3.5.5. Материал для словарной статьи <i>(И / Даже) не надейся; Не надейся (даже) / И не се надявай</i>	113-115
Выводы по главе 3.....	115-116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	117-120
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	121-147
Приложение А (справочное). Глагол казаться.....	148-151
Приложение Б (справочное). Синонимический ряд.....	152-154

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена лингвистическому и лексикографическому описанию единиц лексико-семантического поля мир “кажимости” в русской и болгарской лингвокультурах. Лингвистический аспект работы обеспечивается тем, что она выполнена в русле общих идей лексической семантики и в первую очередь – культурной семантики. Материалом для анализа выступают лексические единицы русского и болгарского языков, относящиеся к ядру лексико-семантического поля мир “кажимости”. Лексикографический аспект работы связан с разработкой общей концепции словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»; с определением его структуры, жанровых особенностей, структуры словарной статьи, а также с включением в его описание словарных материалов. Предложенная модель словаря является экспериментальным проектом, реализующим важные положения теории современной лексикографии.

В настоящей работе центральное место занимает описание лексической семантики единиц, образующих ядро лексико-семантического поля мир “кажимости”. В предложенных материалах для словарных статей находит отражение как собственно лингвистическая, так и при необходимости экстралингвистическая информация.

В качестве операционального термина мы используем мир “кажимости”, этот термин является ключевым и используется вслед за Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян [Арутюнова 1999, с. 846], [Апресян 2006, с.144-145], при этом мы его используем в кавычках. Обратим внимание на то, что в нашем исследовании в кавычки мы заключаем слово *кажимость*, поскольку оно употребляется нечасто, хотя в терминологическое употребление существует. Что касается слово *мир*, здесь мы наблюдаем стертую метафору и более частое употребление, в том числе и в составе терминов, ср: картина мира, языковая картина мира, семантика возможных миров и др.

Актуальность диссертации заключается в том, что несмотря на значительное количество работ, выполненных на материале сопоставления русского и болгарского языков, а также наличие русско-болгарских и болгаро-русских словарей, лексико-семантическое поле мир “кажимости” не было сформировано, а словарное описание отдельных его единиц было выполнено в стиле традиционных двуязычных словарей, между тем комплексный подход к описанию данного лексико-семантического поля с использованием методов компонентного анализа и групповой семантизации, а также создание пробных материалов словарных статей для кросс-культурного словаря нового типа: Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» придает новый импульс описанию двух близкородственных славянских языков.

Объектом исследования является лексико-семантическое поле мир “кажимости” в русской и болгарской лингвокультурах в аспекте его лингвистического и лексикографического описания.

Предметом исследования стали единицы лексико-семантического поля мир “кажимости”, их комплексный анализ и словарное описание на материале русского и болгарского языков.

Цель диссертации состоит в рассмотрении общей проблемы конструирования лексико-семантического поля мир “кажимости” на материале русского и болгарского языков и в создании моделей лексикографического представления входящих в него разноструктурных единиц.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- провести анализ собственно лингвистических и лексикографических работ по заявленной проблематике;
- очертить границы лексико-семантического поля мир “кажимости” и определить его структурообразующие единицы;
- предложить проект словаря нового типа: Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»;
- предложить модели параметрического словарного описания лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю мир “кажимости” в

Тематическом классификаторе «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении».

Для решения поставленных в диссертационном исследовании задач были использованы следующие **методы** исследования:

- описательно-аналитический метод, который позволил охарактеризовать общие направления в исследовании и описании русской и болгарской лингвокультур;
- метод компонентного анализа, с помощью которого были отобраны лексические единицы, формирующие лексико-семантическое поле мир “кажимости”;
- метод групповой семантизации, использовавшийся при описании лексико-семантического поля мир “кажимости” как единого целого;
- метод корпусного анализа, который был применен при сборе коллекции примеров, отражающих употребление описываемых лексических единиц;
- метод контекстного анализа, который использовался при семантизации лексических единиц, а также при написании лингвокультурного комментария;
- сравнительно-сопоставительный метод, на основе которого было проведено описание сходств и различий русских и болгарских единиц лексико-семантического поля мир “кажимости”;
- лексикографический метод, с помощью которого была выработана общая концепция словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении», а также составлены пробные словарные статьи.

Степень разработанности научной проблемы: Моделирование лексико-семантического поля мир “кажимости”, включающего в себя существительные, прилагательные, глаголы, служебные части речи, а также фразеологизмы предпринято впервые. В работе также решаются проблемы, связанные с кросс-культурным словарным описанием единиц близкородственных языков, что расширяет сферу действия современной лексикографической теории и практики.

Рабочая гипотеза: семантический анализ и описание лексико-семантических полей близкородственных языков на материале ранее не исследованного поля мир “кажимости” позволяет составить представление о том, где проходит граница между сходствами и различиями русского и болгарского языков, что дает возможность создать параметрическую модель словарной статьи для словаря нового типа, формирующего парадигму кросс-культурной лексикографии.

Эмпирическая база исследования. Была собрана коллекция примеров из одноязычных и двуязычных русских и болгарских словарей (около 100 единиц на материале русского и болгарского языков), а также примеров из национальных корпусов русского и болгарского языков:

- НКРЯ - национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>
- Български национален корпус: <http://dcl.bas.bg/bulnc/>
- RuSkELL: <https://ruskell.sketchengine.co.uk/run.cgi/skell>

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что понятие мир “кажимости” (“кажимость”), впервые используется в качестве ключевого понятия применительно к сопоставительному анализу лексических единиц русского и болгарского языков. В данной работе оно получает общетеоретическое обоснование, основанное на работах российских лингвистов в области лексической семантики. Единицы исследуемого в настоящей работе лексико-семантического поля мир “кажимости” применительно к русской и болгарской лингвокультурам получает лексикографическое описание в оригинальном словарном проекте Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении». Представленный материал и предложенные для этого словаря модели кросс-культурного лексикографического описания и позволяют сделать переход от этапа накопления сопоставительного материала к этапу обобщения и словарной фиксации, что обусловлено общей логикой развития межкультурной коммуникации, и тенденциями современных кросс-культурных исследований.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в формирование научной повестки, связанной с совершенствованием общего (русского и болгарского) понятийного аппарата в области исследования лексической семантики двух близкородственных языков. Работа также имеет ценность для развития общей теории лексикографии и, прежде всего, кросс-культурной лексикографии, исследуемой на материале славянских (русского и болгарского) языков. На материале русского и болгарского языков предложены модели словарного описания единиц лексико-семантического поля мир “кажимости”. В перспективе по сходным моделям может быть выстроено описание других славянских языков.

Практическая ценность полученных результатов исследования заключается в том, что предложенная в работе общая концепция словаря и экспериментальные словарные статьи могут послужить основой при создании Тематического классификатора «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении», а также стать образцами для словарной работы в области кросс-культурной лексикографии, на материале других языков. Кроме этого, материалы работы могут использоваться также в лекционных курсах по межкультурной коммуникации, славистике, теории и практике лексикографии, двуязычной лексикографии, переводоведении.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексико-семантическое поле мир “кажимости” содержательно объединяет слова, номинирующие промежуточное состояние между реальностью и ирреальностью, ядерными компонентами его именной части являются слова *сон, мечта, надежда* в русском языке и сходные в написании и произношении слова *сън, мечта, надежда* в болгарском.

2. Структурная особенность этой семантической группы состоит в наличии двух микрополей в ее составе, противопоставляемых по признаку возможности осуществления кажущегося положения дел в реальности.

3. Мир “кажимости” как объект сопоставительного лингвистического описания включает лексические и фразеологические единицы, этимологические

сведения, а также характеристики коммуникативных ситуаций, в которых приводятся сведения о типичных контекстах употребления соответствующих слов в сравниваемых языках.

4. Описание языкового выражения *кажимости* может быть представлено в лексикографическом справочнике нового типа – Тематическом классификаторе (универсальном электронном русско-болгарском словаре), статьи которого представляют собой ответы на запросы пользователя о значении слова, его синонимах, его употреблении, его использовании в устойчивых выражениях, его этимологии, его стилистической окраске, его соответствия в болгарском языке, его прагматического потенциала в речевых действиях.

Обоснованность и достоверность результатов исследования определяется по следующим пунктам:

- 1) работа над диссертацией проводилась с опорой на богатую традицию русских и болгарских лингвистических исследований, болгарской русистики и двуязычной русско-болгарской лексикографии;
- 2) коллекция примеров, послужившая материалом исследования, была собрана на основании обращения к авторитетным корпусам: Национальному корпусу русского языка, Български национален корпус, RuSkELL;
- 3) описательная часть работы, в том числе ее лексикографический раздел, была создана с учетом сведений, включенных в словари разных типов: толковые, синонимические, словообразовательные, фразеологические, этимологические, историко-этимологические, ассоциативные, тематические, идеографические, двуязычные (русско-болгарские и болгарско-русские), культурологические, философские, энциклопедические.

Краткое описание организации исследования: Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе были проанализированы работы, посвященные общетеоретическим вопросам, связанным с аналитическим обзором лингвистических исследований в России и в Болгарии, а также сопоставительным лингвистическим работам и трудам в области двуязычной лексикографии.

На втором этапе после проведенного анализа русских и болгарских лингвистических работ, связанных с миром “кажимости”, были отобраны и

охарактеризованы единицы, образующие лексико-семантическое поле мир “кажимости”, определены его центральные и периферийные компоненты. Мир “кажимости” противопоставлен миру реальности и связан со способом формирования воображаемого. Он является продуктом ментальной деятельности как отдельного человека, так и языкового коллектива. При этом в русском языке слово “кажимость”, как термин, и как слово, используемое в повседневной коммуникации, встречается сравнительно редко. В болгарском языке ему сложно найти точное переводное соответствие.

На этапе отбора лексических единиц был применен компонентный анализ: рассматривались единицы, в толкование которых были включены компоненты ‘образ’, ‘воображение’, ‘желание’, ‘вид’, ‘впечатление’. Материалом для анализа послужили данные толковых, переводных, этимологических, фразеологических, словообразовательных словарей, а также словарей синонимов, ассоциативных словарей, энциклопедий.

По результатам сплошной выборки из словарей было определено, что смысловым компонентом лексико-семантического поля мир “кажимости”, является его отнесенность к воображаемому миру. К миру “кажимости” относятся также такие лексические единицы как: *сон, мечта, надежда*, их синонимы и производные.

Третий этап работы был связан с описанием лексикографического проекта Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении». Были охарактеризованы критерии отбора тем, состав словника, структура тематического классификатора, принципы описания лексических единиц. Была предложена модель словарной статьи и проиллюстрирована на материале лексических единиц, относящихся к ядру лексико-семантического поля мир “кажимости”, были проанализированы лексические единицы с опорным компонентом *сон / сън, мечта / мечта, надежда / надежда*, их функционирование в нарративе и в диалоге. Для Тематического классификатора «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» были составлены словарные статьи.

Апробация результатов исследования.

По теме исследования автором работы было опубликовано в научных изданиях тринадцать работ. Из них три статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и десять работ – в иных изданиях.

Основные положения и результаты исследования были также апробированы в серии докладов на международных конференциях и форумах в России и в Болгарии: «Горизонты современной русистики», (Москва, 2020), «Кирилло-Мефодиевский фестиваль» (Москва, 2019), «Филологические и социокультурные проблемы русистики» (София, 2019), «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» (Москва, 2018), VIII Международная научная конференция «Чуждый язык и современное высшее образование» (Варна, 2017), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2017).

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 298 наименования, списка словарей и двух приложений. Основные результаты исследования обобщаются после каждой главы, в заключении подводятся итоги исследования, намечаются его перспективы.

Во Введении обосновывается актуальность работы, определяются объект и предмет исследования, излагается гипотеза, описываются цели, задачи, методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также положения, выносимые на защиту.

Первая Глава исследования: «**Исследовательские подходы к лингвистическому и лексикографическому описанию русской и болгарской лингвокультур**» состоит из четырех разделов и посвящена общетеоретическим вопросам, связанным с аналитическим обзором лингвистических исследований в России и в Болгарии, а также с сопоставительными лингвистическими работами и трудами в области двуязычной лексикографии.

Во второй Главе исследования: «**Мир “кажимости”: лингвистические лакуны**» рассматривается мир “кажимости” в русских и болгарских лингвистических описаниях, дается определение понятию мир “кажимости”,

моделируется лексико-семантическое поле – “кажимость”, очерчиваются его границы, описываются его ключевые лексемы, рассматриваются также единицы, которые не могут быть включены в поле, но находятся на его границе.

Третья глава: «Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»: общая концепция словаря и образцы словарных статей» посвящена Тематическому классификатору «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении», в ней описывается отбор тем, принципы описания, состав словника, структура Тематического классификатора, анализируются лексические единицы с опорным компонентом *сон / сън, мечта / мечта, надежда / надежда* и их функционирование в нарративе и в диалоге, предлагаются экспериментальные словарные статьи, посвященные фразеологизмам, а также диалогическим репликам с компонентом мир “кажимости”. Предложенные варианты словарных статей являются фрагментами русско-болгарского тематического классификатора, в котором планируется представить модели описания разноструктурных единиц: лексических концептов, фразеологизмов, эпонимов и др.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, делаются основные выводы по рассматриваемым проблемам.

В Приложениях показаны извлеченные из словарей толкования единиц, входящих в поле мир “кажимости”.

Список литературы содержит перечень работ по изучаемой теме российских, болгарских и иностранных авторов, а также приведен список словарей.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Исторические связи между русским и болгарским языками обусловили близкое родство болгарской и русской лингвокультур. Лексический состав русского и болгарского языков – та область, в которой родство этих языков представлено наиболее ярко, поэтому лексика и фразеология, несомненно, интересны как объект сопоставительного анализа. Определенные трудности несут в себе различия между русской и болгарской лингвокультурами вследствие возникновения явления интерференции. Это повышает необходимость детального рассмотрения специфики семантически значимых языковых единиц.

Изучение языков в их сравнении – традиционная сфера лингвистики. В русле задач сопоставительной лингвистики лежит изучение пар языков, предполагающее сопоставление на разных языковых уровнях. В сопоставительном плане русского и болгарского языков лексика является той областью, в которой близость языков наиболее ярко проявляется и представляет особенный интерес в качестве объекта исследования. При этом важно подчеркнуть преемственность идей и методов лингвистического анализа в болгарском языкознании, испытывавшем определенное влияние работ российских лингвистов [Антонова-Василева, 2022], что, в частности, способствовало выработке общих методологических установок.

Настоящее исследование основывается на двух основополагающих утверждениях. С одной стороны, на общем понимании того, что между лингвистикой и лексикографией существует установившаяся в XX веке неразрывная связь, благодаря которой появились особые исследовательские области, обозначенные терминами *системная лексикография*, *научная лексикография*. С другой стороны, лингвистика и лексикография относительно автономны, и в научной традиции не принято смешивать лингвистику и лексикографию и тем более, подчинять лексикографию лингвистике.

Описывая два основных направления в лексикографии: составление словарей (dictionary-making) и словарные исследования (dictionary research), авторы лексикографического словаря Р. Хартман и Г. Джеймс отмечают, что несмотря на то, что словарные исследования обычно связывают с такими областями как лингвистика и особенно лексикология, четкую границу провести сложно [Hartmann, James 1998, p.83]. В словарной статье, посвященной лексикографии, отмечается отсутствие международных стандартов применительно к пониманию того, что собой представляет хороший словарь [Ibid.].

Относительная автономность обеих дисциплин также находит подтверждение в употреблении этих терминов в сочинительных конструкциях, ср., например: раздел *Лексикография и лингвистика* [Дубичинский 1998, с. 10]; глава *Лексические параллели как объект лингвистического и лексикографического описания* [Дубичинский, Ройтер 2015, с. 42–83]. Не противоречит такому подходу, а скорее создает для него дополнительное обоснование название и содержание статьи В.В. Морковкина *О словарной лексикологии* [Морковкин 2001, с. 32]. Цель словарной лексикологии «состоит в таком теоретическом осмыслении лингвистических понятий и категорий, которое бы создавало оптимальные условия для практического лексикографирования языковых единиц, соответствующих этим понятиям и категориям» [Там же, с. 33]. Эта тема была продолжена в работах учеников В.В. Морковкина, ср., например, А.И. Ольховская *Лексическая многозначность в аспекте словарной лексикологии* [Ольховская, 2011], Г.Ф. Богачева *Лингвистика и лексикография: области взаимодействия как области роста* [Богачева, 2021].

Многомерность и многоаспектность словарной продукции обусловлена, в частности, включением в определенные типы словарей не только собственно лингвистической, но и энциклопедической информации. В научной литературе обсуждается также отношение между наукой и искусством, необходимыми при составлении словарей, ср.: «Вообще словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно,

родственно писательскому дарованию» [Щерба, 1958, с. 76]. Утверждается тесная связь между лексикографией и филологией, ср.: «Отличительная черта всей современной лексикографии – синтез филологии и культуры в широком смысле слова» [Апресян 1993, с. 6]; «между тем филология как искусство играет особую роль при создании академических словарей» [Казанский 2018, с. 10].

1.1. Сопоставительные исследования русского и болгарского языков

Сопоставительное исследование русской и болгарской лексики, которое дало бы точное и полное описание сходств и различий, предполагает достаточно широкий охват лексического состава данных языков, а также применение определенных методов при анализе материала. Это не просто расширение круга лексики, накопление сопоставительного материала, но и сплошное сопоставительное исследование лексики в ее системных связях и функционировании.

Сравнительный анализ может рассматриваться как наиболее универсальный способ изучения языка. Сопоставление является одним из базовых свойств абстрактного мышления человека, способ познания действительности и дифференциации сходных объектов и явлений [Барнет, 1983; Стернин, Стернина, 2015]. Усиление интереса к сопоставительному изучению языков отмечено в 60-ые годы XX в. в связи с разработкой проблем машинного перевода [Жолковский, 1961; Апресян, 1963]. Уже в 70-х – 80-х гг. XX в. контрастивная лингвистика формировалась как наука в рамках более широкой области сравнительно-сопоставительного анализа языков.

Одна из основных задач сравнения, является, изучении пар языков по определенным уровням: фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому. Лексический состав русского и болгарского языков – та область, в которой родство данных языков представлено наиболее ярко.

Сходство русского и болгарского языков очевидно, однако, необходимо установить его границы и меру проявления.

Интерференция в области лексики зависит от соотношения русских и болгарских лексических единиц в плане содержания и в плане выражения. Русская и болгарская лексика содержат очень много генетически тождественных слов, которые сохранили и в наше время большее или меньшее формальное и смысловое сходство [Червенкова, 1982].

Детальное сопоставление лексических групп и отдельных лексических пар – участков системно организованной лексики – близкородственных языков в формальном и содержательном плане дает конкретный материал, необходимый для установления существа и границ их близости и приближает к решению некоторых теоретических и практических задач сопоставительного описания лексики близкородственных языков.

Сопоставительный анализ современной болгарской и русской лексики имеет свою историю. В болгарской русистике немало работ посвящено этой проблеме.

Выяснению близости между славянскими языками, конкретно между болгарским и русским, уделяется внимание в одной из статей В. Георгиева в 40-ых гг. XX в. [Георгиев, 1948]. Критерием лексической близости в данной работе служит мнение интеллигентного болгарина, не изучавшего другой славянский язык. Сходство слов определяется на основе их внешней похожести в отвлечении от их морфологических, фонетических и синтаксических характеристик, только вопрос об их семантическом соответствии не ставится.

Один из первых опытов в болгарской лингвистике в установлении и выявлении этой близости принадлежит С. Чукалову [Чукалов 1958, 1960]. Пафос его работ – в выявлении и подчеркивании близости русского и болгарского языков. Именно им был сделан первый в болгарской лингвистике опыт сплошного сопоставления русской и болгарской лексики на базе словарей [Чукалов, 1958]. Здесь за основу был взят Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Результаты сопоставления были сгруппированы по частям речи с указанием количества «одинаковых» русских и болгарских слов. Согласно этим данным, большая часть лексики, которая употребляется в языке, совершенно одинакова – 20-25 тыс. слов признаются одинаковыми. Не менее интересна и другая работа С.

Чукалова, в которой рассматриваются случаи формального сходства при семантическом расхождении русских и болгарских слов (800), которые пишутся и произносятся одинаково, но имеют разные значения [Чукалов, 1960].

Анализ лексики общеславянского происхождения в русском и болгарском языках исследуется в работах Н. Дылевского, насыщенных материалом и направленных на поиск прежде всего сходства между болгарскими и соответствующими русскими эквивалентами [Дылевский, 1958].

В сопоставительном описании русской и болгарской лексики важное место занимает работа М. Джанановой о принципах репрезентации слова в двуязычном словаре [Джананова, 1967]. Автор обращает внимание на то, что способ подачи материала в двуязычных словарях не обеспечивает их активных пользователей достаточной информацией. Она указывает на необходимость отражения в них и лексико-семантической сочетаемости слов.

За последние 40 лет (конец XX – начало XXI в.) в болгарском языкознании достигнуты значительные успехи в области исследования болгарского языка с более, чем 20-ю языками мира. Число исследований превышает тысячу и увеличивается постоянно [Данчев, 1984]. Внимание уделяется проблемам общетеоретического плана. Анализируются принципы типологического исследования языка [Манчев, 1976], также связь сопоставительного языкознания с типологией языков [Леков, 1978]. В области славянского языкознания большой вклад принадлежит И. Лекову. Его сопоставительные исследования направлены на выявление типологической характеристики болгарского языка по отношению к другим славянским языкам [Иванчев, 1971]. Ив. Леков определяет близкородственность языков как «специфическую языковую категорию» [Леков, 1978]. Близость русского и болгарского языков не подлежит сомнению. Сходства и различия близкородственных языков, в частности русского и болгарского сложно переплетаются. Между этими языками наблюдается значительное сходство и в значениях, и в форме выражения. Сходства и различия по-разному проявляется в области лексики и грамматики.

Близкое родство русского и болгарского языков находит проявление как в формальной, «внешней», так и в содержательной стороне лексических единиц. Таким образом, сопоставительное описание лексики следует строить с учетом не только содержания, но и формы единиц близкородственных языков [Ковачева, 1979; Червенкова 1983].

Вопросы сопоставительного изучения русской и болгарской лексики являются и объектом лингвометодики. Работы Э. Гочевой направлены на отбор сопоставляемой лексики и характер методики анализа [Гочевой, 1975]. В плане сопоставительных исследований русской и болгарской лексики представляет интерес книга З. Ивановой и В. Занглигера [Иванова, Занглигер, 1980]. Работа посвящена описанию результатов проведенного авторами эксперимента с целью установления состава русской лексики, которой активно усваивается в болгарской средней школе. Лингвострановедческое направление [Костомаров, Верещагин, 1980, Андрейчина, 1980], – включающее сравнение лексики с точки зрения отражения в ней элементов национальной культуры, тоже выявлялось путем сопоставительного изучения русской и болгарской лексики.

Болгарская русистика возникла в рамках сравнительного славянского языкознания и оформилась как самостоятельное научное направление. Дальше в области русистики разрабатывались проблемы, связанные с изучением русско-болгарских языковых связей, с методикой преподавания русского языка в школе и вузе, с теорией перевода, с историей русского литературного языка [Бабов, 1972, 1974; Червенкова 2011].

И. Червенкова работает в области сопоставления близкородственных языков. Ее научные труды посвящены главным образом лексической семантике, лингвометодическое описание, сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии. Она наблюдает, что в отличие от неродственных языков, где формальное сходство в силу отсутствия родства слов, видимо, относительно редко встречается. Для русского и болгарского языков формальное сходство характерно, и оно охватывает большую часть лексики [Червенкова, 1976].

В русском и болгарском лексическая пара может быть представлена на основе типа семантического соответствия независимо от характера формального соответствия – как полной семантической эквивалентности (при условии семантического сходства), частичной семантической эквивалентности (при условии семантического пересечения) или как случай отсутствия семантической эквивалентности (при условии семантического непересечения) [Червенкова, 1982]. Синхронному изучению семантики словообразовательных гнезд и функционированию лексики в русском и болгарском языках посвящена работа [Седакова, 1993].

Все эти труды показывают, что история становления и развития сопоставительного изучения русского и болгарского языков в XX-ом веке является центром исследования и отражает один из самых плодотворных периодов развития контрастивной лингвистики.

Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского языка рассматривается в работе [Градинарова 2003, 2017; Градинарова, Иванова, 2005; Иванова, Кустова, Лесева 2022], анализ темы, связанной с русско-болгарскими аналогами, исследовался в работе [Делева, 2018, 2020]. В начале XXI в. опубликованы значимые. Вышла в свет «Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком» [Янакиев, Котова, 2001].

В данной работе в основу описания грамматической системы положено статистическое (глоттометрическое) исследование употребления наиболее частотных морфем болгарского языка и их наиболее частых сочетаний.

Все эти исследования позволяют понять, что традиции сопоставительных исследований русского и болгарского языков в области лексической семантики просматриваются достаточно четко. Во второй половине XX века объектом исследовательского интереса становится культурная семантика лексических единиц.

1.2. Исследования культурной семантики лексических единиц на материале русского и болгарского языков

1.2.1. История вопроса о связи языка и культуры

Вопрос о соотношении языка и культуры давно волнует ученых. Проблемы взаимосвязи и взаимовлияния культуры и языка были поставлены уже в XVIII–XIX вв. В работах Гердера, В. фон Гумбольдта, в философских текстах обсуждались эти вопросы.

В 30-е г. XIX в. В. фон Гумбольдт один из первых определил взаимоотношения языка и культуры в рамках их соотносимости и неразрывной связи. Именно им были выдвинуты основные положения о взаимодействии языка и культуры, которые дальше дали толчок для создания теории лингвистической относительности. Ключевые идеи В. фон Гумбольдта, идея о связи языка с национальным мышлением, с национальным духом, существенным образом обогатили лингвистику XIX и XX века.

Эти основные положения оказали влияние на становление антропоцентрической лингвистики. В русском языкознании наследие В. фон Гумбольдта оказало сильнейшее воздействие на школу А.А. Потебни.

Позиция А.А. Потебни заключалась в том, что в языке не существует отдельный элемент, а это – одно целое, которое не проявляет себя как часть другого, а только как единое целое, и человек на самом деле есть человек, только благодаря языку [Гумбольдт, 1984], получила разнообразную интерпретацию у языковедов XX в., которые положили понятия структуры и системы в основу своих теорий и исследований. Эти положения актуальны и в наши дни: антропологическая парадигма в лингвистике получила мощное развитие.

В XIX – начале XX вв. эта проблематика развивалась в трудах Э. Сепира, Б. Уорфа, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, А.А. Потебни и др.

1.2.2. Основные направления в исследовании культурной семантики лексических единиц

С начала 90-х годов XX века активно развиваются исследования в области культурной семантики. Этому способствовали работы, посвященные анализу языковых метафор, изучение природы коннотаций, в частности, исследование языковых стереотипов, интерес к внутренней форме слова. Вследствие этого расширился понятийный аппарат. В широкий научный обиход были введены понятия языковая картина мира, концепт, ключевые слова культуры, культурные коды в языке и другие. Анализ культурной семантики затронул разноструктурные лексические и фразеологические единицы: концепты, устойчивые словосочетания (коллокации), фразеологизмы, паремии, клише. В меньшей степени это коснулось речевых формул, в описании которых ведущую роль, как правило, играет семантико-прагматический компонент. Вопросы, связанные с описанием культурной семантики, ставили также перед исследователями задачу их адекватного отражения в словарях.

В 70-е годы XX-ого века, в связи с поисками в области язык – культура, возникает новая дисциплина – лингвострановедение. Его основы заложили Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров., К. Андрейчина. Они впервые обозначили важную связь обучения иностранному языку, с обучением культуре. Авторы отмечают, что язык является одним из основных признаков нации, именно он выражает культуру народа. По их мнению, те, кто изучает иностранный язык, во-первых, стремятся к овладению еще одним способом участия в коммуникации. Только на этом этапе усвоения языка человек одновременно получает то огромное духовное богатство, которое хранит язык, и таким образом проникает в новую национальную культуру [Верещагин, Костомаров, 1990].

Таким образом, анализ культурной семантики лексических единиц ведется в русле лингвострановедения, лингвокультурологии, межкультурной и транскультурной коммуникации и некоторых других направлений, о которых будет сказано ниже.

В этот период возникают исследования по теории языка (Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990], Ю.С. Степанов [Степанов, 1997], Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 1999]), по теории языка в связи с прагматикой, в частности, вопросы, связанные с речевым этикетом (Н.И. Формановская [Формановская, 1982], В.Е. Гольдин [Гольдин, 1983]), по методике – лингвострановедческий аспект методики, когда речь идет о преподавании русского языка как иностранного (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров, 1974, 1990]).

Термин лингвокультурология в российском языкознании появился в последние десятилетия XX в. в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия, работами В.Г. Костомарова, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, А.Д. Шмелева, В.А. Масловой.

Ю.Д. Апресян отмечает, что отличительная черта современной лексикографии – это синтез филологии и культуры в широком смысле слова [Апресян, 2006].

Во второй половине XX века лингвокультурная проблематика становится центральной в исследованиях многих ученых (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, В. Н. Телия, А. Вежбицкая, В.В. Воробьев, В.М. Шаклеин, М.А. Маслова и др.) Исследования, посвященные анализу культурной семантики, решали как общетеоретические вопросы, связанные с развитием семантического анализа лексических единиц, так и практические задачи, имеющие непосредственное отношение к практике преподавания иностранных языков, к практике перевода, к лексикографическому описанию культурно значимых единиц и некоторых других.

Одной из специфических черт лингвокультурологических исследований является глубокое, многопараметрическое рассмотрение значения фразеологизмов. Обратим отдельное внимание на фразеологизмы, которые можно рассматривать как самостоятельные языковые конструкции, некоторые из которых являются продуктом языкового народного творчества. Многие русские ученые (см., напр. [Телия 1996; Баранов, Добровольский 2014; Вежбицкая 2001; Зализняк 2005] и др.) отмечают, что в них отражается искусство и умение народа представлять сложные концепты и картины в виде образов. Они исследуют не только отношение к

фразеологизмам как к элементам языковой системы, а отношение как к знакам языка культуры, отражающим особенности картины мира и особенности менталитета народа. В семантическом плане фразеологизмы являются наиболее сложной группой языковых единиц, потому что невозможно понять общий смысл этих образных выражений, исходя только из простой структуры значений составляющих их слов.

Остановимся также на еще одном направлении в исследовании культурной семантики лексических единиц – на когнитивной лингвистике (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Р.М. Фрумкина, Е.В. Рахилина).

Основная задача когнитивной лингвистики состоит в описании и объяснении языкового знания. В основе когнитивной лингвистики лежат идеи когнитивной психологии, которые относятся к пониманию мира человеком, каким образом получается и обрабатывается информация. Когнитивная лингвистика, с одной стороны, в лингвистических аспектах, связывается с изучением когниции, а с другой – с исследованием когнитивных аспектов лексических и грамматических явлений.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «делается попытка рассмотреть все изучаемые явления и процессы, единицы и категории и т.д. по их связи с другими когнитивными процессами – с восприятием и памятью человека, его воображением и эмоциями, мышлением» в этом заключается и основная цель лингвокультурных исследований [Кубрякова, 2001, с. 9].

В своей работе Г.И. Береснев и И.Б. Васильева описывают яркую черту современной когнитивной лингвистики – экспансионизм – широкий выход в смежные гуманитарные дисциплины с целью освоения их категориальных и терминологических аппаратов, проблемных сфер. В результате лингвистика обретает новые, ранее не характерные для неё черты: её границы расширяются, преобразуются её методологические установки, в её рамках выявляются новые междисциплинарные направления [Береснев, Васильева 2016 с. 127].

Когнитивная лингвистика входит в проблематичные области смежных наук и пытается ответить по-другому, по-новому, на давно задаваемые вопросы. Именно

в этом проявляется ее экспланаторность. Она обнаруживает способность предлагать глубокие объяснения явлениям не только языка, но и собственно языкового порядка – познавательным, психологическим, культурологическим, относящимся к сфере религии, ритуала, мифа и др. [Берестнев, 2013, с. 36].

Заслуживает внимания некоторые направления, на основе которых формировались общие принципы анализа культурной семантики лексических единиц.

Следует отметить Московскую семантическую школу и ее представители Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, Н.Н. Леонтьева, А.К. Жолковский и ряд других ученых. Все эти лингвисты создали лаборатории машинного перевода, а дальше ими был разработан переход от смысла к тексту и модель «Смысл – Текст». Созданная И.А. Мельчуком [Мельчук, 1974] теория стала прототипом для интегрального описания языка и системной лексикографии.

Московская этнолингвистическая школа, создана Н.И. Толстым. Ученые занимаются исследованием славянской духовной традиционной культуры, или обрядов, обычаев, фольклора, верований славянских народов. Одним из важнейших достижений этнолингвистической школы стал словарь «Славянские древности». В нем наряду с другими славянскими языками отражен также и болгарский материал. Его авторы определяют словарь как толковый, словарь этимологического типа, словарь-указатель. Этнолингвистические методы исследования применяются к болгарскому материалу (родинный текст) также в работе [Седакова, 2007].

Следует отметить и Волгоградскую школу лингвокультурологии (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин и др.) – изучает культурные идеи, которые фиксированы в языковом сознании человека, изучает и речевое поведения человека. Характерным для школы является, то, что у них есть основное понятие – концепт (ценностная сторона концепта – В.И. Карасик [Карасик, 2002, с. 477]). В нашей работе концепт является одной из рассматриваемых единиц Тематического классификатора «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении».

Необходимо отметить и Воронежской школе, которая занимается лингвокультурологией (И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.).

Дальше рассмотрим некоторые важные для настоящего исследования работы.

Серия «Логический анализ языка» (отв. ред. Н.Д. Арутюнова)

В рамках работы сектора общего языкознания Института языкознания РАН возникает направление, связанное с изучением концепта. В серии «Логический анализ языка» был выпущен сборник статей «Культурные концепты» – одна из первых работ, в которой ставится вопрос о культурных концептах и методах их лингвистического исследования. «Каждый концепт говорит особым языком, для него характерен свой синтаксис, своя фразеология, устойчивый лексикон, шаблоны, своя область референции» [Арутюнова 1991, с. 3]. Культурная семантика лексических единиц исследовалась в русле логического анализа языка (Н.Д. Арутюнова, которая была ответственным редактором серии сборников с аналогичным названием, посвященным разным концептуальным полям: пространства, времени, хаоса и космоса, игры и др.); теории концепта [Арутюнова, 1991].

Языковая картина мира / лексикография (Ю.Д. Апресян)

Понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи. Первая: картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и вторая: каждый язык рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики [Апресян, 1995], а одна из современных наук – лингвокультурология изучает взаимосвязи и взаимодействие языка и культуры на материале лексических единиц и их функционирования в речи.

Ключевые идеи русской языковой картины мира (А.Д. Шмелев, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина).

Владение любым языком предполагает и владение конкретной концептуализацией мира, которая отражается в данном языке. Идеи и смысл заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются как само собой разумеющиеся, но когда речь идет о сопоставлении разных языков и разных языковых картин мира, тогда наблюдаются значительные расхождения между ними. Языковая картина мира образуется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей. Для русской языковой картины мира ключевые концепты представлены словами *душа, судьба, тоска, счастья, справедливость* – это лингвоспецифичные слова. А. Вежбицкая определяет, что слова *душа, тоска* и *судьба* являются ключевыми для русской культуры.

Важным для нас являются и работы Н.Ю. Шведовой. Ее словарь «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» [Шведова, 2011] содержит 80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека. Он послужил прототипом для создания структуры тематического классификатора, чем будет сказано ниже.

В начале XXI века болгарские исследователи уже проявляют интерес непосредственно к лингвокультурологии как научному направлению и используют лингвокультурную методологию и методы исследования в своих научных разработках. В настоящее время можно говорить о нескольких научных центрах, исследователи которых продолжают работать в лингвокультурологическом направлении: Институт болгарского языка Болгарской академии наук (секция Этнолингвистика), Софийский университет имени Св. Кл. Охридского, Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского, и Бургасский университет имени проф. Асена Златарова. Многие из этих работ были представлены в интернете, на действующем до 2011 года сайте Balkan.rusistiks. В последние годы направление Лингвокультурология становится одной из тематических рубрик журнала *Болгарская русистика*, печатного органа Общества русистов Болгарии [Стоянова, 2018].

Развитие лингвокультурного направления в Болгарии происходит в контексте мировой науки, продолжая и развивая традиции российских

лингвокультурологических школ. Первые работы лингвокультурной тематики (В. Аврамова, Г.Ж. Димитрова, П.М. Петров, Е.Ф. Критска, И. Павлов, Р.П. Сыбева, А. А. Цонева, Н.Г. Черняева, И.Д. Чонгорова) в Болгарии появляются в конце XX столетия. Лингвокультурологическим исследованиям предшествуют 149 статьи лингвострановедческой (Н.А. Ангелова, З.А. Маркова, В.И. Стоянова, Л. Краева, С. П. Гочева) и культурологической направленности (Е.Ф. Критска, Н.О. Енчева, И. Павлов).

Основываясь на данном обзоре, можем обобщить, что в конце XX в. – начале XXI в. ученые глубоко анализируют и исследуют культурную семантику. Тема лингвокультурологии становится центральной для ряда исследовательских работ, наблюдается обращение к изучению культурного концепта. Данные темы были актуальными тогда, но развиваются и продолжают и сейчас.

1.2.3. Понятийный аппарат и общая терминология исследований, проводимых в русле анализа культурной семантики лексических единиц

Как уже отмечалось выше, в русской лингвистической традиции наблюдается разворот в сторону анализа ключевых слов русской культуры, появляются новые термины, введение в лингвокультурологию.

К концу XX в., началу XXI в. интерес к анализу культурной семантики возрастает [Апресян, 1995], [Баранов, Добровольский, 1995], [Алиференко, 2005], возникает особый интерес к этой проблематике, формирование исследовательского аппарата и появление новых терминов, в том числе и *лингвокультурология*. Выходит словарь лингвокультурологических терминов [Ковшова, Гудков, 2018]. Несмотря на различие в терминах общее положение заключается в следующем: каждый язык имеет свои способы концептуализации реальности, которые отчасти универсальны, отчасти национально специфичны, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

Единицу изучения лингвокультурологии разные исследователи называют по-разному, например: лингвокультурема, концепт, лингвокультурный концепт, лингвосапиентема. Основная задача лингвокультурологии заключается в том, чтобы эксплицировать культурную ценность языка, культурные единицы, культурные знания. Культурные знания относятся к части культурно-языковой компетенции говорящего человека на данном языке.

Лингвокультурные различия провоцируют непонимание и, как следствие, возможность коммуникативных неудач у представителей другой лингвокультуры. Акцент на лингвокультурных различиях соответствует общей концепции межкультурной коммуникации. Знание их важно при изучении иностранного языка, освоении другой лингвокультуры, знакомстве с ее культурными практиками. Акцент на сходствах связан с идеями лингвокультурных универсалий, а также с понятием транскультурной коммуникации, в которой интерес представляют именно общие смысловые компоненты, отражающие современные процессы медиазации и глобализации [Нерп, 2015].

Отдельно остановимся на термине *концепт*. Этот термин входит в новую область лингвистики, связанную с изучением культурно обусловленных представлений человека о мире, отраженных в языке или выраженных языком. Внимание лингвистов останавливается на мировоззренческих, или культурных концептах – как отмечает Н.Д. Арутюнова, «контрагентах», которые помогают человеку осмысливать свое взаимодействие с другими людьми и природой.

В своей работе «Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования», Ю.С. Степанов определяет концепт «как бы сгусток культуры в сознании человека то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 1997, с. 52].

Самостоятельное использование термина *концепт* соотносится с расширением области лингвистики под влиянием ее взаимодействия с философией. Это наблюдается в работе Н.Д. Арутюновой, где концепт входит в ряд терминов, которые обозначают «понятийное содержание языковых выражений» и находят место в системе терминов философии [Арутюнова, 1982, с. 8].

В работе обратим внимание и на внутреннюю форму. Внутренняя форма связана с языковым сознанием человека и является существенной частью плана содержания лексических единиц, включая фразеологизмы. Она очень важна для семантики фразеологизма.

Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. «Внутренняя форма фразеологических единиц в языковом сознании народа коррелирует с культурным компонентом – основной ментальной единицей национальной картины мира» [Алиференко, 2005, с. 24].

Внутренняя форма фразеологизма определяет национально-языковую специфику фразеологического значения. В языковом сознании внутренняя форма фразеологических единиц коррелирует с культурным компонентом – это является основной ментальной единицы национальной картины мира. Таким образом, внутренняя форма фразеологических единиц выполняет мотивирующую функцию, и выступает опосредующим звеном между значением фразеологизмов и обозначаемой предметной ситуацией [Мокиенко, 1989].

В своей монографии П.С. Дронов описывает проблему национально-культурной специфики идиом и связывает ее с проблемой эквивалентности и интернациональности фразеологии. Любые интернационализмы содержат в себе зерно культурной специфики, а культурно специфичные идиомы в разных языках оказываются близки на уровне структурной модели и метафор“ [Дронов, 2018, с. 15].

Интересно обратить внимание и на то, что помимо *внутренней формы* в лингвистической литературе обсуждается также понятие «этимологическая память слова» Ю.Д. Апресян, определяет, что это – та часть этимологии слова, которая влияет на актуальную семантику лексемы, но носители языка ее не осознают. [Апресян, 1986]. Она связана с языковым сознанием человека и является существенной частью плана содержания лексических единиц, включая фразеологизмы. Она очень важна для семантики фразеологизма. Ю.Д. Апресян

отмечает, что отличительная черта современной лексикографии – это синтез филологии и культуры в широком смысле слова [Там же].

1.3. Появление новых направлений в русле исследования культурной семантики

На формирование новых направлений оказывали влияние исследования в области этнолингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, логического анализа языка, концептуального анализа и др. Эта область исходно формировалась как объект междисциплинарных исследований. Обсуждались вопросы, связанные с включением энциклопедической и лингвистической информации в лингвострановедческих словарях, рассматривались возможности культурного комментария в лингвокультурных словарях. Разворот фразеологии в область исследования культурной семантики фразеологизмов – это заслуга В.Н. Телия [Телия, 1993; 1996]. Это, в частности, получило следующую формулировку: Фразеология как язык культуры – название коллективного доклада, прочитанного в 1993 году в Лидсе на конференции по фразеологии, а также позже опубликованной статьи [Telya, Bragina, Oprina, Sandomirskaja, 1999]. Во фразеологизмах находит отражение умение носителей языка представлять сложные конструкторы в виде образов. Многие ученые, которые занимались исследованием русской фразеологии, как В.Н. Телия [Телия, 1996], А.Н. Баранов [Баранов, 1995], Д.О. Добровольский [Добровольский, 1995], В.М. Мокиенко [Мокиенко, 1989], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 2001], отмечают отношение к фразеологизмам не только как к элементам языковой системы, а как к знакам языка культуры, отражающим особенности картины мира и особенности менталитета народа.

В первую очередь, вопрос о лингвокультурном комментарии и его структуре ставился применительно к фразеологическим словарям, что представляется закономерным. Вышедший в 2006 году Большой фразеологический словарь [Телия, 2006] во многом продолжал и развивал лексикографические идеи «Словаря

образных выражений русского языка». В нем, однако, появилась новая зона – культурологического комментария, в общую концепцию и построение которого легли идеи и работы, связанные с анализом культурной семантики фразеологизмов. Показательно, что в само название словаря в качестве одного из компонентов был включен культурологический комментарий. Это отражает ту значимость, которую В. Н. Телия придавала этой зоне словарной статьи. Сам словарь характеризуется в предисловии как экспериментальный.

Лингвокультурологический комментарий, в котором соединены лингвистическое описание с экстралингвистическим, представляется нам одним из важных элементов данной лексикографической концепции. Один из его вариантов для русских фразеологизмов с компонентом душа был также предложен в работе [Брагина, 2006]. Для русско-болгарского тематического классификатора лингвокультурный комментарий играет определяющую роль.

Лингвистические идеи В.Н. Телия воплощались не только в научных работах: монографиях, статьях, – но и в практической фразеографии [Телия, 1991]. Под ее редакцией был выпущен «Словарь образных выражений русского языка» [Телия, 1995]. Во многих отношениях это было пионерское издание. Перечислим некоторые важные моменты: тематический подход в организации материала; «трехмерная» семантизация значения фразеологизмов (собственно толкование, смысловое «подтолкование», в котором описывались особенности, связанные с образным основанием фразеологизмов, ситуативное «подтолкование», в котором демонстрировались ситуации употребления); обновленная по сравнению с традиционными словарями система стилистических помет; включение зоны прагматической информации. Фразеологизмы описывались в трех режимах говорения: Я, Ты, Он. Каждый из них мог снабжаться (при необходимости) мини-комментарием, который отчасти модифицировал, отчасти дополнял определенные стилистические пометы. Вместо помет неодобр., пренебр. и др. предлагалось: говорится с (не)одобрением, с упреком, с пренебрежением, с осуждением и др. Следует также отметить, что, по словам одного из авторов-составителей словаря, М. Л. Ковшовой, на его лексикографическую концепцию оказал непосредственное

влияние русско-болгарский фразеологический словарь под редакцией С. Влахова [Влахов, 1988].

При написании лингвокультурного комментария предполагается также использовать некоторые идеи, положенные в основу культурного комментария в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия [Телия, 2006]. Именно культурный комментарий – задача лингвокультурологии. Культурная часть в языке имеет самостоятельное существование и, следовательно, требует самостоятельного описания, которое осуществляется вместе, параллельно семантическому.

Но лингвокультурологический анализ не совпадает с этимологическим анализом. Его задачи являются не установление происхождения языковой единицы, а первое – определить условия формирования культурного конструкта на материале фразеологии и второе – комментирование фразеологических единиц как цитат, сформированных под влиянием разных типов дискурса – литературного, религиозного и т.д. [Брагина, 1999] Задача культурного комментария, является интерпретация отношений – язык-дискурс.

Рассмотрим центральные работы в русских лингвистических традициях и можем их разделить на: общетеоретическое исследование (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова); прикладные исследование связанные с методикой обучения языка в частности; РКИ; переводческая деятельность (С.Г. Тер-Минасова, С. Влахов, С. Флорин) с составлением словаря.

Обратим внимание на лингвокультурологический подход к исследованию фразеологизмов, который разработала школа В.Н. Телии. Она основана на том, что, язык и концептосфера культуры представляют две семиотические системы, которые взаимодействуют друг с другом. Определенная культура использует все, что может представлять богатство ее смыслов, или концептов [Телия, 2014, с. 775].

Лингвокультурология изучает взаимодействие культуры и языка в процессе функционирования. Сама дисциплина включает исследование речевого поведения, речевой этикет, взаимодействие культуры языка и текста. Изучая лингвокультурологии приобретает способность извлечь из единиц языка

соответствующую информацию и пользователь его в различных ситуациях общения.

В своем учебном пособии «Лингвокультурология» В.А. Маслова [Маслова, 2001] определяет лингвокультурологию следующим образом: наука, которая возникла на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

В парадигме современных знаний, современных научных подходов лингвокультурология, в отличие от лингвострановедения, направлена на «новую систему культурных ценностей», что является вполне естественным и объяснимым [Маслова, 2001].

В конце XX в. возникли четыре лингвокультурологические школы:

Школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, школа Н.Д. Арутюновой, школа В.Н. Телии (MSLCFraz), школа лингвокультурологии, которая создана в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым, которая развивает концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

Общие направления от общетеоретических, которые формируются в русле концептуального анализа, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, переходят в практические, которые связаны с преподаванием русского языка как иностранного (РКИ), переводом, переводоведением, лексикографией.

В работах по РКИ мы придерживаемся мнения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова и, которые отмечают, что „язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, то есть национальную культуру. Изучающие иностранный язык обычно стремятся в первую очередь овладеть еще одним способом участия в коммуникации. Однако, когда усвоение языка достигает полноты, человек одновременно получает

огромное, духовное богатство, хранимое языком, проникает в новую национальную культуру“ [Верещагин, Костомаров, 1990].

Культурный компонент наиболее ярко обнаруживается при сопоставлении национальных культур при изучении чужого языка, при углублении в чужой культуре. Иностранный язык изучается сквозь призму этнической культуры, народного менталитета, лингвистических моделей картины мира.

Изучение иностранных языков тесно связано с усвоением культуры данного языка. Обучение только языковыми явлениями лишает обучающихся полноценной коммуникации, для этого нужно общение на более высоком уровне, на уровне культурного понимания.

Следующие направления – переводческая деятельность (С.Тер-Минасова, С. Влахов, С. Флорин) с составлением словарей и лексикографии.

Обратим особое внимание на работы Сергея Влахова. С. Влахов – один из основателей Союза переводчиков Болгарии, создатель секции «Теория, история и критика перевода», создает в ней Лексикографическую группу. Проводит семинары по проблемам перевода с членами Союза молодых переводчиков. С. Влахов кладет начало сотрудничества между двумя сообществами – переводчиков и лексикографов.

Одна из ценнейших его работ С. Влахова, которая написана в соавторстве с С. Флориным – «Непереводимое в переводе». Первое издание вышло в 1980 г. в Москве, на русском языке уже вышли 5 изданий (1986, 2006; 2009, 2012). На болгарском языке этот труд издан в 1990 г. Эта работа не теряет свою актуальность и сегодня. Во вступительной статье к пятому изданию специалист по теории перевода В.М. Ланчиков отмечает, что авторы одновременно и теоретики и практики – наблюдательные, вдумчивые лингвисты и талантливые, опытные переводчики. Поэтому их книга, пусть даже значительная часть заимствована из чужих переводов – все равно осмысление собственного опыта. Отсюда и ее стиль: так рассказывают о своей работе настоящие профессионалы – увлекательно, точно, доходчиво [Ланчиков, 2006, с. 4]. По мнению Ланчикова одно из достоинств книги

состоит в том, что явления одного порядка систематизированы и сделана попытка выявить в способах их перевода определенные закономерности.

Категория „непереводимости“ связана с уточнением понятия „реалия“. В Главе 1 авторы предлагают и подробную классификацию реалий. Глава 2 посвящена, в частности, переводу фразеологизмов, собственных имен, терминов, каламбуров, отклонений от литературной нормы.

По поводу этой книги уже вышло более 130 рецензий, ее неизменно включают в курсы по теории перевода в России и Болгарии, в библиографии научных работ. Во многих статьях, посвященных вопросам перевода и лексикографии, С. Влахов излагает мысль о сильной зависимости перевода и лексикографии и о том, что для хорошего перевода нужны хорошие, профессионально составленные словари, утверждает, что путем совершенствования словарей возможно повысить качества переводов [Влахов, 1988].

Исходя из данного анализа, после обзора центральных работ в русских лингвистических традициях, можно подытожить, что культурный комментарий ставится как задача лингвокультурологии. Рассматриваются способы включения культурного комментария в лингвокультурных словарях, рассматривается его структура и каким способом комментарий можно применить к фразеологическим словарям.

1.4. Сравнительная лексикография: русско-болгарские словари.

Общие подходы к отражению культурной семантики в словарях

1.4.1. Анализ лексикографических сопоставительных работ (теория лексикографии)

Русско-болгарские сопоставительные работы имеют свою дальнейшую историю. Развитие русистики в Болгарии определяется как близким родством языков и культур, также и традиционно тесными контактами между

представителями этих двух культур. В болгарской лингвистике этой теме посвящены работы, касающиеся отдельных слов и групп, и другие работы, которые ориентированы на фразеологию и на более широкий охват лексики. Результаты представлены также и в библиографии журналов «Болгарская русистика», «Съпоставително езикознание», «Русистика без граници».

Словари несут отпечаток того времени, в котором они появились, и таким образом являются отражением определенного этапа развития, отвечают на заказ соответствующего социума. Анализ лексикографических работ дает нам понять необходимость разработки русско-болгарских и болгарско-русских словарей нового поколения, отвечающих потребностям современных пользователей.

На данном этапе сделаем обзор нескольких существующих русско-болгарских и болгарско-русских словарей.

К одной из первых сопоставительных лексикографических работ можно отнести словарь А.Л. Дювернуа «...Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати», который предлагает обзор предшествовавших словарных работ по болгарскому языку, в котором упоминаются попытки составления словарей Н. Рильским, Н. Геровым, словарь к грамматике братьев А. и Д. Цанковых, словоуказатель к изданию болгарских народных песен, в котором болгарское слово часто сопровождается переводом на русский язык. В предисловии к словарю Л.А. Мичатека уже упоминается о существовании словаря Н. Герова «Речник на бългaрски язик с тълкование речите на бългaрски и на руски Т. 1-5» и о словаре шести славянских языков Ф. Миклошича «Краткий словарь шести славянских языков» (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского).

В Болгарии, в 1938 г. появляется первый русско-болгарский словарь. Вопросом лексической близости русского и болгарского языков занимался болгарский русист и лексикограф С. Чукалов. Под его руководством формируется авторский коллектив по составлению академических русско-болгарских и болгарско-русских словарей. В конце этого этапа развития русско-болгарской

лексикографии выходит в свет работа И. Кара-Ивановой – Русско-болгарский словарь – это первый словарь, который был опубликован в Москве.

В болгарской русистике существуют и отдельные обзорные работы, которые посвящены русско-болгарской лексикографии [Чукалов, 1960].

Существующие словари не дают достаточно материала для сопоставления слов в их системных связях и в еще меньшей степени – их функционирования в речи. Наиболее полно отражается в словарях семантическая характеристика слов, и поэтому толковые одноязычные и переводные словари могут быть использованы в качестве основной базы при сопоставлении лексических единиц с точки зрения прежде всего их семантики.

70-е – 90-е годы XX в. на кафедре русского языка Софийского университета им. св. Климента Охридского, под научным руководством И. Червенковой формируется группа (члены проекта, принимающие в нем участие на разных этапах его осуществления: Р. Брайнова, Е. Василева, С. Василева, М. Ганчева, Н. Делева, М. Зозикова, А. Карловска, Н. Ковачева, Г. Косева, А. Липовска, Г. Мишевска, К. Петрова, С. Стойкова, В. Шевелев) по проекту «Сопоставление лексики русского и болгарского языков». Цель проекта – анализ сущности и степени лексического сходства двух близкородственных языков (русского и болгарского). На этой основе походит конкретизация представления об их близости в области лексики. Таким образом и определяется задача сопоставительного описания русского и болгарского языков, которая также служит практическим целям: обучению болгар русскому языку как иностранному (РКИ); описанию стратегий перевода с русского языка на болгарский и с болгарского – на русский; принципам составления двуязычных русско-болгарских и болгарско-русских словарей.

1.4.2. Двуязычные словари

Для развития русско-болгарского словарного дела и болгарской русистики важным событием, является выход в свет таких словарей как тематический русско-болгарский словарь, словарь предлогов, фразеологический русско-болгарский

словарь, болгарско-русский фразеологический словарь, словарь пословиц, ассоциативные словари и др.

Двуязычная лексикография принимается как особая научная дисциплина, которая имеет собственную теоретическую проблематику, но также и общую проблематику с другими лингвистическими и методическими дисциплинами, способствующими решению теоретических, практических и технологических проблем [Берков, 1973, с. 16]. Интерес к теме «словарь и культура» обусловлен тем, что в последнее время особое внимание уделяется вопросам когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, диалога культур, преподавания иностранных языков. Проблема степени отражения культурного «созначения» в двуязычном словаре ставилась неоднократно в работах В.П. Беркова [Берков, 1973, 1977, 1996].

В этой связи вопросы взаимодействия языка, культуры и словаря «с особой остротой встают в двуязычной лексикографии, от которой зависит, насколько точно будут продолжены дороги между двумя народами» [Иванищева, 2005, с.3].

Еще возникает много спорных вопросов именно в области двуязычной лексикографии. В своей работе Н. Делевой отмечает, что как в двуязычных, так и в одноязычных словарях находят отражение конкретные теоретические достижения, оба типа должны быть, с одной стороны, справочниками, с другой, учебными пособиями. Противопоставления между ними касаются разных аспектов и находят выражение в постановке следующих вопросов: а) отбор словника и способ подачи заголовочных слов; б) выбор адресата; в) отбор языкового материала с учетом пользователей; г) ориентация на конкретную пару языков. При сопоставлении двуязычного словаря большое значение имеет, является ли выходной язык родным или иностранным для пользователей [Делева, 2020, с. 46].

В двуязычном словаре содержатся сведения о конкретной паре языков и следует учитывать лексические системы двух языков, надо найти способы фиксации эквивалентных отношений элементов лексики двух языков.

Создание словарей близкородственных языков связано со специфическими трудностями, одна из которых состоит в опасности упрощения смысловых

различий. Практика показывает, что в близкородственных языках больше слов с частично расходящимися значениями, чем слов, совпадающих по своей форме, значению и употреблению [Делева, 2020, с. 73].

Поскольку в нашей работе мы опираемся преимущественно на специальные фразеологические словари, далее представим периодизацию этих словарей.

Период после второй мировой войны – «Дифференциален фразеологичен руско-български речник», Панчев К., 1955.

1970–1989 – «Руско-български фразеологичен речник», Влахов С., Андрейчина К., Димитрова С., Запрянова К., С. 1980.

«Българско-руски фразеологичен речник» Кошелев А.К., Леонидова М.А., С., 1974.

1989 – по настоящее время – «Тематичен руско-български речник на фразеологизмите» Влахов С., Велико Търново, 1994.

В современной болгарской лексикографии разрабатываются нормативные справочники по орфографии, орфоэпии, касающиеся правильного употребления слов. Последние годы это стало актуально, так как наблюдается ускоренное развитие лексической системы болгарского языка в связи с новыми тенденциями в орфографии и пунктуации, что привело к колебаниям и разным решениям.

Многолетний труд С. Влахова в области словарного дела представлен в составлении 10 самостоятельных лексикографических работ. Коротко рассмотрим несколько значимых его работ, которыми мы пользовались в настоящем исследовании. Серия русско-болгарских словарей описаны в работе Н. Делевой [Делева, 2018]. В словаре [Влахов, 1970] впервые в русско-болгарской лексикографии так называемые „общие“ для русского и болгарского языка лексические единицы включены в словник. Перечень этих единиц расположен под основным, под чертой, в виде списка русских слов, понятных без перевода, напр. *преувеличенный, напрасный, любезность, магистр, свадебный, стеклорежущий, кругозор, крыло.*

В своей подробной рецензии К. Бабов высоко оценивает огромный труд авторов и редакторов русско-болгарского словаря, «Руско-български речник»

[Влахов, 1986]. С. Влахов – редактор второго тома, охватывающего 925 страниц и около 50000 слов. Одно из достоинств этого лексикографического произведения – включение новых слов, новых значений некоторых слов, новых фразеологизмов и аббревиатур. Второе издание этого словаря вышло в свет через 25 лет после первого, опубликованного в 1960 г. К достоинствам словаря относится включение множества пословиц, поговорок и крылатых фраз, что отражает накопленный опыт в области сравнительной паремиологии [Делева, 2018, с. 395].

«Нов русско-български речник» [Влахов, 2004] содержит 50000 слов, устойчивых сочетаний и фразеологизмов и, следовательно, по объему является словарем среднего типа. Его разработка обусловлена потребностью в современном русско-болгарском словаре, который отражал бы значительные изменения в лексике, произошедшие в последние 15 лет в двух языках в связи с существенными переменами в жизни болгарского и русского общества.

В работе [Делева, 2018, с. 396], представлено, что объем словника «Русско-болгарского словаря» [Червенкова, Влахов, 2008] – около 15 000 слов и словосочетаний. Предназначен для носителей русского языка при деловой или туристической поездке в Болгарию. В него включены самые необходимые начальные сведения о болгарских соответствиях русских слов и их использование в болгарском языке. Снабжен кратким грамматическим очерком болгарского языка.

Во фразеологическом словаре Влахова [Влахов, 1994] включены около 2050 фразеологических единиц, снабженных переводом, цитатами, уточняющими значения примерами.

«Сопоставительный словарь пословиц болгарских, русских, английских, французских, немецких и латинских» [Влахов, 1998] – это первый в Болгарии многоязычный словарь пословиц. Словарь содержит 624 семантические гнезда, в них ведущей является болгарская пословица. При составлении этого первого в болгарской лексикографии многоязычного словаря пословиц С. Влахов руководствовался принципом, чтобы болгарская пословица была зафиксирована в соответствующих двуязычных словарях. Подбор осуществлялся таким образом,

чтобы у исходной поговорки было соответствие / соответствия в остальных пяти языках. К соответствующей поговорке указан источник, из которого подобрано соответствие. В словарь включены 976 болгарских поговорок, 922 русских, 915 английских, 883 французских, 964 немецких и 440 латинских, в общей сложности 5 100 поговорок. Поговорки пронумерованы, номер указывает и на отсылку к соответствующей единице в индексах или к синонимичной поговорке [Делева, 2018, с. 397].

Для нашего исследования было важно проанализировать и словарь [Влахов, 1996], поскольку в Болгарии до сих пор нет подобного издания, отсутствуют сведения, что такой вид словаря издавался и в другом месте. Лексикографическое произведение нестандартное как по замыслу, так и по выполнению. Книга является одновременно и словарем, и энциклопедией, она совмещает богатство энциклопедии и глубокие филологические познания. Это и справочник, и занимательный и увлекательный рассказ о мире древних народов, об общечеловеческих ценностях.

Современная болгарская лексикография связана с болгарским лексикографом А. Липовской. Она работала в области лексикологии и двуязычной лексикографии, семантики, когнитивной и психолингвистики, паралингвистики, ассоциативной лингвистики, теории и практики обучения иностранным языкам.

В своей работе «Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития» [Липовска, 2009] она описывает изданных русско-болгарских и болгаро-русских словарей, в работе еще представлена история русско-болгарской лексикографии, также обращено внимание на социальные и культурные предпосылки появления словарей, описана работа лексикографов по созданию словарных материалов, очерчены основные тенденции развития русско-болгарской лексикографии. Ее труд направлен на прослеживание тенденций развития словарного дела, в целом, также отдельных лексикографических проблем для пары языков русский – болгарский. Ее монография содержит научно обоснованное исследование традиций русско-болгарской лексикографии, прослеживаются тенденции ее развития, также проведена периодизация развития словарного дела.

В нашей работе мы полностью придерживаемся ее мнения, что «русский и болгарский – близкородственные языки, и по ряду причин с лексикографической точки зрения они нуждаются в специализированном дифференцировании информации» [Липовска, 2009, с.164].

На основе данного обзора можем обобщить, что каждое появление, выход в свет, каждого из двуязычных словарей, становится особым событием для развития русско-болгарского дела в целом. Подчеркнем также, что все русско-болгарские словари являются доказательством высокого уровня лингвистических исследований и большого опыта практического лексикографирования.

Выводы по главе 1

Традиции сопоставительных исследований русского и болгарского языков в области лексической семантики просматриваются достаточно четко. При этом они имеют значительное сходство, нет разночтения в терминологии, нет существенного различия в методах исследования.

В первой главе дан обзор работ, посвященных сопоставительному анализу русского и болгарского языков, описанию их сходств и различий, а также явлению межъязыковой интерференции.

Особое внимание уделяется исследованиям российских и болгарских лингвистов, чьи работы были посвящены описанию культурной семантики лексических единиц.

Во второй половине XX века в русской и болгарской лингвистической традиции наблюдается разворот в сторону анализа ключевых слов культуры, появляются новые термины, такие как *лингвокультурология*, *лингвокультура*, *концепт*, *культурная коннотация* и др.

Для развития двуязычной русско-болгарской лексикографии, важным событием, стал выход в свет таких словарей как тематический русско-болгарский словарь, словарь предлогов, фразеологический русско-болгарский словарь, словарь пословиц.

В целом, можно с полной уверенностью утверждать, что русские и болгарские лингвистические и лексикографические традиции служат надежным основанием для дальнейшего развития исследований в области сопоставления двух близкородственных славянских языков, в частности, в направлении кросс-культурных исследований и лексикографических проектов.

ГЛАВА 2. МИР “КАЖИМОСТИ”: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ

В данной главе показано, что понимается под миром “кажимости”, рассматривается, в каких лингвистических работах затрагивалась тема “кажимости”. Было выделено лексико-семантическое поле “кажимости”, определено, из каких единиц оно сформировано, показана его центральная и периферийная зоны, а также определено, какие слова остаются на границе исследуемого поля.

Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться как в наличии групп специфических слов, так и в отсутствии переводных эквивалентов при переводе с других языков. Лакуны замечаются только при сопоставлении языков, что позволяет увидеть и описать области совпадения (полного или частичного), области несовпадения, а также ситуации наличия в одном языке и отсутствия в другом тех или иных лексических единиц. При сопоставлении языков и культур разных народов выделяются элементы совпадающие и несовпадающие.

Одним из эффективных способов сопоставления единиц, относящихся к разным лингвокультурам, является анализ не отдельных лексем, но идеографических групп, образующих лексико-семантические поля.

В современных исследованиях термин «семантическое поле» может заменяться на синонимический ряд, лексическое поле, лексико-семантическое поле. В нашей работе мы используем термин лексико-семантическое поле синонимично термину «семантическое поле».

Семантическое поле является совокупностью языковых единиц, которые объединяет общим семантическим признаком, имеет какой-то общий компонент значения. В работе И.М. Кобозевой согласно такой теории на каждое «понятийное поле», соответствующее определенной сфере понятий, наслаиваются слова, членившие его без остатка и образующие словесное поле. Каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля. Таким образом значение слова понятно лишь в том случае, если известны значения других слов из того же поля [Кобозева, 2000, с. 98].

Обсуждая внутреннюю форму, мы не можем не обратить внимание и на теории поля (подробнее см. [Щур, 1974]). Интерес к этой теме большой (Ю.Н. Караулов, А.А. Уфимцева, В.Г. Адмони и др.). В своей работе В.Г. Адмони, отмечает, что во многих словах выделяется определенный разряд «комплексно обладающий каким-то набором» [Адмони, 1968]. В работе мы придерживаемся мнения А.А. Уфимцевой, которая считает, что возникновение семантического поля, связано с понятием внутренней формы языка и таким образом вместе с реальным миром и внутренней формой автор относит его к основным понятием, определяющего языка [Уфимцева, 2002, с. 240]. Остановимся на работе еще одного ученого – Ю.Н. Караулова, который соотносит лексико-семантическое поле с понятием «тезаурус» – некий способ описания, или представления семантического пространства [Караулов, 1981, с. 362].

Это позволяет определить, степень семантико-прагматического сходства и различия, а также степень формальной выраженности (на уровне слова, словосочетания, фразеологизма) тех или иных смысловых категорий. В настоящей работе предметом такого описания становится лексико-семантическое поле мир “кажимости”, которое позволяет проанализировать степень и характер его лексической выраженности в двух близкородственных лингвокультурах.

2.1. Мир “кажимости” и его интерпретация в русских и болгарских лингвистических работах

Поле мир “кажимости” включает лексические и фразеологические единицы с общим смысловым компонентом ‘мнимая реальность’, ‘отклонение от реальности’. В разных словах степень и характер такого отклонения могут быть разными: *воображение, мечта, фантазия, притворство, ложь, неискренность*.

Н.Д. Арутюнова относит к “кажимости” такие лексические единицы: *как бы, как будто, будто, словно, точно, вроде, похоже, кажется, мерещится, чудится* [Арутюнова 1999, с. 846]. Знаками “кажимости” маркируется субъективное

впечатление, то, что показалось, привиделось [Там же, с. 851]. Этим определяется модальность “кажимости” (К-модальность). Описывая семантику лексической единицы *как бы* на материале текстов Ф.М. Достоевского, Н.Д. Арутюнова отмечает смещение от модальной неопределенности, предполагающей истинностную (вероятностную) оценку, в сторону семантической (концептуальной) приблизительности [Там же]. В работе [Арутюнова 1997] определяются главные признаки “кажимости”: двуплановость, «двойное бытие», совмещение реального и кажущегося; наличие наблюдателя, самонаблюдение также не исключается; чувственное восприятие ситуации, данное в ощущениях, образах, впечатлениях, воспоминаниях наблюдателя. Отправным пунктом “кажимости” является *sense-data*. Модальность “кажимости” (К-модальность) оставляет вопрос об истинности открытым [Там же]. Рассматривая модальный оператор *как будто*, Н.Д. Арутюнова отмечает, что он регулярно входит в контекст “кажимости” [Там же, с. 26]. В ее работах [Арутюнова 1997; 2008] “кажимость” обсуждается также в отношении к категории достоверности.

Важным показателем “кажимости” является ее относительная маргинальность: К-модальность маркирует не то, что не видно, а привиделось, не слышно, а послышалось. Для нее характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и видений [Арутюнова 1997, с. 25]. Это делает ее понятийное поле весьма подвижным. Хотя “кажимость” не предполагает достоверности, она может эволюционировать в сторону предположения, получая вероятностное значение. Интересно в этой связи также описание смещения наблюдателя от непосредственно воспринимаемой данности в сторону сравнения или умозаключения при семантическом расширении слова *вид* [Кустова 2004, с. 172].

Возможность семантической эволюции “кажимости”, отмечаемой в лингвистических работах, представляется для нас важным ее свойством. В дальнейшем мы будем рассматривать лексемы *надежда*, *мечта*, *сон*, в которых также присутствует вероятностное значение реализуемости (*надежда* может *осуществляться*, *мечта*, *сон* – *сбываться*). Ср. также замечание Ю.Д. Апресяна об объективной возможности, которая интерпретируется как ментальная

предпосылка: чисто алетическое значение ‘есть возможность для Р’ преобразуется в ‘есть основания для Р’ [Апресян 2006, с. 48]. Это замечание относится к предикатам мнения, в том числе и к лексеме *надеяться*,

В работе [Апресян 2006, с.144-145] “кажимость” определяется как мнимая действительность, при которой в том или ином виде входит значение несоответствия наблюдаемой картины и действительного положения вещей. В лексико-семантическое поле “кажимости” включаются такие предикаты: *вообразать (себя героем), врать, делать вид, грезить, казаться, мерещиться, чудиться, сниться, сочинять* и др.

Таким образом, благодаря упомянутым выше работам, в которых описываются фрагменты большого лексико-семантического поля “кажимость”; а также работам, характеризующим модальность “кажимости” (К-модальность), слово “кажимость” в русской лингвистике стало операциональным, т.е. рабочим термином. Это нашло отражение в посвященных данной теме последующих исследованиях [Семенова 2007; Малинович, 2008; Шаховский, 2011; Хельмянова, 2012, 2015; Логинов, 2022 и др.]. Так, например, М.В. и Ю.М. Малинович определяют “кажимость” как универсальное и энергоемкое семантическое понятие, которое включает ряд сфер, таких как видение и видение, ложь, правда, искренность, неискренность, реальность и ирреальность [Малинович, 2008, с. 608].

Показательно, также, что “кажимость” может выступать в качестве термина и в других гуманитарных дисциплинах [Васюков, 2016].

В современном русском языке встречается также нетерминологическое употребление лексемы *кажимость*, например:

(1) Похожие в толпе на всех других. Но я давно знаю: это *кажимость*. Нет и не может быть похожести. (Г. Щербакова. «Моление о Еве»).

(2) Рушась параболическим зрением за горизонт, я бесконечно лежу — и, понемногу опускаясь, непоправимо ощущая над собой погребальную гору воздуха, замечаю беспомощно, что в жару *кажимость*, стекая с оплавленной зноем реальности, затапливает к вечеру зрение. (А. Иличевский. «Октябрь»).

(3) Все дым, все *кажимость*, все шлейф пустых разговоров, после которых наутро болит голова, мутятся чувства, как после угара. (А. Архангельский. «Дымова завеса»).

(4) – «О чем же вы пишете?» – «О разнице между кажимостью и действительностью». Я не придумывал так отвечать, само сошло с языка. Он сделал губами, как если бы попробовал мой ответ на вкус, и сказал: «Кажимость» – хорошее слово. (А. Найман. «Славный конец бесславных поколений»).

Для болгарского языка употребление слова, являющегося аналогом русскому “кажимость”, нетипично. Не существует переводного эквивалента. Само значение можно передать с помощью развернутого определения: «Струва ми се, изглежда, като че ли, види се, сякаш, вижда ми се, престорва ми се, възделение, оставам с впечатление, май че, мисля, смятам, предполагам, считам, по мое мнение, доколкото знам, според мен» [Войслова, 2019, с.54].

Таким образом, и это принципиально для нашей работы, понятие “кажимость” применяется впервые в качестве операционального, или рабочего термина при анализе и описании лексем болгарского языка. Наличие общего понятийного аппарата позволяет проводить сопоставительное исследование, основываясь на общих лингвистических постулатах и общих основаниях для сравнения лексических единиц двух языков.

Помимо работ, в которых характеризуется лексико-семантическое поле “кажимости” существуют исследования, в которых эта тема обсуждается в логико-философском ключе, а также лингвистические работы, в которых предложено описание лексической семантики единиц данного поля. В русле работ, посвященных философии языка, эта тема соотносится с субъективностью мира и его противопоставленностью реальному миру. Языковую (наивную) картину мира также можно частично отнести к мир “кажимости” [Austin, 1979; Searle, 1974].

Дж. Остин и Дж. Р. Сёрль заметили, что «какими вещи представляются нам, и каковы они в реальности». В их исследовании, мир – это то, что порождается языком. А использование языка всегда субъективно. Следовательно, язык создает

только субъективный мир. Реального мира в языковой репрезентации не существует. И научная, и наивная картины мира создаются языком. И ни та, и ни другая не являются объективными, потому что они создаются человеком [Searle, 1974]. Анализируя мир “кажимости”, мы понимаем, что через “кажимость” познается не только видимый мир – таким образом познается человек.

Э. Кассирер подчеркивает, что теоретическое построение картины мира начинается с того момента, как сознание впервые проводит ясную границу между видимостью и истиной, между просто воспринимаемым или представляемым и истинно сущим, между субъективным и объективным [Кассирер, 2002, с. 279].

Таким образом, “кажимость” может возникать в условиях неполноты восприятия мира человеком, разного рода «сбоев в восприятии» в действительности.

Тема “кажимости” затрагивается также в работах: М.Л. Ковшовой [Ковшова, 2008, 2018], А.Д. Шмелева [Шмелев, 2003, 2008, 2015], Н.Г. Брагиной [Брагина, 2008, 2017, 2018], О.П. Ермаковой [Ермакова, 2008, с. 619], Е.Н. Боровицкой [Боровицкая, 2008, с. 370], С. Деннингхаус [Деннингхаус, 2008, с. 351], В.И. Шаховского [Шаховский, 2011, 2008], С.С. Тахтаровой [Тахтарова, 2008, с. 351].

Понимая, что мир “кажимости” характеризуется двуплановостью и соотносится как с реальностью, так и с ирреальностью, в основе которого лежит способность человека к восприятию мира при помощи образов, субъективных желаний, связанных с воображением, мы включаем в его лексико-семантическое поле также лексему *память*.

Семиотики, философы, психологи сближают память и воображение. Еще в античности отмечалась их общая локализация – душа. Память воспроизводит образы, т. е. то, что можно вообразить, то, что связано с воображением.

Отношение между памятью и воображением рассматриваются в работе [Брагина, 2008]. Автор задается вопросом. Если предположить, что память в языке связана с категориями истинности, подлинности, что вытекает из особенностей ее употребления, например: *это было на моей памяти, помню, как загорелся дом*, т.

е. ‘я свидетельствую, что это действительно происходило’, то возникает вопрос: как она взаимодействует с воображением, и наоборот: если воображение относится к ирреальному миру, то как оно может семантически быть сближено с памятью. В работе также затрагивается вопрос о прошлом: как реальность смешивается со сном, с фантазиями, с бредом и как это происходит в ситуациях, когда граница между тем, что было и тем, что показалось воспринимается как неточная, нечеткая, или вообще отсутствует. Таким образом, память оказывается пограничной областью между миром реальности и миром “кажимости”. Точнее, на примере памяти можно наблюдать процесс включения элементов мир “кажимости” в «мир реальности».

В работе В.И. Шаховского [Шаховский, 2011], воображение соотносится с фантазией. А сама фантазия описывается как явление, которое оказывает положительное воздействие на человека. В основе лжи и фантазии лежит искажение фактов, смыслов, отклонение от истины, неправда [Ковшова, 2008]. *Неправда и ложь* – это антонимы слова *правда*.

Таким образом, лексико-семантическое поле мир “кажимости” включает в себя лексические единицы, которые соотносятся как с реальностью, так и с ирреальностью.

Обобщая все сказанное выше, дадим определение “*кажимости*”. Под “*кажимостью*” в настоящем исследовании понимается сложившееся у человека или группы людей (сообщества) представление, основанное (как правило) на желании, не имеющее своего воплощения в реальности настоящего, но имеющее некоторую вероятность реализоваться в будущем. Это представление является продуктом ментальной и / или эмоциональной деятельности, а также работы бессознательного и служит формированию внутреннего мира человека. Значение “кажимости” соотносится с видением мира воображаемого и реального, с видением человека в рамках реальности и фантазии, миром его снов, грез, мечты.

Описание лексико-семантического поля мир “кажимости” предполагает обращение к семантике глагола *казаться*. В русских толковых словарях глагол имеет разные значения: ‘представляться воображению, мысли, вызывать, внушать

мысли о чем-либо' [Кузнецов, 1998]. 'Являться, возникать в мыслях, в воображении' [Ожегов, Шведова, 1992].

Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000] описывает глагол как: 'Иметь какой-л. вид, производить какое-л. впечатление; восприниматься, осознаваться кем-л., каким-л. образом; безл. представляться в воображении; мерещиться, чудиться; представляться в мыслях (употр. при выражении сомнения, неуверенности, отсутствия убежденности в истинности сообщаемого) '.

Семантика глагола *казаться* подробно описана Ю.Д. Апресяном в словарных статьях *казаться 1* (синонимический ряд *сдаваться, представляться 2, думаться 1*) [Апресян, 2004] и *чудиться* (синонимический ряд *мерещиться, казаться 2*). В статье указывается, что *казаться 2* трудно отделяется от лексемы *казаться 1*.

Подробного анализа семантических свойств болгарского глагола *струва ми се* и его синонимов мы не находим. Однако, что касается анализа синтаксических свойств русского глагола *казаться* и болгарского *струва ми се*, то он проводился в нескольких работах.

В болгарском языке, как и в русском, значение глагола *казаться* часто выражается с помощью конструкций с дательным падежом. В болгарском языке нет предикативного падежа и инфинитива, и конструкция с подъемом при глаголе *струва ми се – казаться*, является невозможной. Дативно-предикативная структура в болгарском языке похожа на русскую и употребляется для выражения внутренних состояний [Циммерлинг, 2018, с. 57].

В работах А. Циммерлинга констативные и оценочные предикаты сочетаются с эпистемическим оператором *кажется* [Циммерлинг, 2018, с. 49]. Он также отмечает, что в современном русском языке внешне выраженный инфинитив в предполагаемых конструкциях подъема невозможен, но форму творительного предикативного в предложении с эпистемическим оператором можно считать маркером подъема [Там же, с. 53].

В работе [Иванова Е., Кустова Г., Лесева С, 2022, с. 405] обращено внимание на функцию датива как признака эпистемического субъекта, например: **Б. И твоята**

панама нещо ми *синее!* **Р.** И твоя панама что-то *мне кажется синей*. Авторы описывают, что сходные болгарские конструкции «охарактеризованы как включающие эпистемическую оценку (эпистемический оператор *кажется*)» [Циммерлинг, 2018; Иванова, Кустова, Лесева, 2022, с. 405].

Болгарский ученый в области синтаксиса, А. Градинарова, впервые обратила внимание на то, что при употреблении датива в болгарское предложение включается не только экспериенцер, но и субъект «недостовверного знания», как например: **Б.** Звучи нелогично. / Звучи ми нелогично. **Р.** Звучит нелогично. / Мне кажется нелогичным [Градинарова, 2003 с. 5; Иванова, Кустова, Лесева, 2022, с. 406]. В этой же работе авторы показывают, что в качестве эпистемического глагола, *кажется* передает значение неуверенности, предположительности и глаголы «перцептивно воспринимаемого признака типа *жълтея* требуют специальный показатель недостаточности, и именно эту функцию берет на себя эпистемический датив» [Там же, с. 410].

Остановимся на еще одной конструкции, в которой на месте подлежащего стоит имя определенного объекта. В своей работе А. Градинарова рассматривает дативные конструкции с глаголами проявления и понимает их в сдвоенную роль, во-первых, в качестве экспериенцера и как субъекта недостаточного знания и мнения, например: **Б.** Млякото ми *киселее*. **Р.** *Мне кажется*, что молоко *кислит* [Градинарова, 2017, с. 59]. А. Циммерлинг дает эпистемическую интерпретацию болгарским предложениям такого типа, как **Б.** Млякото ми *киселее* и анализирует их как предложения с эпистемическим оператором *кажется* [Циммерлинг, 2021 с. 302-303]. В качестве такого результата неуверенного, недостаточного знания служат эпистемические глаголы: *выглядит / изглежда, кажется / струва ми се*, а также и частицы, *как, май* в болгарском, или *как будто бы, вроде бы* в русском языке.

Для нашей работы представляется важной мысль, высказанная Н.Д. Арутюновой (см. выше), о «двуплановости», «двойном бытии» „кажимости“, что в конечном итоге обуславливает ее противопоставление одноплановости реального мира. „*Кажимость*“ связана с воображаемым, которое является

продуктом ментальной деятельности как отдельного человека, так и сообщества в целом. Этот мир имеет свою лексику и грамматику. Его лексикон используется в психологии, социологии, истории и в других дисциплинах. Он в значительной степени универсален, т. е. представлен в разных лингвокультурах, поскольку противопоставление реального – ирреальному, фактического – воображаемому есть неотъемлемая часть мышления человека о мире, а следовательно это находит свое выражение во многих языках.

„Кажимость“ – это некий, возможный, «промежуточный» мир, существующий между – реальностью и ирреальностью. Мир “кажимости” позволяет моделировать мир не таким, каким он есть в реальности, а таким, каким он может представляться конкретному субъекту в определенный момент восприятия, то есть каким он кажется, например, в его мечтах, в воображении.

Обязательным свойством лексических единиц, формирующих мир “кажимости”, является отклонение от мира реальности и / или от истины, несовпадение с ними в конкретный промежуток времени, определяемом как «настоящее». В данной работе мы сосредоточились на лексических единицах, обозначающих ‘отклонение от реальности’. Единицы со значением ‘отклонение от истины’ в данной работе не будут рассматриваться подробно, а только в общем контексте лексического наполнения поля мир “кажимости”. Например, в отличие от лексемы *ложь*, обозначающей ‘то, чего не было в реальности и что отклоняется от истины’, лексема *мечта* ‘обозначает желаемую реальность’, т. е. ‘то, что не является реальностью, но с некоторой долей вероятности может осуществиться’. Иными словами, если *мечта* может *реализоваться, воплотиться*, то *ложь* не может стать *правдой*. Это, в частности, отражают словосочетания: *надежды / надежды, мечты сбылись / сбьднаха се мечтите, сон сбьлся / сънят се сбьдна, надежды осуществились / надеждите се осьществиха, реализовать свою мечту / да реализирам мечтата си* и др. Это – первая группа единиц, образующих мир “кажимости”.

Для лексических единиц, входящих в мир “кажимости” и связанных с отклонением от истины: *ложь, неправда, неискренность, обман* и др., – реализация

в будущем невозможна. *Ложь, неправда, неискренность* и другие относятся ко второй группе единиц, образующих мир “кажимости”.

Первая группа отличается от второй по таким признакам как: а) ненамеренность, неконтролируемость, отсутствие цели скрыть истину vs намеренность, контролируемость, наличие цели скрыть; б) различие во временной ориентации: лексемы первой группы определенным образом коррелируют с будущим (ср. *мечты о будущем; пророческий сон; надежда на будущее* – Как отмечается в работе [Апресян в 2004, с. 565] для *надеяться* не обязательна ориентация на будущие события. Часто надеются на то, что уже произошло, ср. (*Надеюсь, что он уже приехал.*), лексемы второй группы коррелируют с прошлым и / или настоящим, но не с будущим (ср., невозможно: **ложь, неправда о будущем; *ложь, неправда сбылась*).

Таким образом, лексико-семантическое поле мир “кажимости” не является гомогенным.

2.2. Мир “кажимости” и область ирреального: сходства и отличия

Мир “кажимости” позволяет моделировать мир не таким, каким он есть в реальности, а таким, каким его воспринимает конкретный субъект (человек или коллектив) в определенный момент времени. Такое восприятие предполагает определенную систему образов, выражающих разные состояния: эмоциональное (желание, страх, любовь, тревогу и др.) и / или ментальное (подозрение, сомнение, измененное сознание и др.). В нашей работе мы рассматриваем мир “кажимости”, формируемый в системе образов под влиянием желания и измененного состояния.

Мы полагаем, что “кажимость” имеет высокий терминологический потенциал, поскольку фокусирует внимание на способности субъекта (человека или коллектива) создавать отдельные миры, отличные от мира, который строится на основании неоспоримых, доказанных, подтвержденных, эмпирически воспринимаемых фактов и который определяется как реальный мир. Использование этого слова в терминологическом значении, под которым

понимается ирреальный, иной мир, целесообразно для нашей работы. В дальнейшей работе мы будем использовать этот термин.

Посмотрим, как в языке выделяются лексические единицы, обозначающие разные способы и разную степень отклонения от истины:

Р. *мечта, воображение, фантазия, неискренность, ложь* / Б. *мечта, въображение, фантазия, неискреност, лъжа*. Среди многообразия форм осмысляемого небытия выделяются такие явления, как Р. *сон, сновидение, бред, грёзы, искусство* / Б. *сън, съновидение, делир, мечта, изкуство*. Можно определить и такую лингвистическую бинарность «есть vs. кажется».

В нашей работе в мир “кажимости” входят лексические единицы, значения и употребления которых манифестируют разную степень отклонения от истины, а именно: *воображение, мечта, фантазия, притворство, ложь, неискренность*.

Дальше переходим к анализу работ, в которых описывались единицы, относящиеся к миру “кажимости”. В своих работах Ю.Д. Апресян затрагивает и анализирует такие лексические единицы как *правда ложь, воображение, сон, мечта* и др.

Ю.Д. Апресян придает большое значение вопросу о возможности говорить о мнимых, обманных мирах и их языковом воплощении. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что языковые средства, которые используются для обозначения картин и образов этих миров, представлены не только всеми знаменательными частями речи, но и:

1. Некоторыми служебными единицами, союзами и частицами – *будто, якобы, вроде, как будто, как бы, точно*;
2. деривационными элементами – *псевдо-, квази-, лже-, ложно-*.

Лексический состав мир “кажимости”, таким образом, представлен как знаменательными, так и служебными частями речи. Находясь в оппозиции миру реальному, мир “кажимости” многообразен и многоаспектен, что находит выражение в лексике [Апресян, 2008, с. 23].

Ю. Д. Апресян говорит о мнимом и обманном мирах и о языковых средствах, которые употребляются для обозначения этих миров. Следует отметить, что в

работе, среди предикатов, которые представляют названия ложных действий, а также их результаты, относятся: действия и поступки субъекта – сюда входят глаголы из нашего поля, а именно – *вообразать, мечтать, грезить...* В качестве результата работы воображения и эффектов воздействий на объект к данной группе относятся также: *воздушные замки, вымысел, миф, иллюзия, мираж, обман, зрения, плод воображения* [Там же, с. 24]. Некоторые из них будут проанализированы в работе дальше.

В процессе исследования мы уделили большое внимание сборникам и работам из серии „Логического анализа языка» под редакцией Н.Д. Арутюновой, которые посвящены анализу непосредственно данных лексических единиц.

Интересно обратить внимание на работу Н.Д. Арутюновой («ВИдение и видЕнье») [Арутюнова, 2008, с. 93], которая затрагивает тему, связанную со зрением – глаза – как орган зрения, как окно, которое соединяет внутренний мир человека с внешним. Зрение постоянно взаимодействует с воображением, со снами, оно может поставлять ненадежную, ложную информацию и фантастические, нереальные образы.

В другом сборнике из серии, («Лингвофутуризм. Взгляд в будущее»), ряд авторов анализируют лексические единицы как *сон* А.А. Дасько [Дасько, 2011, с. 414], *сон и мечта* А.Э. Левицкий [Левицкий, 2011, с. 448], Г.И. Берестнев [Берестнев, 2011, с. 403] описывает лингвистику сновидения.

Обратим внимание на еще одну работу Г. Берестнева [Берестнев, 2014, с. 39] где сновидения рассматриваются как современный объект когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Автор анализирует их языковую природу. «В сновидениях культурные концепты функционируют особым образом – выступают областями-источниками для дальнейшего метафорического переосмысления. При этом они часто становятся культурными символами» [Берестнев, 2014, с. 39].

Следует отметить и труд «Память в языке и культуре» [Брагина, 2007]. В рамках данной работе тоже проанализированы лексические единицы как *воображение, память*, которые входят в наше поле. Память и воображение в работе, отвечают за мысленное воспроизведение чего-либо.

Воображение описывается как деятельное пространство. Приведем следующие его эпитеты: *воображение* может быть *горячее, пылкое, дерзкое, живое, распаленное, пламенное, нетерпеливое* и т. д.

У воображения нет границ, что сочетается с концепцией свободы творчества. Ирреальные сущности: *несбывшиеся мечты, надежды, желания*. Они формируют память о несбывшемся и инициируют в сознании текст о невозможном, например, диалогическая ответная реплика: “Не судьба!”, которую проанализируем дальше в работе.

Анализируя мир “кажимости”, обращаем внимание и на человеческое понимание мира: мир как он есть и мир, каким он нам кажется. Модель / образ мира кажущегося включает в свой состав субъективное мнение о действительности, что предполагает создание нереального, мнимого, воображаемого мира. Мир “кажимости” – лексико-семантическое поле, которое описывает нечто противоположное реальности.

Анализ лексикографической информации позволяет выделить некоторые опорные элементы мир “кажимости”. Именно после такого анализа и накопления сопоставительного материала расширился круг лексики, которые входят в мире “кажимости”.

Мир “кажимости”, который понимается как ирреальный мир, а также, как отклонение от истины. Он имеет свое воплощение в языке и, в первую очередь, в его лексическом составе.

2.3. Лексико-семантическое поле мир “кажимости” в русском языке

Принципы построения.

В процессе построения лексико-семантического поля мир “кажимости” определяется его понятийные характеристики, очерчиваются его границы, описываются его ключевые лексемы, рассматриваются единицы, которые по тем или иным причинам не включены в поле, но находятся на его границе.

На первом этапе было смоделировано поле на основании сплошной выборки слов из толковых словарей, далее с помощью метода компонентного анализа был выявлен состав единиц, его образующих, и определена лексико-семантическая группа данного поля для дальнейшего более подробного изучения и описания. На втором этапе к единицам лексико-семантической группы был применен критерий частотности, на основе количественных данных, полученных при анализе Национального корпуса русского языка. Также оценивался лингвокультурный потенциал рассматриваемых единиц.

Охарактеризуем каждый этап построения лексико-семантического поля мир “кажимости”.

На первом этапе мы обратились к лексикографическому материалу, прежде всего к толковым словарям [Кузнецов, 1998, Морковкин, 2016]. Это позволило выявить ядерные единицы лексико-семантического поля мир “кажимости”, обобщенное значение которого включает такие компоненты как ‘отклонение от реальности’, ‘мнимая реальность’, ‘то, что субъект воспринимает как возможно реальное’. Были выбраны единицы, в толкование которых включены структурообразующие компоненты (семы) ‘образ’, ‘воображение’, ‘желание’, ‘вид’, ‘впечатление’. Полученный с использованием метода компонентного анализа список был дополнен синонимами на основе выборки из синонимических словарей [Апресян, 2004; Абрамова, 1999, Евгеньева, 2003] и применения метода групповой семантизации, используемого, в частности, при формировании и описании идеографических групп, а также при описании лексической и семантической сочетаемости [Брагина, 1988]. Таким образом, разделение свойств языковых единиц на индивидуальные и групповые, предоставляет возможность существенного сокращения объёма словарных статей, но без уменьшения их информативности [Богачева, Морковкин, 2011]

Итоговый список лексических единиц позволил сформировать лексико-семантическое поле мир “кажимости”. В его состав вошло около ста разноструктурных единиц. Помимо имен существительных, о которых речь пойдет ниже, лексико-семантическое поле мир “кажимости” образуют глаголы,

прилагательные, служебные слова, а также фразеологизмы. Фразеология понимается при этом в широком смысле слова, т.е. с включением в ее состав устойчивых словосочетаний и фраз разных структурных типов.

Глагольный ряд в русском и болгарском языке представлен такими единицами: *казаться / струва ми се*, *показаться / стори ми се*, *думаться / струва ми се*, *предполагам*, *подумать / предположа*, *мнить / оказва се*, *мниться / изглежда*, *че*, *сдаваться / смятам*, *струва ми се*, *бредить / бълнувам*, *копнея*, *мечтая*, *грезить / бленувам*, *мечтая*, *грезиться / бленувам*, *мечтая*, *пригрезиться*, *мерещиться / привижда ми се*, *померещиться / струва ми се*, *примерещиться / привижда ми се*, *представлять (в мечтах) / въобразява си*, *представя си*, *представляться / представям си*, *представиться себе / представя си*, *вообразя си*, *чудиться / привижда ми се*, *струва ми се*, *счува ми се*, *почудиться*, *причудиться*, *видеться / види ми се*, *стори ми се*, *привидеться / привижда ми се*, *слышаться / усеща се*, *долавя се*, *послышаться*, *рисоваться (в мечтах) / представям си го*, *чуются / усещам*, *предусещам*, *досещам се*, *долавям*, *почуются*, *вообразать / въобразявам си*, *вообразаться*, *сниться / присънва ми се*, *присниться / присънва ми се*, *мечтать / мечтая* и др.

В лексико-семантическое поле мир “кажимости” включены прилагательные *мнимый / мним*, *иллюзорный / илюзорен*, *ложный / лъжлив*, *мним*, *ошибочный / грешен*, *неясный / неясен*, *кажущийся / мним*, *привиден*, *смутный / смътен*, *неясен*, *неуловимый / неуловим*, *воображаемый / въображаем*, *обманчивый / лъжовен*, *призрачный / призрачен*, *несбыточный / неосъществим*, *неизпълним*, *ирреальный / иреален* и др.

К миру “кажимости” относятся также служебные единицы: *как / как*, *как бы / като че ли*, *будто / сякаш*, *как будто / като че ли*, *будто бы / уж*, *че*, *словно / като*, *като*, *че ли*, *точно / точно*, *вроде / като*, *подобно на*, *вроде бы / подобно на*, *един вид*, *наподобие / подобно на*, *подобно / подобно*, *якобы / уж* и др.

Центральной для нашего исследования стала группа имен существительных и фразеологизмов, с помощью которых описывается пограничная между реальностью и ирреальностью зона «двойного бытия». Единицы, относящиеся к

лексико-семантической группе ‘истинное / ложное’: *ложь, враньё, неправда, обман, выдумка, вымысел* и т.д. здесь рассматриваться не будут.

Таким образом, объектом дальнейшего рассмотрения становится лексико-семантическая группа имен существительных, а именно: *сон / сън, мечта / мечта, надежда / надежда, кажимость / който ми се струва, мечтание / мечтаене, чаяние / надежда, стремеж, воображение / въображение, ирреальность / иреалност, фантазия / фантазия, иллюзия / илюзия, призрак / призрак, фантом / фантом, образ / образ, выдумка / измислица, греза / блян, видение / видение, видимость / мним, привиден, миф / мит, сказка / приказка, галлюцинация / халюцинация, химера / химера, вымысел / хрумване, измишьотина, мираж / мираж.* При необходимости для анализа также будут привлекаться другие лексические единицы, включенные в анализируемое лексико-семантическое поле.

Отдельную группу лексико-семантического поля мир “кажимости” составляют также фразеологизмы *плод воображения / плод на въображение, игра воображения / игра на въображение, воздушный замок / въздушни кули, замъци, льстить себя надеждой, питать надежду / храня надежда, возлагать надежду / възлагам надежда, ласкать себя надеждой / залъгвам се с надеждата за..., тешить себя надеждой / да не губя надежда, как во сне / като на сън, как (будто, точно) сквозь сон / като на сън, делать вид / придавам вид, для виду / за вид, колкото да се каже..., принимать вид / давам си вид на..., голубая мечта / синя, розова мечта, американская мечта / американска мечта, мечта идиота / мечтата на идиота, мечтать не вредно / не е вредно да мечтаеш, мечты, мечты, где ваша сладость? (и) не надейся / не се и надявай* и др.

Итак, на первом этапе был выявлен состав единиц, образующих лексико-семантическое поле мир “кажимости” и была определена для дальнейшего описания группа лексем данного поля.

На втором этапе единицы выделенной лексико-семантической группы оценивались с помощью статистического метода: на материале Национального корпуса анализировалась частотность их употребления в современном русском языке. Важным критерием отбора стала также оценка лингвокультурного

потенциала рассматриваемых единиц, предполагающего в дальнейшем создание развернутого комментария для словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении».

В результате проведенного анализа были выделены три центральные лексемы: *сон, мечта, надежда*. В русском и болгарском языках наблюдается высокий процент сходства: в произношении, написании и в значении. У этих лексем общая история и общеславянские корни: все три слова существовали в старославянском языке. Это обстоятельство ничуть не снижает ценность их сопоставительного описания. Кросс-культурное исследование близкородственных языков предполагает фиксацию не только отличий, но и сходств, связанных с общеязыковым и общекультурным прошлым. Это согласуется со сравнительно новым подходом к описанию разных лингвокультур – с транскультурной коммуникацией, при которой акцент делается не на различии культур, а на их сходстве, сплетении, взаимодействии и взаимопроникновении.

На третьем этапе мы обратились к словообразовательным, ассоциативным, идеографическим и тематическим словарям. Благодаря словообразовательным словарям [Ефремова, 2000; Улянова, 2013] был получен следующий список слов: ***Сон*** – *сонный, сонник, бессонный, сонливый*; ***Мечта*** – *мечтание, мечтатель, замечтаться*; ***Надежда*** – *надежный, надеяться*.

Ассоциативные словари: русские, болгарские и болгаро-русские [Караулов, 2002; Уфимцева и др. 2004; Балтова, 2003], – позволили выявить устойчивые ассоциации, среди которых интерес представляют фразеологизмы: ***Сон*** – *в руку; крепкий*; ***Мечта*** – *голубая; жизни; сбылась; идиота*; ***Надежда*** на лучшее; *слабая; умирает последней*.

Далее были проанализированы также идеографические и тематические словари [Баранов, 1995; Шведова, 2011]. Здесь отметим, что анализ таких словарей, позволил добавить следующие единицы: *полусон, сновидение, желание, ожидание* и некоторые другие.

Подведем предварительные итоги. Лексико-семантическое поле мир “кажимости” было сформировано. Для дальнейшего исследования была выделена

лексико-семантическая группа единиц, с помощью которых описывается пограничная между реальностью и ирреальностью зона «двойного бытия».

2.3.1. Лексико-семантическое поле мир “кажимости”: центр и периферия

Смысловым компонентом именной лексико-семантической группы поля мир “кажимости”, является его отнесенность к воображаемому миру.

Опираясь на словарные дефиниции, мы можем обобщенно представить следующие семантические связи:

- лексические единицы *сон* и *мечта* толкуются при помощи слова *образ*, ср. ‘мысленный образ чего-либо, представление о чем-либо, сильно желаемом’;
- в толковании слов *мечта* и *надежда* – используется лексема *желание*, ‘ожидание чего-либо желаемого’. Мир “кажимости” вычленяется с опорой на ‘образ’ и ‘желание’.

При проведении русско-болгарских параллелей поля *сон* / *сън* – *мечта* / *мечта* можно определить *сон* как ‘то, что снится, сновидение’, *мечта* ‘о том, о чем мечтает человек, то, что воспринимается как нечто желаемое, но не реализованное в настоящем’. Характерно, что этимологически *мечта* связана с ирреальным: с видением, призраком, ср.: ‘в народн. речи также: «видение, призрак, умопомрачение», мечтáть, др.-русск. мьчѣтати «мечтать, воображать», мьчѣта «грезы»’ [Фасмер, 1986].

Глагол *сниться* связан с воспроизводством сознанием мнимой действительности, *кажимости*, что предполагает несоответствие наблюдаемой картины (того, что человек видит во сне) действительному положению вещей (тому, что он видит в реальности). Класс предикатов, изображающих *кажимость*, таких как: *грезить*, *воображать*, *сниться*, *мерещиться*, *казаться*, *чудиться*, *сниться*, и др. был перечислен выше.

Между *мечтой* и *сном* существует и промежуточное *грезы*. Слово *греза* толкуется как ‘мечта, блажь, мнимое видение, игра воображения во сне’.

Слову *греза* в болгарском языке соответствует слово, тоже занимающее промежуточное место между *сън* и *мечта* – *блян*, ‘нечто желаемое, возникающее в воображении, мечты’. В. Даль толкует слово *греза* как ‘мечта, блажь, мнимое видение, игра воображенья во сне, речи во сне’. Слово *греза* и мн. ч. *грезы* занимает промежуточное место между синонимами *сон* и *мечта* в их значении ‘*сильно желать*’ [Даль, 1994]. Эти существительные и в русском, и в болгарском языках связаны с однокорневыми глаголами *сниться*, *мечтать*, *грезить* и *сънувам*, *мечтая*, *бленувам*.

Воображение и *фантазия* обозначают способность человека создавать мысленные **образы**. Воображение может также воссоздавать то, что субъект видел, то, что он реально воспринимал в прошлом. Здесь воображение сближается с **памятью**. Фантазия, в отличие от воображения, это прежде всего способность создавать образы вымышленного, несуществующего мира. Фантазию можно определить как продукт работы воображения. К этой группе относятся также: *выдумка*, *миф*, *сказка*, *иллюзия*, *галлюцинация*, *химера*, *вымысел*, *мираж*, *плод воображения*.

2.4. Единицы лексико-семантического поля мир “кажимости”

Анализируя мир “кажимости”, рассмотрим толкования ключевых слов и дальше попробуем описать, какие глаголы будут соответствовать миру “кажимости”. Можно выделить две группы:

1 группа: глаголы, обозначающие ментальные действия субъекта, например: *воображать*, *мечтать*, *надеется*, *фантазировать*, *придумывать*, *изображать*; действия, которые имитируют реальные действия: *притворяться*, *играть роль*;

2 группа: глаголы, обозначающие нереальный мир, ментальные состояния, например: *казаться*, *чудиться*, *мерещиться* *привидеться*.

К числу основных, частотных по словарям единиц лексико-семантического поля “кажимости” относятся *сон*, *мечта*, *надежда*. В работе [Брагина,

Войславова, Делева, 2017, с. 274] были описаны *сон* и *мечта* на материале русских и болгарских фразеологизмов, где *сон* определяется как ‘то, что снится, сновидение’, ‘о том, о чем мечтает человек, то, что воспринимается как нечто нереальное’.

Анализ семантического поля *мечта*, в которое также входят синонимы *надежда*, *чаяние*, *иллюзия*, показал, что *мечта* – это пожелание относительно будущего, это образ желанного будущего, *надежда* на лучшее будущее, но в достижимости желаемого нет уверенности.

Можно объединить *мечту* и *надежду*: *мечта-надежда*, как нечто ожидаемое. *Надежда* – означает, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление. Семантически связанное с ними и *воображение*.

Мир “кажимости” имеет два структурообразующих компонента. Во-первых, он связан с воображением, образом, желанием. Во-вторых, он мыслится в оппозиции миру реальности, что находит реализацию, в частности, в лексемах *ложь*, *обман* и др. Общая модель мир “кажимости” состоит из трех частей: центр, периферия, пограничные случаи. Схематично это может быть выражено следующим образом, см. Рисунок 1:

Рисунок 1 – Мир “кажимости”

На основе данной схемы мы моделируем именную лексико-семантическую группу поля мир “*кажимости*”, и таким образом определяем его границы. Базовыми, или центральными единицами являются: *сон, мечта, надежда*, к периферии относятся: *фантазия, воображение, грезы*. Мы также отметили единицы, которые находятся на его границе: *образ, ложь, иллюзия, химера, память*. Перечислим все структурообразующих единиц поля мир “*кажимости*” в русском и болгарском: На наш взгляд входят: *сон / сън, мечта / мечта, надежда / надежда, фантазия / фантазия, воображение / въображение, грезы / блянове, образ / образ, ложь / лъжа, иллюзия / илюзия, химера / химера, память / памет, правда / истина, желание / желание, улет / еуфория, экстаз, нирвана / нирвана, забвение / забвение, несвят, миф / мит, сказка / приказка, мираж / мираж, выдумка / измислица, фейк/фейк.*

Поле “*кажимости*” достаточно сложное и интересное. Все поле, которое противопоставлено реальности, многокомпонентное и многослойное. Последнее время большой интерес вызывают противопоставления воображаемое, ирреальное – действительное, реальное, вопросы, связанные с памятью, все, что относится к теме, коррелирующей с “*кажимостью*”. Периферия данного поля может увеличиваться за счет недавно появившихся в современном лексиконе и активно употребляемых слов *фейк, дипфейк, постправда, глюк* и др.

Выводы по главе 2

В настоящей главе были рассмотрены разные осмысления слова *кажимость* в русле философии языка, выстраиваемые в сопоставлении понятий объективность – субъективность, истина – ложь, сущность – видимость и др.

Было также рассмотрено, как мир “*кажимости*” представлен в русских и болгарских лингвистических описаниях.

Было определено понятия мир “*кажимости*” – это сложившееся у человека представление, основанное на желании, не имеющее своего воплощения в реальности настоящего, но имеющее некоторую вероятность реализоваться в

будущем. Это представление является продуктом ментальной и / или эмоциональной деятельности, а также работы бессознательного и служит формированию внутреннего мира человека. Значение “кажимости” соотносится с видением мира воображаемого и реального, с видением человека в рамках реальности и фантазии, миром его снов, грез, мечты. Обобщенное значение семантического поля мир “кажимости” включает такие компоненты как ‘отклонение от реальности’, ‘мнимая реальность’, ‘то, что субъект воспринимает как возможно реальное’.

В главе на основе метода сплошной выборки, компонентного анализа и групповой семантизации, были выбраны единицы лексико-семантического поля мир “кажимости”. В результате сплошной выборки по словарям разных типов, а также обращения к национальному корпусу русского языка, были отобраны лексические единицы, которые послужили материалом для моделирования лексико-семантического поля мир “кажимости”.

Было определено, что лексико-семантическое поле мир “кажимости” включает в свой состав около ста разноструктурных единиц: существительных, прилагательных, глаголов, служебных частей речи, а также понимаемых широко фразеологизмов.

На следующем этапе лексико-семантическое поле было структурировано: была определена именная лексико-семантическая группа поля мир “кажимости”, отобраны лексические единицы, определен состав единиц, относящихся к центру и к периферии, а также единицы, которые размещаются в пограничных зонах исследуемого поля.

Проанализированный материал показал, что ядро состоит из следующих единиц: *сон, мечта, надежда*; периферия: *фантазия, воображение, грезы*; в зоне, пограничной с другими лексико-семантическими полями: *образ, ложь, иллюзия, химера, память*. Все центральные слова имеют славянские корни и имеют сходства с болгарским языком. Именная лексико-семантическая группа поля мир “кажимости” в русском и болгарском языке моделируется сходным образом.

Семантика единиц лексико-семантического поля мир “кажимости” обнаруживает корреляцию как с реальностью – возможностью осуществления того, что было задумано или воспроизведено подсознанием (*надежда, мечта, сон сбывается*), так и с ирреальностью – отнесенностью исключительно к области желаемого (*мечта, надежда*), неосуществимого (*сон*). Это – важное свойство мир “кажимости”, которое представляет собой область «мерцающих» смыслов, связанных с этой пограничностью: сон или явь, мечта или реальность, память или воображение.

На основе проведенного анализа была предложена лингвистическая трактовка мир “кажимости”, охарактеризовано его лексико-семантическое поле.

ГЛАВА 3. ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР «РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ»: ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ И ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

В настоящей главе речь пойдет о словаре нового типа: русско-болгарском тематическом классификаторе. Будет описана общая концепция словаря, охарактеризованы его отличия от других словарей, описывающих культурную семантику языковых единиц, определен жанр словаря и его предполагаемый адресат. Также будет охарактеризована структура словарной статьи и подробно описан каждый ее элемент. В качестве иллюстраций будут выступать экспериментальные словарные статьи для лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю мир “кажимости”.

3.1. Общая концепция словаря

Общая концепция словаря, получившего название: «Тематический классификатор «Русская лингвокультура в сопоставлении с другими лингвокультурами», – была предложена в работах [Брагина, 2016; Брагина, 2018]. Возможности его применения в практике преподавания РКИ также были описаны в работе [Bragina, Caspers 2018].

Применительно к двуязычному кросс-культурному словарю эта концепция обсуждалась на материале русской и болгарской лингвокультур [Брагина, Войславова, 2019; Брагина, Войславова 2021; Брагина, Войславова 2021, Брагина 2021; Брагина, Войславова 2021]. В перечисленных работах, которые являются частью нашего исследования, Тематический классификатор уже определяется как Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении».

В последнее время была также опубликована работа, посвященная двуязычному кросс-культурному русско-китайскому словарю [Брагина, Хун, Мэнчжу, 2022].

Применительно к двуязычному кросс-культурному словарю эта концепция обсуждалась на материале русской и болгарской лингвокультур [Брагина, Войславова, 2019; Брагина, Войславова 2021; Брагина, Войславова 2021, Брагина 2021; Брагина, Войславова 2021].

В последнее время была также опубликована работа, посвященная двуязычному кросс-культурному русско-китайскому словарю [Брагина, Хун, Мэнчжу, 2022].

Остановимся подробнее на его основных характеристиках. Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» – это словарь нового типа, экспериментальный проект, в котором отражена модель «культурного айсберга» [Hall, 1989]. При этом ТК фиксирует как различия (подводная часть «культурного айсберга»), так и лингвокультурные сходства, или его надводная часть.

Мы выделяем ядерные темы в русском и болгарском языках. Для того, чтобы посмотреть универсальные модели описания и выделяем с той целью, чтобы в последствии при реализации такого проекта можно было сравнивать другие близкородственные языки.

Несмотря на то, что лексика русского языка в сравнении с болгарской описана и изучена достаточно хорошо, в будущем развитие может идти по линии изучения изменений в двух языках под влиянием медиазации и глобализации. Новые и более точные результаты анализа языкового материала могут быть получены также благодаря использованию количественных методов. Важную роль играют сравнительные исследования некоторых аспектов, таких, например, как культурная семантика лексических единиц.

Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» во многом аккумулирует современные тенденции в лингвистике, предлагая лексикографическое описание культурной семантики лексических единиц, относящихся к двум близкородственным культурам – русской и болгарской.

Для словарного описания близкородственных лингвокультур отражение сходств имеет особое значение. В Тематическом классификаторе этому уделяется

особое внимание. При сопоставительном описании фиксируются общие культурные смыслы.

Акцент на сходствах связан с идеей лингвокультурных универсалий, а также с понятием транскультурной коммуникации, в которой интерес представляют именно общие смысловые компоненты, отражающие современные процессы медиазации и глобализации [Непп, 2015]. Стратегии обучения иностранному языку, в частности, выстраиваются с опорой на общие знания.

Близкое родство предполагает наличие не только сходств, но и различий, создающих определенные трудности вследствие возможной межъязыковой и межкультурной интерференции. Это повышает необходимость детального рассмотрения специфики такого типа языковых единиц. Областью неполного совпадения культурной семантики для близкородственных лингвокультур может быть образная семантика, культурные коннотации, прагматика употребления речевых клише, внутренняя форма слова или фразеологизма и т. д.

(Лингво)культурные различия провоцируют непонимание и, как следствие, возможность коммуникативных неудач у представителей другой лингвокультуры. **Акцент на культурных различиях** соответствует общей концепции межкультурной коммуникации. Знание их важно при изучении иностранного языка, освоении другой лингвокультуры, знакомстве с ее культурными практиками.

Как отмечалось выше, в Тематическом классификаторе «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» (ТК) предполагается последовательно фиксировать как сходства двух лингвокультур, так и их различия, таким образом, классификатор согласуется с идеями транс- и межкультурной коммуникации.

В качестве заголовочных в ТК представлены разноструктурные единицы: лексические концепты, фразеологизмы, предложения, пословицы и поговорки и т. д. Это связано еще с одной важной характеристикой ТК. Он не является словарем в классическом понимании. Это – организованный по идеографическому принципу словарь моделей лексикографического описания разноструктурных единиц. В словаре также дан алфавитный список заголовочных единиц.

Словарные статьи в ТК выступают как образцы для лексикографической интерпретации других классов лексических единиц со сходными характеристиками [Войслова, 2019, с. 79]. ТК, таким образом, создает матрицу для более широких словарных описаний. Каждая единица, или тема описывается с помощью определенного набора параметров. Аналогичным образом с использованием такого набора параметров могут быть описаны другие единицы данного класса и / или данной тематической группы. При этом для других единиц, отличающихся по формальным и / или содержательным характеристикам (например, лексический концепт в отличие от фразеологизма; употребляемая в качестве ответной реплики пословица в отличие от предложения) набор и конфигурация параметров может быть иной [Войслова, 2019, с. 79].

Этот подход является развитием метода групповой семантизации, предложенного В.В. Морковкиным и рассмотренного, в частности, в статье [Брагина, 1988].

Важным инновационным элементом ТК является цифровой формат. Прототипом ТК служит Wikipedia – универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом. Это означает, что представленные в ТК словарные статьи впоследствии могут редактироваться, уточняться и дописываться. Если в бумажной версии это означает переиздание, то для электронной версии достаточно указать дату внесенного в статью изменения.

В современных работах по этой теме обращается уже внимание на то, что широкое применение технологических подходов в словарной работе неизбежно и необходимо, также проблемы создания и описания лексикографических онлайн-проектов являются актуальными на сегодняшний день [Барановский, Бабенко, 2023, с. 8]. В работе рассматриваются принципы составления «Цифрового частотного словаря языка Бориса Рыжего»

Электронная версия словарной статьи позже может быть расширена за счет апробации и включения значимой лингвистической и экстралингвистической информации, из других славянских языков и культур, которые в режиме онлайн могут дополнять написанные ранее словарные статьи. Широкое словарное

описание с возможным включением других славянских языков позволит точнее охарактеризовать общеславянские лингвокультурные универсалии, а также отразить лингвокультурные различия [Войслова, 2021].

Электронная версия словаря также позволяет использовать гиперссылки, которые будут у всех используемых в словарных статьях параметров, а также у терминов, употребляемых в описании, например: метафора, пословица, речение и т. д.

Подводя итоги, перечислим основные характеристики данного словарного проекта:

транс- и межкультурность – важную роль в кросс-культурном лексикографическом описании лексических единиц играют сходства близкородственных лингвокультур, при том, что отличия также фиксируются;

разноструктурность заголовочных единиц – в качестве заголовочных выступают лексические и фразеологические единицы;

модельность – словарная статья создает матрицу для более широких описаний, выступая в качестве модели для лексикографирования других единиц;

идеографичность – заголовочные единицы организованы по идеографическому принципу, словарь также снабжен алфавитным списком словарных единиц;

параметризованность – словарная статья состоит из набора параметров, описывающих лексическую единицу, сам набор параметров, а также его конфигурация может меняться в зависимости от класса описываемых единиц;

цифровой формат – формой воплощения ТК является интернет-словарь, который содержит гиперссылки и который можно дописывать, редактировать, а также дополнять русским и болгарским материалом и материалом других славянских языков.

В русско-болгарском тематическом классификаторе выражена одна из актуальных тенденций современных сопоставительных работ. В его концепции находят отражение идеи кросс-культурной прагматики, предлагается

контрастивное описание культурной семантики вербальных и невербальных единиц.

3.1.1. Предшественники словаря

Как отмечалось выше, общая концепция словаря формировалась под влиянием трудов, посвященных анализу языковых метафор, изучению природы коннотаций, исследованию культурной семантики, работ, анализировавших внутреннюю форму слова. Влияние этой общей проблематики затронуло и лексикографию.

При создании проекта ТК отправной точкой послужили фразеологические словари, в которых описывалась культурная семантика; двуязычные словари, русско-болгарские словари. Описание культурной семантики не могло не повлиять на фразеологию, как одну из наиболее культурно отмеченных областей языка (см., например, работу [Teliya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya, 2001]).

Разработка словарной статьи для русско-болгарского тематического классификатора ведется с учетом опыта двуязычной лексикографии и фразеологии.

В своей работе [Липовска, 2009], автор описывает проект будущего двуязычного словаря нового типа. «Речь идет о словаре, в котором, благодаря иной, отличной от бумажной форме представления информации – электронной, ее организация, ее структурирование осуществляется на иных принципах, нежели в словаре-книге» [Липовска, 2009, с.167]. В статье, оценивающей научное наследие А. Липовской, В.М. Мокиенко пишет, что этот словарь открывает ряд новых возможностей: неограниченность объема словаря, существование в единой сети словаря относительно самостоятельных модулей, оперативный поиск информации, скрепленных связями, которые подчиняются определенной логике, целенаправленное путешествие по словарю в зависимости от потребностей каждого пользователя [Мокиенко, 2016 с.17]. Для нашего исследования словарь представляет особый интерес, поскольку он предлагает возможность

«ословаривания» результатов сопоставительного анализа русского и болгарского языков в рамках сетевой мегаструктуры [Липовска, 2009, с.167].

В этом же направлении идет развитие проекта Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении», поскольку модели кросс-культурного лексикографического описания позволяют сделать переход от этапа накопления сопоставительного материала к этапу обобщения и словарной фиксации рассматриваемых единиц.

Для болгарского пользователя особенно трудной является богатая и своеобразная русская фразеология. Существующие переводные русско-болгарские словари [Влахов, 1980] занимаются анализом отдельных слов, их переводом и значением, и таким образом уделяют особого внимания вопросам фразеологии, именно сущности фразеологии, внутренней форме фразеологизмов.

В первой главе настоящего исследования был сделан аналитический обзор некоторых работ, посвященных русской фразеологии [Телия, 1996; Баранов 1995; Добровольский 1995; Мокиенко 1998; Вежбицкая 2001; Шулежкова 2002; Ковшова 2012; Георгиева 1993]. В большинстве из них фразеологизмы рассматриваются не только как элементы языковой системы, но и как знаки языка культуры, отражающие особенности картины мира и особенности менталитета народа. В ТК эта идея получает лексикографическое развитие.

Охарактеризуем несколько словарных проектов, опора на которые помогла создать оригинальную концепцию русско-болгарского тематического классификатора.

Большой фразеологический словарь (БФС) [Телия, 2006] представляет собой экспериментальный проект. Одним из важных (если не главных) компонентов словаря стало появление новой зоны – культурологического комментария. Заголовочная единица описывается в словаре не только как единица языка, но и как знак культуры. В общей концепции и построении словаря развиваются идеи, связанные с анализом культурной семантики фразеологизмов, выстраивается также метаязык описания. Этот словарь во многом продолжал и развивал, те лексикографические идеи, которые сформировали другой лексикографический

продукт, выпущенный под редакцией В.Н. Телия – «Словарь образных выражений русского языка» [Телия, 1995]. При этом именно зона культурологического комментария и его метаязык составляют существенное отличие БФС от более раннего словаря образных выражений.

Словарь С.И. Лубенской [Лубенская 1997] является одним из лучших двуязычных фразеологических словарей, Перечислим основные свойства данного словаря.

Во-первых, в словаре Лубенской большое внимание обращается на идиоматичность. Под фразеологизмом обычно понимается несвободное сочетание нескольких слов, которые функционируют как семантическое целое. В большинстве случаев значение фразеологизма не может быть понятным из значений составляющих его компонентов. Данный словарь содержит как собственно фразеологизмы, так и другие сочетания, с разной степенью идиоматичности, именно это для нас является важным пунктом в словаре. К числу таких единиц относятся и ответные реплики, речения, междометия, пословицы, поговорки.

В ТК, как было показано выше, также предполагается включать разноструктурные единицы.

Рассмотрим, каким способом интерпретируются в словаре С.И. Лубенской междометия, выражающие эмоциональное или эмотивно-оценочное отношение говорящего к лицу, к ситуации и т. д. Они могут выражать различные, иногда противоположные эмоции в зависимости от контекста и интонации говорящего, например, «Елки-палки!» – может выражать досаду, восхищение, удовольствие, удивление и другие эмоции.

Этикетные формулы ситуативно обусловлены и используются при коммуникации. Такие фразеологизмы часто называются формулами речевого этикета. Например: «Всего хорошего», «Спокойной ночи».

Во-вторых, это – двуязычный словарь. В этом словаре заголовочными единицами являются русские фразеологизмы, к ним приводятся английские эквиваленты, объяснительная часть дается на английском языке, далее приводятся

русские иллюстративные примеры и их переводы на английский язык. Качеству перевода иллюстративных примеров уделяется особое внимание: отбираются только примеры, выполненные высокопрофессиональными переводчиками. Для ТК, являющегося двуязычным словарем, важен ответ на вопрос о пропорциях, в которых представлен русский и болгарский материал в словарной статье.

В-третьих, этот словарь отличается четкой структурой: эксплицитно представлены все компоненты словарной статьи, наличие индекса позволяет минимизировать усилия по поиску заголовочной единицы. Надо отметить, что словарь, который первым изданием был выпущен в 1995 году и был издан в бумажном варианте, уже содержит элементы, которые могут трансформироваться в интернет-словарь. В первую очередь, это относится к индексу.

На построение общей концепции ТК также оказал влияние «Русский универсальный словарь», под редакцией В.В. Морковкина [Морковкин, 2016]. Словарь определяется как комплексное многоцелевое лексикографическое произведение, которое допускает широкое использование. Для тематического классификатора комплексное описание единиц является важной характеристикой.

В Предисловии Универсального словаря описываются запросы пользователя и указывается, где можно найти нужную информацию. Можно применить эту систему описания к русско-болгарскому тематическому классификатору.

Таблица 1 – Запросы пользователя и ответы

Запросы пользователя	Где можно получить нужную информацию
1. Знаю слово на русском языке – хочу узнать, как оно переводится на болгарский язык	В зоне НАПИСАНИЕ, если это фразеологизм – после русской ед.
2. Не совсем понятное слово – хочу узнать, в каких значениях оно употребляется	В зоне ТОЛКОВАНИЯ

3. Номинально знаю слово и хочу узнать, что оно означает	В зоне ТОЛКОВАНИЯ
4. Знаю слово – хочу узнать, какие у него синонимы	В зоне СИНОНИМЫ
5. Знаю слово – хочу узнать, как оно употребляется в русском тексте или в его переводе на болгарский язык	В зоне ИЛЛЮСТРАЦИИ
6. Знаю слово – хочу узнать, в каких устойчивых сочетаниях оно используется	В зоне НАПИСАНИЯ и КОММЕНТАРИЙ
7. Знаю слово – хочу узнать его этимологию	В зоне ЭТИМОЛОГИЯ
8. Знаю слово – хочу узнать, к каким эмоциям оно приводит	В зоне КОММЕНТАРИЯ
9. Знаю слово – хочу узнать, к какому типу высказывания оно относится	В зоне КОММЕНТАРИЯ
10. Знаю слово – хочу узнать, с чем сравнивается единица	В зоне КОММЕНТАРИЯ
11. Знаю слово – хочу узнать, его сопоставительное описание с болг. яз.	В зоне КОММЕНТАРИЯ
12. Знаю слово – хочу узнать, что означает термин (например, речение)	Указана гиперссылка
13. Знаю слово / ответная реплика – хочу узнать к какому типу высказывания относится	В зоне <i>тип высказывания</i>

14.Знаю диалогическую единицу – хочу узнать какое речевое действие представляет	В зоне <i>речевое действие</i>
---	--------------------------------

Таким образом, таблица 1 показывает, какие запросы удовлетворяет тематический классификатор, и читатель легко может получить ту информацию, которая ему нужна и познакомиться с зонами классификатора.

На общее развитие русской лексикографии в целом и на ТК, в частности, оказал влияние Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна (НОСС) [Апресян, 2004].

Прототипом НОСС является АРСС (Англо-русский синонимический словарь), а именно – многоаспектность при описании сходств и различий синонимов. Для нашего ТК он тоже является прототипом, и тому есть несколько причин.

Во-первых, в словаре особое внимание уделяется языковой картине мира, дается глубокий семантический анализ лексики. Во-вторых, словарь основан на нескольких принципах, которые являются образцами для ТК: системность, активность, интегральность, идеографичность, отражение языковой, или наивной, картины мира, использование специального метаязыка, комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики. Словарь расширяет традиционную информацию, для толкового словаря, представляет читателю новый полный объем языковой информации.

В-третьих, словарь представляет новый жанр. В словаре описываются основные языковые и культурные концепты. ТК тоже является новым жанром лексикографического описания, о чем будет сказано ниже.

При системном описании лексических единиц, естественным является не алфавитный, а идеографический принцип подачи материала. Принцип построения ТК основан на анализе и описании лексико-семантических полей.

Другая особенность НОСС – это то, что каждая словарная статья разделяется на определенные зоны и подзоны, внутри каждой из них предлагается

определенный тип информации. В предисловии словаря написано, что каждая словарная статья является самостоятельной научной работой и подробно и глубоко описывает материал. В ТК мы попытались применить такое описание к каждой рассматриваемой единице и предложить расширенную лингвокультурную и семантико-прагматическую информацию в каждой словарной статье.

Следующий словарь, к которому обратились – это «Русский идеографический словарь» под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова, 2011], который является опытом создания идеографического словаря, концепция которого строится на идее, исходящей из самого языка.

Предметом описания в словаре является концепт. Концепт понимается в словаре как некая понятийно-языковая целостность, которая в словаре представлена в виде смысловой парадигмы каждого анализируемого концепта. Смысловая парадигма определяется как общая система смыслов, которая в словаре представлена 19-тью зонами. Совокупность этих зон представляет целостную смысловую парадигму описываемого лексического концепта. Каждая зона включает в себе нескольких разделов: смысл словосочетания, пословицы, поговорки, выражения, фрагменты из цитат, афоризмы, речения, дальше представлены цитаты из классических и современных произведений.

В словаре интересно обратить внимание на то, каким образом разделяются зоны внутри статьи. В названии зон используются вопросительные местоимения и наречия, например зона: *как; кто, что; насколько; где; почему* и др. (подробное описание можно посмотреть [Шведова, 2011]).

Следует обратить внимание на то, каким образом разделяются зоны внутри словарной статьи. В названии зон используются вопросительные местоимения и наречия, например зона: *как; кто, что; насколько; где; почему* и др. [Шведова, 2011]. Это создает некое подобие диалога: название зоны формулируется как вопрос, а содержательная часть соответственно выстраивается как ответ на него.

В конце предисловия автор, подчеркивает, что поскольку словарь экспериментальный, он не претендует на полноту и единственность принятых

решений. Такой опыт не только стимулирует дискуссию, но и будет содействовать созданию других идеографических словарей [Там же].

В Тематическом классификаторе частотно сравниваемыми единицами и темами являются: концепты, фразеологизмы, формулы речевого этикета, жесты, мимика и т. д., потому что «сгущение культурных смыслов» происходит именно в этих единицах. Это означает, что они обладают плохой переводимостью; провоцируют коммуникативные неудачи в ситуации общения между представителями разных лингвокультур. Сам прецедент словаря под редакцией Н.Ю. Шведовой, в котором обращается внимание именно на культурно маркируемые единицы, идеографический способ подачи материала, структуру словарной статьи, отвечающую требованию всестороннего описания концепта, оказали влияние на общую концепцию Тематического классификатора и способ построения словарной статьи.

Разделяем мысль Н.Ю. Шведовой о том, что общее описание культурной семантики языковых единиц, включая ее лексикографическое описание, по факту на сегодняшний день сохраняет свой экспериментальный характер. ТК также является экспериментальным проектом, в том числе и благодаря тому, что он будет создаваться в цифровом формате, что позволит регулярно его пополнять, дописывать, корректировать с учетом происходящих в актуальном настоящем изменений и т. д.

Здесь были указаны лишь некоторые словари. Если же иметь в виду более широкий лексикографический контекст, в который «встраивается» ТК, то можно также отметить словари [Берков и др. 2000; Бирих и др. 2007; Степанов, 1997; Славянские древности 1984; Бабенко 2010]. Мы опираемся не только на различия и сходства, но в значительной степени на универсальные признаки. Моделью вот такого описания нам служит словарь «Славянские древности», в котором уже на архаическом материале, представленном в разных языках, показаны некие универсальные модели поведения и т. д.

Нам интересно посмотреть в синхронии, сколько универсальным способом мы можем описать слова, имеющие славянское происхождение, общеславянские корни.

Говоря о болгарской лексикографии, то следует начать с лексикографа – С. Влахова. Его словарь «Нов руско-български речник» [Влахов, 2004] послужил нам прототипом, определим несколько причин. Во-первых, цель словаря является последовательное сопоставление русско-болгарских единиц для того, чтобы устранить возникновение явления интерференции, поскольку русская и болгарская лексика содержит много исторически тождественных слов. Во-вторых, для нас было важно проанализировать, каким образом дается перевод фразеологизма. В словаре знаковое место занимают фразеологические единицы. Автор реализует перевод с подбором эквивалентов из современной болгарской фразеологии, в случаях, когда это невозможно, он дает аналог или ряд синонимических сочетаний, и др., чтобы фразеологизм был понятным.

Следующий его словарь, который послужил прототипом – это «Русско-болгарский фразеологический словарь» [Влахов, 1980].

Для болгарского читателя особую трудность составляет русская фразеология. До момента создания русско-болгарского словаря все существующие переводные русско-болгарские словари не уделяли особого внимания фразеологизмам, поскольку они занимались анализом отдельных слов, их значением и переводом. В словаре С. Влахова включены: фразеологические единства и сращения, фразеологические сочетания, крылатые слова, поговорки, а также устойчивые сочетания, трудные для перевода на болгарский язык.

Адресатом словаря являются прежде всего переводчики с русского языка, преподаватели, студенты, все, кто читает в подлиннике русскую литературу. ТК создается именно для таких пользователей.

Словарь оказывается важным для ТК, потому что в нем максимально полно и точно описывается как смысловое, так и экспрессивное и эмоциональное содержание каждой фразеологической единицы. Такое описание получается с

помощью определенных средств выражения, таких как перевод и иллюстративный материал, что также включено в статьи ТК.

В каждом из перечисленных словарей описывается культурная семантика или отражаются русские и болгарские единицы. Важную роль также играет формат словаря и способ описания лексических единиц. Словари послужили нам прототипом, поскольку у каждого, описана зона, или параграф, который позволил создать оригинальную концепцию ТК, определить структуру словарной статьи.

Одной из задач ТК, как и данного словаря – максимально точно и полно раскрыть смысловое и экспрессивно-эмоциональное содержание каждой рассматриваемой единицы русского языка, показать переводные эквиваленты из болгарского языка, подобрать иллюстративный материал на двух языках, написать комментарий, в котором будет дано описание лингвокультурных и прагматических свойств заголовочной единицы, а также ее болгарского эквивалента, охарактеризовать их сходства и различия.

3.2. Отбор тем, принципы описания, состав словника, структура словаря

Рассмотрим, каким образом отбираются темы классификатора, покажем принципы его описания и структуру словарной статьи. В дальнейшем некоторые принципы отбора тем, а также модель лексикографического описания мы проиллюстрируем на материале единиц, включенных в лексико-семантическое поле мир “кажимости”.

Отбор тем для ТК осуществляется на основании нескольких критериев:

- наличие у темы **прагматических свойств** (например, обращения в русской и болгарской лингвокультурах);
- наличие у темы **коннотаций**, закрепляющих оценочное (стереотипное) представление о ком-чем-либо (например, зоонимы в русской и болгарской лингвокультурах);

– **общая культурная специфичность** темы (например, фразеологизмы с опорным компонентом X в русской и болгарской лингвокультурах (X – лексический концепт));

– **смысловая непрозрачность** темы **с плохой / неполной культурной переводимостью** (например, жесты согласия и несогласия в русской и болгарской лингвокультурах).

ТК предлагает описание того, как данная единица функционирует в русской лингвокультуре и как она переводится и интерпретируется в болгарской лингвокультуре. Описываются также зоны непонимания: что может удивлять русских в болгарской лингвокультуре и болгар в русской лингвокультуре, что может порождать неверные / некорректные интерпретации. У близкородственных лингвокультур зоны непонимания не столь очевидны и значительны, однако, они есть и им уделяется особое внимание.

Перечислим, какие разноструктурные единицы описываются. Объектом описания ТК являются:

1) лексические концепты, фразеологизмы;

2) единицы речевого этикета;

3) единицы, описывающие модели (речевого) поведения в двух лингвокультурах;

4) единицы, стереотипно представляющие «себя» и «другого» в двух лингвокультурах (этностереотипы; гендерные стереотипы; стереотипы возраста; стереотипы внешности);

5) единицы, описывающие невербальную коммуникацию (жесты; мимика; тактильные контакты);

6) единицы, описывающие невербальный фон (ценности: отношение к семье; романтические отношения, сексуальное партнерство; отношение родители – дети; отношение к еде / деньгам / работе / юмору / здоровью / гостеприимству и др.).

Каждая тема описывается с помощью определенного, фиксированного набора параметров, а сами словарные статьи являются образцами для описания других единиц данной группы.

Единицей классификатора выступает вербальная или невербальная тема, которая включает в себя элементы «само собой разумеющегося» знания, или совокупность очевидных смыслов, сформированных и закрепленных в данной лингвокультуре и структурирующих общее знание ее представителей.

ТК описывает лингвокультурные смыслы, а также фиксирует элементы, которые провоцируют непонимание у представителей другой лингвокультуры. При этом безусловный интерес вызывают единицы, которые в меньшей степени описаны лексикографически. Например, в целом фразеология и фразеография развиваются успешно и достаточно активно, однако, есть единицы, которые до сих пор не стали объектом отдельного (специального) изучения и словарного описания. К ним можно отнести речевые клише, а также отдельные лексемы, используемые в качестве ответных реплик в диалоге. Они могут быть однословными (*Понятно! Конечно!*) и неоднословными, т. е. словосочетаниями, используемыми как отдельные диалогические реплики (*Еще бы! Какой разговор! Не вопрос!*), предложениями (*Еще не вечер! Пропали ты пропадом! Что за вопрос!*), идиоматическими высказываниями (*Бог с тобой! Пан или пропал!*), пословицами (*На Бога надейся, сам не плошай; Выше головы не прыгнешь, Век живи – век учись*), некоторыми крылатыми словами (*Блажен кто верует! Надежды юношей питают!*).

Описание ответных стереотипных диалогических реплик, вызывают большой интерес. Термин *речевое клише* употребляется к диалогическим единицам, которые являются устойчивым и стереотипно воспроизводимым, также связываются с определенным классом коммуникативных ситуаций. [Брагина, 2023, с. 10]

Ответные реплики используются для оформления разных речевых действий: интенциональных (*угроза, согласие, подтверждение* и др.), эмоциональных (*огорчение, восхищение, удивление* и др.), ментальных (*непонимание, припоминание*

и др.). Они выражают отношение говорящего к предмету речи и / или к актуальной ситуации. Многие из них не содержат лексически выраженной информации о самом объекте, что дает основание рассматривать их как интенционально заданные и денотативно опустошенные единицы. При этом денотативная опустошенность у ответных реплик может быть разной: она является высокой, например, у диалогических реплик или речений в отличие от пословиц, поговорок, крылатых слов. Разная степень опустошенности единиц влияет на характер релевантной информации, описываемой в комментарии.

В лингвистической литературе в отношении рассматриваемых единиц предлагались разные термины: *контекстуальные устойчивые фразы*, *контекстуальные пословицы и поговорки* [Жуков, 1967], [Лепешев, 2007], *фразеорефлексы* [Гак, 1995], *фразеотекстемы* (Phraseotextem) [Eckert, 1989], *коммуникативы* [Шаронов, 1996], *речевые формулы* [Баранов, Добровольский, 2003].

Анализ словников разных словарей показывает, что словари фиксировали данные единицы, но не очень регулярно. Ответные реплики встречаются уже в словаре В. И. Даля. Единично они также описывались в современных словарях разного типа, отражающих активно проявляющуюся в речевой действительности динамическую жизнь языковых единиц в общих и аспектных словарях: [Балакай, 2001; Бондаренко, 2013; Меликян, 2001; Баранов, Добровольский, 2007].

Ответные реплики тоже являются единицами ТК. Они называются так, потому что их общее иллокутивное назначение заключается в том, чтобы быть ответами, реагирующими в структуре диалога на «чужое» слово или фразу коммуниканта: *Куда идешь? – На кудыкину гору; Я думал, что ты согласишься на мое предложение! – Индюк тоже думал, да в суп попал.*

Словесных реплик-ответов сравнительно мало. Преобладают ответные фразеореплики: фраземы и (преимущественно) устойчивые фразы из числа пословиц, поговорок, крылатых выражений и др.

Таким образом, ответные реплики принадлежат лексико-фразеологической системе, им присущи такие свойства языковых знаков, как устойчивость в языке и воспроизводимость в речи.

3.2.1. Материал описания в словаре

В предлагаемом нами словаре важными являются несколько положений.

Первое – это то, что мы продолжаем традицию снабжать словарную статью лингвокультурным комментарием. Лингвокультурный комментарий является центральным для Тематического классификатора. Создание разных типов комментариев применительно к разным классам единиц, а также описание общей типологии лингвокультурных комментариев для словаря представляется на сегодняшний день одной из приоритетных задач.

В зоне культурного комментария, в частности, описывается образная семантика единиц заголовочных единиц, но также в нем находит отражение результаты кросс-культурного анализа материала двух близкородственных языков. В словаре, конкретно в культурном комментарии, последовательно фиксируются как сходства, так и различия. При этом отражение сходств имеет особое значение.

Выше была дана общая характеристика ТК. Его общие свойства мы проиллюстрируем на материале единиц, входящих в лексико-семантическое поле мир “кажимости”, описанию которого была посвящена вторая глава. Как было показано, центральными единицами данного поля являются *сон, мечта, надежда*, а также их синонимы и производные.

Рассмотрим построение словарной статьи на примере разноструктурных единиц, входящих в лексико-семантическое поле мир “кажимости”. К его центральной части, как это было показано во второй главе, относятся такие единицы как *сон, мечта, надежда*, а также образуемые ими или их дериватами фразеологические единицы. Таким образом, мы проиллюстрируем построение словарной статьи и принципы описания в ТК на примере:

- а) лексических концептов: *сон, мечта, надежда* (болгарские эквиваленты *сън, мечта, надежда*), а также образуемых ими устойчивых словосочетаний;
- б) диалогических единиц: пословиц в роли ответных реплик: *На Бога надейся, сам не плошай* (болгарский эквивалент *Лозето не иска молитва, иска мотика*);
- в) диалогических единиц: речений в роли ответных реплик: *И не надейся!* (болгарский эквивалент *И не се надявай*).

На этом мы фокусируем внимание и показываем, что модели описания будут отличаться. Если для концептуальных слов понятно, для диалогических единиц русско-болгарского с культурным комментарием, в котором есть элементы прагматического описания и социокультурного – делается впервые.

3.3. Адресат и жанровые особенности

Словарь предназначен прежде всего болгарскому пользователю – это преподаватели, студенты, переводчики с русского языка, научные работники, учащиеся, все, кто интересуется русским языком и читает в подлиннике русскую литературу, но, конечно, и для русских учащихся, тех, кто занимается болгарским языком.

В качестве **назначения словаря** можем сказать, что словарь является руководством справочного типа, в лексикографическом формате, в котором мы показываем взаимодействие языка и культуры на материале разноструктурных лексических единиц, описывая их не только как единицы языка, но и как языковые средства, которые служат выражению определенных культурных смыслов.

По жанровым характеристикам Тематический классификатор – это словарь, в котором совмещаются характеристики разного типа словарей.

По форме организации словника это – идеографический словарь, но при этом в конце словаря приводится алфавитный перечень описанных единиц.

По способу отбора материала это – не словарь в полном смысле слова, поскольку в него включены словарные статьи, отобранные по разным основаниям и описывающие разноструктурные единицы. Это – словарь моделей описания.

По способу представления материала это – словарь цифрового формата с включенными в него гиперссылками. Гиперссылки обслуживают терминологию словаря, например, гиперссылкой снабжены слова *метафора, речение, речевое действие, поговорка, этимология* и др.

По характеру и форме интерпретации заголовочных единиц – это кросс-культурный словарь русского языка с включенной контрастивной информацией из болгарского языка. В нем отражены как сходства, так и различия двух близкородственных языков.

В Тематическом Классификаторе мы объясняем, какие запросы удовлетворяются, указываем, кто адресат, какие представлены характеристики. Исходя из этого можно сказать, что по жанру это – объяснительный словарь, который предназначен для адресатов, имеющих высокий уровень владения языком.

3.4. Метаязык описания, приемы выделения и условные знаки в словаре

В ТК сформирован определенный метаязык описания, перечислим операциональные термины: *поговорка, поговорка, речение, фразеологизм, лексический концепт, эпоним, метафора, внутренняя форма, этикетные реплики, клише* и др.

Источники ТК.

Как отмечалось выше, материалом для анализа помимо русского и болгарского корпусов послужили словари разных типов: толковые, синонимические, словообразовательные, ассоциативные, идеографические и тематические словари, двуязычные словари, фразеологические словари, философские словари, также словарь ответных реплик, энциклопедии, идеографические и тематические словари, русско-болгарские словари, русско-болгарски фразеологичен речник, русско-болгарские фразеологические словари, Българо-руски фразеологичен речник, Тематичен руско-български речник на фразеологизмите.

В ТК приняты несколько приемов выделения условных знаков: шрифты (курсив, полужирный), прописные буквы, сокращения.

Каждый параметр в словарной статье обозначается прописным буквам: НАПИСАНИЕ, ТОЛКОВАНИЕ...КОММЕНТАРИЙ.

Далее следует единица, например *сон*. Каждая единица выделяется *курсивом и полужирным шрифтом* и сразу после нее дается перевод на болгарский язык: *сън* (тоже обозначается курсивом и полужирным шрифтом).

В статье приводится ТОЛКОВАНИЕ. Толкование дается в одинарных кавычках, например, *мертвый сон / мъртвешки сън* ‘об очень крепком, глубоком сне’.

СИНОНИМЫ – *син.* иллюстрируются на русском и болгарском языках, и обозначаются с прописными буквами, полужирным шрифтом – **Р. и Б.**

Р. *Спать мертвым сном – спать как убитый, как убитая,*

Б. *сня мъртвешки сън – сня непробуден сън, сня като заклан.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ показаны аналогичным образом. Поскольку материал в этом параграфе собран из корпусов, мы в скобках () указываем и автора.

Р. Пятеро тут же засыпают **мертвым сном**, а двое не спят. (Ч. Айтматов. «Плаха»).

Б. Петима тутакси се унасят в **дълбок сън**, а двама остават будни. (Ч. Айтматов. «Голгота»).

Во всех примерах рассматриваемая единица отражается курсивом и полужирным шрифтом.

ЭТИМОЛОГИЯ – дается этимологическая справка, иллюстрируется знаком *

Например, в статье, *сон* отображается следующим образом:

род. п. сна, диал. во снях «во сне» (Мельников) из др.-русск. въ снѣхъ, укр.

сон, род. п. сна, блр. сон, род. сна, др.-русск., ст.-слав. снѣ ѣлвоꙋ (Супр.),

болг. сън, сербохорв. са̀н, род. п. сна̀, словен. sàp, род. п. сна̀, чеш., слвц. sen,

польск. sen, род. п. сна, в.-луж. sóp, род. п. sona, sna, н.-луж. soń ж., род. п. sni

Праслав. *съпъ из *сърпъ, родственного *сърати (см. спать) (М. Фасмер)

КОММЕНТАРИЙ – Каким образом построен лингвокультурный комментарий зависит от того, какая единица описывается: концепт, фразеологизм, или другая единица. Мы уже рассматривали структуру комментария и то, что, например, если описываются ответные реплики, то выделяется несколько пунктов. В статье они обозначаются курсивом: *значение, тип высказывания* и т. д.

Образная семантика рассматриваемых единиц отражена в зоне культурного комментария классификатора. Ее описание основывается на общем анализе метафорической сочетаемости.

Анализируемая единица в культурном комментарии отображается курсивом. Проиллюстрируем это на примере фрагмента культурного комментария к лексеме *надежда* и конкретно – поговорки: «*На Бога надейся, а сам не плошай!*», используемой в качестве ответной реплики.

Последний фрагмент лингвокультурного комментария – это сопоставление. В этом отрывке отмечаются отличия, если есть. Оно тоже выделяется курсивом. *Сопоставление:* В болгарском языке общий смысл пословицы *На Бога / бога надейся, а сам не плошай* передается пословицей *Лозето не иска молитва, иска мотика*.

Принятые сокращения в ТК и их объяснения:

болг. – болгарский язык

вм. – вместо

гл. – глагол

греч. – греческое

др.-русс. – древнерусское

контекстн. – контекстные синонимы

посл. – пословица

праслав. – праславянское

разг. – разговорное (слово характерно для обиходной разговорной речи)

русс. – русский язык

ст.-сл. – старославянское

устар. – устарелое слово, которое вышло из активного употребления

устарев. – устаревающее

цслав. – церковнославянское

шутл. – шутливое

эмоц. – эмоциональное (восклицательное) местоимение

этим. – этимологическая справка

Условные знаки

‘ ’ (лапки, одинарные кавычки) – в них заключаются примеры

/ (наклонная черта) – разделяет русское слово и болгарский перевод

3.5. Структура словарной статьи

Структурно ТК состоит из: синопсиса тем, организованных по семантическому принципу; словарного описания разноуровневых единиц (тем); общего списка использованной литературы.

В ТК предлагаем комплексное лексикографическое описание с фокусировкой на общекультурные смыслы (транскультурная коммуникация) и с указанием на отличительные черты (межкультурная коммуникация).

Теперь рассмотрим какой тип информации включен в структуру словарной статьи и, соответственно, какие сведения из него может почерпнуть читатель.

Словарь состоится из нескольких параметров представления русских и болгарских единиц. При описании лексических концептов, а также устойчивых словосочетаний, образуемых ими, выделяются следующие зоны: написание; толкование; синонимы; иллюстрации; этимология; комментарий. При описании диалогических единиц к указанным зонам добавляются зоны: тип высказывания; речевое действие. Зоны написание; толкование; иллюстрации; комментарий являются обязательными при описании любой единицы языка. Остальные – вариативны, т. е. зависят от того, к какому типу принадлежит та или иная единица. Дальше подробно рассмотрим каждый параметр отдельно.

НАПИСАНИЕ – приводится единица на русском языке и его переводной эквивалент на болгарском языке.

ТОЛКОВАНИЕ – приводится с учетом той семантизации, которая есть в русских и болгарских толковых словарях (перечень и список словарей описаны в конце), в отдельных случаях автор предлагает свое толкование.

СИНОНИМЫ – синонимический ряд выстраивается с учетом русских и болгарских словарей синонимов, контекстные синонимы снабжаются пометой *контекстн.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ – Каждая единица, которая является объектом описания в ТК, иллюстрируется примерами, полученными на основе сплошной выборки по словарям, и корпусам русского и болгарского языков: из Национального корпуса русского языка и Български национален корпус. В отдельных случаях использовался также материал чатов, например, при подборке иллюстраций для ответных диалогических реплик, поскольку в корпусе такие употребления конкретных единиц могут либо отсутствовать вообще, либо быть нерепрезентативными.

ЭТИМОЛОГИЯ – историко-этимологическая информация опирается на данные этимологических и историко-этимологических словарей [Фасмер, 1986; Черных, 1994; Бирих, 2007]).

При описании фразеологических единиц этимологические сведения, могут оказаться полезными для понимания русского фразеологизма и для выбора болгарского эквивалента или, если такого нет, для перевода и понимания. В этой зоне также может указываться источник фразеологизма, например, библеизмы, а также источник «крылатых слов», или цитат из русских народных сказок, из песен, мультфильмов, кинофильмов и т. д.

КОММЕНТАРИЙ

Последний обязательный параметр – это лингвокультурный комментарий. В нем соединено лингвистическое описание с экстралингвистическим. Лингвокультурный комментарий – один из важных элементов данной лексикографической концепции. Его значимые компоненты зависят от того, какой тип единиц описывается. Так, при комментировании лексических концептов,

относящихся к миру “кажимости”, дается концептуальное описание метафорической сочетаемости, указываются соотносительные концептуальные связи с другими лексемами, фиксируется отношение к области реального / ирреального, и др.

При комментировании диалогических реплик описываются ситуации общения, предшествующие реплики и разные способы восприятия ответной реплики в русском и болгарском языках. Для ТК лингвокультурный комментарий играет определяющую роль.

Таким образом, лингвокультурный комментарий в зависимости от специфики заголовочной единицы включает в себя разные компоненты. На характер комментария может влиять также тип текста, в котором данная единица преимущественно употребляется: в нарративе или в диалоге.

Ниже будет представлен материал для словарных статей, в которых в качестве заголовочных выступают единицы лексико-семантического поля мир “кажимости”

3.5.1. Материал для словарной статьи *Сон / Сън*

Материалы для словарной статьи *Сон / Сън*, являющейся центральной в лексико-семантическом поле мир “кажимости”, описывается в словарной статье тематического классификатора.

НАПИСАНИЕ:

Р. *Сон* / **Б.** *Сън*

ТОЛКОВАНИЕ:

‘наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха...’. *Сон глубокий, крепкий, непробудный; сон – легкий, будкий, чуткий, на слуху, дрема.*”

Сон рассматривается как физиологическое состояние покоя организма человека, которое наступает периодически и сопровождается полной, частичной

потерей сознания. *Сон* еще определяется как то, что снится, сновидение, о том, что мечтает человек, что воспринимается как нечто нереальное.

И в русском, и в болгарском существует большое количество прилагательных, которые отражают семантику концепта *сон / сън*. Анализируя лексикографические источники и корпуса, мы можем распределить наиболее употребляемые прилагательные, которые сочетаются с лексемой *сон / сън*, например: *сладкий / сладък, здоровый / здрав, чудесный / чудесен, цветной / цветен, веселый / весел, красивый / красив, сказочный / приказен, плохой / лош, мертвый / мъртъв, черный / черен, беспокойный / неспокоен, тревожный / тревожен; глубокий / дълбок, легкий / лек, крепкий / здрав, беспробудный / непробуден; богатырский / -, спать соловьиным сном / - , сон в руку / - , детский / детски, долгий / дълъг, вечный / вечен, короткий / кратък, большой / голям, безметежен, тих сън* и т.д.

Сон воспринимается как своеобразный, параллельный мир, который воспроизводит ряд подсознательных чувств и инстинктов у человека. *Сон* – это параллельная реальность и имеет положительную и отрицательную характеристику.

Сон как мечта: и во сне видеть / и насън мечтаю, страстно мечтать / сильно мечтаю, не съм и сънувал.

Мечта осуществилась: и во сне не снилось / и насън не съм мечтал (сбылась мечта), не съм и сънувал; спать и видеть / спя и гледам.

Сон как эмоциональное состояние: сонная тишина / сънна тишина; сонное молчание / сънно мълчание; (ходит, движется) как сонная муха / като сънена муха, или като есенна пчела(муха-пчела); сонливое настроение / сънливо настроение, сонливый ум сънлив ум, сонная душа о бездеятельном человеке; ни сном ни духом (не виноват).

СИНОНИМЫ:

Многозначность слова *сон* в русском и болгарском выражается в широком синонимическом ряде единиц, которые используются для его обозначений, например:

Сновидение / съновидение, грезы / блян, привидение / привидение, дрема / дрямка, полудрема / полудрямка, сон-дремота / сън-дрямка, мираж / мираж.

Р. *Спать мертвым сном – спать как убитый, как убитая;*

Б. *спя мъртвешки сън – спя непробуден сън, спя като заклан;*

Р. *спать **сном** праведника – спать как младенец, спать сном младенца;*

Б. *спя праведен сън – спя дълбоко;*

Р. *Спокойной (покойной) ночи – Доброй ночи;*

Б. *Сладки сънища – Лека ноц.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Р. Пятеро тут же засыпают **мертвым сном**, а двое не спят. (Ч. Айтматов. «Плаха»).

Б. Така и тая ноц, а бе легнал и капнал от умора и бе потънал в **мъртвешки сън**. (Д.Талев. «Съчинения»)

Р. Так в детстве в **сладком сне** является нам окутанный седыми облаками сказочный замок. (Н. Дежнев. «Прогулка под зонтиком»)

Б. Дядо ти Стаменко, момче, сега хърка и сънува **сладки сънища** (А. Каралийчев. «Приказен свят»)

Р. Вернулся под одеяло, снова обнял Леру – ее обнищавшее тело было холодным – и впервые за два года заснул **крепким сном**. (Ю. Дежнев. «Прогулка под зонтиком»)

Б. Принадлежеше към хората със **здрав сън** – вероятно защото заспиваше с чиста съвест. (М. Рясков. «Спомени и документи»)

ЭТИМОЛОГИЯ:

Праслав. *съпъ из *сърпъ, родственного *сърати (см. спать), а также лит. sãrnas "сон, сновидение", sãrnis – то же, лтш. sarpnis "сновидение", др.-инд. svárnas "сон, сновидение"

КОММЕНТАРИЙ:

Сон является исходным метафорических образом. Например, во внутренней форме фразеологизма *заснуть вечным сном*, мы обращаем внимание, на то, что

здесь *сон*, является эвфемизмом смерти. *Сон* со значением смерти, наблюдаем в группе, где фразеологические единицы с компонентом *сон*, имеют значение ‘спать непробудно, крепко’, например: *спать (заснуть, уснуть) мертвым сном, мъртвешки сън, спя непробудно*.

В русском языке распространенное устойчивое словосочетание – эвфемизм заснуть *вечным сном* – «умереть», скорее всего имеет значение как переход из одного состояния в другое. Для восточных славян сон и вечный сон являются атрибутами другого мира и символизируют смерть.

В болгарском языке фразеологизмы *капвам за сън, умирам за сън, спя като заклан*, означает ‘смертельно хочется спать’ или *сон валит с ног*. Таким образом, в обоих языках сон имеет значение ‘состояние, которое восстанавливает силы человека’.

В этой группе все русские фразеологизмы имеют эквиваленты в болгарском языке, но некоторые, такие как *богатырский сон, спать соловьиным сном и сон в руку*, связаны только с русским языком. Фразеологизм *богатырский сон*, означающий *спать крепким, долгим сном*, не имеет коннотативного значения в болгарском языке. Он связан с культурной реалией «богатырь» (Богатырь – персонаж былин, которому присущи великие подвиги, национально-культурный образ).

Фразеологизм *спать соловьиным сном* имеет значение ‘краткий, чуткий, легкий, осторожный *сон*’. В болгарском языке существует фразеологизм *заешки сън / кратък сън*. Они имеют одинаковые значения, но отличаются по компоненту соловей/заяц. В русском языке редко употребляется, в Национальном корпусе показывается только один пример.

Выражение *спать могильным сном* не имеет прямого соответствия в болгарском языке, ему соответствуют синонимичные *вечный, последний сон*. И в двух языках этот фразеологизм имеет библейское происхождение.

Другой фразеологизм из этой группы в русском языке, у которого нет точного эквивалента в болгарском языке – *сон в руку*. Понимаем фразеологизм *сон в руку* как ‘видение, сновидение’, как то, что ‘увиденное во сне сбудется в реальности’.

Интересный фразеологический оборот в русском языке, который отсутствует в болгарском – *на сон грядущий*, которой употребляется в значении ‘перед сном, на ночь’. Ученый Л. И. Рахманова, в своей работе обозначает фразеологизм *на сон грядущий* как старославянский фразеологизм [Рахманова, 1997]. В некоторых словарях он снабжен пометой *разг.* или *шутл.* Во многих православных молитвенниках есть раздел молитв на сон грядущим, читаемых идущим ко сну. Такое употребление этого выражения редко. В современном языке встречается в виде *на сон грядущий*, т. е. *грядущим* назван сам *сон*. В болгарском языке не существует фразеологизм с таким значением.

Сон как сновидение: видеть страшный сон / сънувах страшен сън, мне снился чудный, хороший сон / сънувах чуден / хубав сън; видеть во сне / виждам насън.

В русском языке существует ряд устойчивых словосочетаний, с помощью которых говорящий может либо выразить свое желание, либо дать оценку состоянию желания у кого-нибудь. Русский язык располагает такими фразеологическими единицами, в которых *хотеть* присутствует в качестве компонента, а также и такими, в которых указанный компонент отсутствует. Например, фразеологизм *спать и (во сне) видеть*.

Сон со значением бессонница, отсутствие сна: не смыкать глаз; сна ни в одном глазу нет / сънят бяга от очите ми; не ми идва (не ме хваща, не ме лови) сън.

Употребляя фразеологизмы со значением ‘бессонница’, мы можем толковать состояние человека как ‘беспокойство (не засыпать от боли, шума и т. д.). ‘Совсем, вовсе не засыпать, даже и на самое короткое время не засыпать’ – употребляем фразеологизм для выражения состояния беспокойства, чувство тревоги (например, тревоги за жизнь больного, близкого, страх и т. д.).

В этой группе особое место занимает фразеологизм *не смыкать глаз*. В русском языке глагол *смыкать* можно употребить только в значении ‘смыкать глаза’, редко употребляется в словосочетаниях сказать *сомкнуть губы* и *сомкнутые губы*.

В обоих языках полностью совпадают фразеологизмы *спать сном праведника* и *в объятиях Морфея, сня праведен сън* и *в объятия на Морфей*. Можем отнести данные фразеологизмы в группу со значением 'состояния покоя и отдыха'. Фразеологизмы Р. *В объятиях Морфея* и Б. *в объятия на Морфей* отсылают к греческой мифологии.

В болгарском языке, в отличие от русского, распространены речевые формулы-пожелания: *Сладки сънища; Сладко спане; Лека ноц; Да сня като къпан*. Они выражают благорасположение и положительные чувства. Анализируя речевую формулу в русском языке *сладких снов*, мы обращаем внимание на ее внутреннюю форму. Если следовать внутренней форме, то можно решить, что говорящий желает, чтобы присниться хороший (сладкий) сон, но на самом деле это пожелание спокойной ночи. Формулы-пожелания хорошего сна в болгарском языке могут реализовать метафоры сладости, чистоты и уюта, светлой ночи, чтобы ночь была спокойной. *Спокойной (доброй) ночи / Сладки сънища, Лека ноц* 'пожелание хорошего сна'.

Обратим внимание на то, что в русском языке существует слово *соня*, как качество человека: 'тот, кто любит много спать' (*разг.*); переносное значение – 'бесхарактерный, вялый, пассивный человек'; и второе значение: 'животное из отряда грызунов, похожее на белку, подверженное длительной зимней спичке' (Толковый словарь Ушакова [Ушаков, 1937]) В болгарском языке такое определение качества человека отсутствует, встречается только: *заспал, сънлив човек*.

Обращая внимание на сновидении, нам следует остановиться на синониме *разгадать*, который сочетается с существительными, обозначающими ситуации, объекты и события, которые могут иметь символическое значение или скрытый смысл. Словосочетание *разгадать сон / да разгадая сън* мы принимаем как некий тайный знак, сигнал, скрытый смысл. Многие люди верят в сны. То, что приснилось, означает какое-то пророчество, которое пытаются отгадать, в частности, при помощи специальных книг – *сонников / сновнищи*.

В русском языке существует слово *спячка* – *зимний сон* (например, медведя), в болгарском языке – нет отдельного слова. Мы переводим *спячка*, как – *зимен сън*.

При описании *сна*, особенно крепкого сна, используется метафора **глубины**: **Р.** *глубокий, мертвый сон; проваливаться, падать, погружаться в мертвый сон, Б.* *дълбок; потъвам в сън; Р.* *летаргический / Б.* *летаргичен сън* – ‘состояние’ похожее на сон, характеризующееся неподвижностью, отсутствием реакций на внешние раздражения, мнимая смерть; **Р.** *мертвый сон / Б.* *мъртвешки сън* ‘об очень крепком, глубоком сне’; **Р.** *спать сном праведника / Б.* *спя праведен сън* ‘спать очень спокойным, безмятежным и глубоким сном’

Сон (крепкий сон) описывается как **неконтролируемое состояние**: **Р.** *мертвый сон одолевает, охватывает. Б.* *мъртвешки сън, унасям се.*

Спокойный сон соотносится с идеей **безгрешности**: **Р.** *спать сном праведника / младенца; спать как младенец; Б.* *спя праведен сън; спя като бебе*

В обеих лингвокультурах значение ‘крепкого сна’ передается с использованием метафоры смерти: *мертвый сон / мъртвешки сън*. Сон также может выступать как эвфемизм смерти: **Р.** *спать вечным / могильным сном* и **Б.** *да спя вечния си сън / непробуден сън.*

3.5.2. Материал для словарной статьи *Мечта / Мечта*

Следующая лексема, которая является центральной для поля мир “кажимости” – это *мечта*.

НАПИСАНИЕ:

Р. Мечта / **Б.** Мечта

ТОЛКОВАНИЕ:

‘нечто, созданное воображением, мысленно представляемое образы и ситуации – плод воображения’.

В русских и болгарских фразеологизмах у опорного слова *мечта* можно выделить такое значение, как ‘сильное желание, иногда нереальное; отдаленная цель’. *Мечта* может входить в сочетания с прилагательными, как *сокровенная*,

розовая, голубая красивая, несбыточная, лелеянная, хрустальная / съкровена, розова, красива, несбъдната, кристална.

В конструкциях *голубые мечты, розовые мечты, синяя птица* можно найти связь с идеей света, положительного [Апресян, 1995, с. 372].

Мечта сочетается с единицами, которые не имеют четко выраженной отрицательной окраски. Они подчеркивают недостигаемость и неосуществимость желаемого или желанного. В этом случае *мечта* может быть: *нереальная / нереална, далекая / далечна, недостижимая / недостижима, безнадежная / безнадежна, недоступная / недостъпна, утраченная / изгубена, невозможная / невъзможна, нереальная / нереална, фантастическая / фантастична, неразделенная / неразделима.*

В русских и болгарских фразеологизмах у слова *мечта* можно выделить несколько основных значений: ‘мысленное представление, сильное желание, иногда нереальное, отдаленная цель, часто недостижимое желание’.

Рассмотрим некоторые фразеологизмы с компонентом *мечта*:

1. Образы и ситуации – плод воображения (синоним – *грезы, иллюзии*):

Розовые мечты / розови мечти, предаваться мечтам / отдавам се на мечти, видеть в мечтах / виждам в мечтите си

2. Мечта, как мысль, содержанием, которой является сильное желание (стремление, влечение):

сокровенная, воплощенная, мечта всей жизни;

заветная мечта / заветна мечта;

голубая мечта / – (не имеет эквивалента в болгарском языке), хрустальная мечта / кристална мечта;

Американская мечта / американска мечта;

лелеять мечту / лелеяна мечта.

3. Мечта как нечто необыкновенное, привлекательное, красивое, вызывающее восхищение (сказка, чудо):

Не женщина – мечта! / мечта о прекрасном

Мечта – это пожелание, относительно будущего, это образ желанного будущего, надежда на лучшее будущее, но в достижимости которого нет уверенности.

СИНОНИМЫ:

Сон / сън, желание / желание, мечтание / мечтаене, надежда / надежда, стремление / стремление / стремеж, привидение / привидение, призрак / призрак, представление / представление, утопия / утопия, фантазия / фантазия, иллюзия / иллюзия, – / мерак.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Р. Заветная мечта косметологов – создать эликсиры молодости и красоты... (газета «Даша», 10, 2004).

Б. Заветна мечта на стареца беше да построи за Збишко и за децата му замък. (Сенкевич. «Кръстоносци»).

Р. Для того, чтобы дослужиться до генерала (**вожделенная мечта** каждого служащего), нужны ещё двадцать лет. (И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья»).

Б. Въжделена мечта на всеки мъж, когато в ръцете му попадне нещо ценно, е да види как клиентите му наддават... (Иванов. «Има нещо гнило в Бландингс») в болгарском языке очень редко употребляется.

Р. Володя мечтал, чтобы Люсенька и Настя ни в чем не нуждались, и **лелеял мечту** отправиться за границу... (Д. Донцова. «Доллары царя Гороха»).

Б. Пред очите й се изсичаха гори и се изнасяше дървен материал, някога солунската митница е била **лелеяна мечта**, сега пред очите й се строяха курорти... (Г. Данаилов. «Доколкото си спомням»).

ЭТИМОЛОГИЯ: Заимствование из старославянского, восходит к той же основе, что и мига«ь "мерцать, сверк»ть". Первоначальное – "призрак, видение".

Этимологический словарь Крылова

КОММЕНТАРИЙ:

Мечта, относится к параллельной реальности как нечто ожидаемое, желанное, приятное. Это – пожелание, относительно будущего, это – образ желанного будущего, в достижимости которого нет уверенности.

Рассмотрим фразеологическое поле *мечта*, в которое входят синонимы *надежда, чаяние, иллюзия* и др. В таблице сравним несколько фразеологизмов и разделим их три группы: 1. образы и ситуации – плод воображения (грезы, иллюзии); 2. мысль, содержанием, которой является сильное желание, стремление; 3. мечта как нечто необыкновенно, привлекательное, красивое, вызывающее восхищение.

Таблица 2 – Сопоставление фразеологизмов

Розовые мечты Предаваться мечтам Видеть в мечтах	1. образы и ситуации- плод воображения (грезы, иллюзии)	Розови мечти
Заветная мечта Голубая мечта Лелеять мечту Американская мечта	2. мысль, содержанием, которой является сильное желание, стремление	Заветна мечта --- Лелеяна мечта Американска мечта
Мечта о прекрасном	3. мечта как нечто необыкновенно, привлекательное, красивом, вызывающѐм восхищение	

Голубая мечта не имеет соответствия в болгарском языке. Есть еще одна версия – неточная калька с немецкого *die blaue Blume* "голубой цветок", из романа немецкого писателя Новалиса "Генрих фон Офтердинген". Голубой цветок тут является символом высокой и несбыточной мечты, приснившейся юноше-поэту.

В русском и болгарском языках существует ряд фразеологизмов, которые можно отнести к квазисинонимам лексем *мечтать* и *мечта*, но в их составе данные слова отсутствуют, например: *витать между небом и землей; витать в*

облаках / витая в облаците; синяя птица / синя птица; сады Артемиды; витать в Эмпиреях ('жить в воображаемом мире, в отрыве от действительности, испытывать удовольствие от собственных фантазий'); забегать мыслями; аленький цветочек; строить воздушные замки/строя въздушни кули ('придумывать несбыточные, бесплодные мечты, фантазии'); увидеть Неаполь и умереть / Виж Неапол и умри и встречающееся чаще: Увидеть Париж и умереть / Виж Париж и умри... ('осуществить самое заветное желание'); земля обетованная /обетована земя (библейский фразеологизм – это 'то место, куда каждый мечтает попасть, страстно стремится, то, что представляется счастьем').

В следующей таблице (3) мы сравнили несколько фразеологизмов, которые существуют и используются как в русском, так и в болгарском языке (кроме фразеологизма *аленький цветочек*).

Таблица 3 – Сопоставление фразеологизмов

<p>Витать в Эмпиреях Витать в облаках Строить воздушные замки</p>	<p>1. образы и ситуации-плод воображения (грезы, иллюзии)</p>	<p>Витая в облаците Строя въздушни кули, замъци</p>
<p>Увидеть Неаполь и умереть! / Увидеть Париж и умереть!</p>	<p>2. мысль, содержанием, которой является сильное желание, стремление</p>	<p>Виж Неапол и умри! Виж Париж и умри!</p>
<p>Синяя птица Жар птица Аленький цветочек</p>	<p>3. Существующее (обычно) только в мечтах нечто необыкновенное, привлекательное, красивое, вызывающее восхищение, желание</p>	<p>Синя птица Жар птица</p>

	увидеть и чем хотелось бы обладать	
--	------------------------------------	--

Интересно обратить отдельное внимание на фразеологизм *синяя птица*. В русской культуре он встречается чаще, чем в болгарской. Что означает синяя птица? Птица-мечта? Синяя птица – это символ счастья, прекрасная мечта. Значение, которое указано в словаре [Влахов, 1994]: „синяя птица – синята птица – като символ на щастието“.

В русской культуре этот фразеологизм появился впервые как заголовок пьесы «Синяя птица» драматурга Мориса Метерлинка и с тех пор понимается как символ счастья. Ухватить, поймать свою синюю птицу – вслед за своей мечтой. Замысел глубокой идеи драматурга – „быть смелым, чтобы видеть скрытое“.

В современном русском языке, также и в болгарском, часто встречается фразеологизм *американская мечта*. Этот американизм, рассматривается иммигрантами как контраст между характерным для людей образом жизни на родине и тем, чего можно достичь в Америке. Вербализируется то, что Америка – страна, построенная на мечте, на мечте о свободе. *Американская мечта* – концепция личного счастья материального благосостояния и карьерного успеха независимо ни от каких стартовых условий, при законодательно обеспеченных свободе личности и равных возможностях для всех как жизненный идеал среднего американца.

Следующим из исследуемых нами фразеологизмов – *Витать в Эмпиреях*, является на грани между *мечтой* и *фантазией*. Его значение мы толкуем как: ‘жить в воображаемом мире, в отрыве от действительности, то состояние, когда человек испытывает удовольствие от собственных фантазий’.

Мечта – нереальность, фантазия, волшебство.

Часто *мечта* описывается как неподконтрольное человеку существо, образ, который обманывает, берет в плен, завлекает и властвует – тогда она осмысливается как коварная, лживая, льстивая.

В группе зооморфных признаков наиболее употребительными оказываются признаки орнитологические (гнездо, крылья, полет) и энтомологические (бабочка, порханье, рой). Связь *мечты* с образами птицы, летающего насекомого, полет, представляется вполне мотивированной. Насекомые и птицы являются обитателями воздушной стихии, стихии свободного движения, отсюда можем сказать, что *мечта* – воздушная.

Мечта в русской и болгарской культуре нечто сокровенное и личное, поэтому она может быть представлена в образе ценной вещи, на что указывают признаки различных способов манипулирования. *Мечту хранят / пазят, прячут / скриват, берегут / пазят, ищут / търсят, забирают, дарят / даряват, берут / взимат, откъсват.*

Мечта имеет глубину, в нее можно погрузиться и утонуть. Метафоры погружения являются типичными для описания эмоционально-ментальных состояний человека (*погрузиться в мысли / потъвам в мислите си*).

Интересно описать и через какие системные образы дается смысл, насколько образ выводит на семантику. Опираясь на наш материал, можем проанализировать то, во что, например, нельзя погружаться. Нельзя погрузиться в память – но, в мысли, в чувства можно. *Погрузилась в воспоминания, но в память нельзя.* Интересно здесь отметить, что в этом случае действуют какие-то законы, нормы, которые выводят нас на понятие „погрузиться”, отсюда следует, что у нас есть глубина, во что можем погружаться. Например, мысли, мечты, воспоминания – уже есть результат деятельности чего-то:

– мысли – это результат деятельности ума, следовательно в них можно „погрузиться“;

– чувства – результат деятельности души и сердца, но нельзя погружаться в сердце, но можно говорить о глубине души (*ср. в глубине души она знала это*);

– память – можно погрузиться в воспоминания, но нельзя погрузиться в память, при этом мы говорим – *из глубин памяти.*

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ РЕПЛИКИ:

Мечты, где ваша сладость... – это цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Пробуждение», затем он использовал эту фразу в «Евгении Онегине», глава VI, строфа XLIV «**Мечты, мечты! Где ваша сладость? Где, вечная к ней рифма, младость?**» Это стало цитатой и может использоваться в качестве диалогической реакции при выражении (часто шутливого) скептического отношения к предыдущей реплике адресанта, ср.: – *Гараж, – обернувшись, сказала Тося. – Хоть какой, хоть плохенький. А то курам на смех – становлю машину в конюшне между лошадьми. – Мечты-мечты, где ваша сладость!* – сказал Лукьяныч (В.Панова «Ясный берег»).

В русском языке иногда используется словосочетание *сбыча мечт*, ср.: *Но со **сбычей мечт** не все так просто.* (А. Иванов «Комьюнити»); *Если метафизика вам скучна, то книга просто **о сбыче мечт*** (С. Сэ «Ева»). Выражение "За сбычу всех наших мечт!" – является шутливым тостом. Обратим внимание на форму „мечт“ и действительно ли эта форма родительного падежа множественного числа не определяется.

В старославянском языке была не только *мечта*, но и та самая форма, которая сейчас не употребляется – "мечт". Сейчас эта форма ("у меня много мечт") употребляется чаще всего в шутливо-ироничном смысле.

3.5.3. Материал для словарной статьи *Надежда / Надежда*

Надежда, является третьей, центральной единицей для лексико-семантического поля мир “кажимости”. Ниже приведены материалы для словарной статьи лексического концепта *надежда*.

НАПИСАНИЕ:

Р. Надежда / Б. Надежда

ТОЛКОВАНИЕ:

‘вера, желание в осуществления чего-нибудь, нечто радостного, благоприятного, ожидание приятного’. *Надежда* связывается с *мечтой*, ср. тж:

мечта-надежда, как нечто ожидаемое и очень желаемое. *Надежда* – свидетельствует о том, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление. «*Надежда* – ‘ожидание чего-либо, соединенное с уверенностью в возможности осуществления’.

В Толковых словарях единица описывается как ‘вера, желание в осуществлении чего-нибудь, нечто радостного, благоприятного, ожидание приятного’. *Надежда* связывается с мечтой. Здесь можем сделать связь с *надеждой*: *мечта-надежда*, как нечто ожидаемое. *Надежда* – свидетельствует то, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление. «*Надежда* – ‘ожидание чего-либо, соединенное с уверенностью в возможности осуществления’ (МАС). В словаре В. Даля *надежда* не имеет собственной словарной статьи – это слово помещается в статье глагола *надеяться*: ‘верить, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью’.

Лексема *надежда*, в обоих языках, входит в триаду ВЕРА-НАДЕЖДА-ЛЮБОВЬ.

Проиллюстрируем, в какие устойчивые словосочетания входит *надежда*. В таблице 4 покажем частотно употребляемые фразеологические единицы в русском языке и как они переводятся на болгарский.

Таблица 4 – Фразеологические единицы 1

В надежде	<i>С надеждата за нещо...</i>
Льстить себя надеждой	<i>Лаская се, залъгвам се с надеждата за...</i>
Питать надежду	<i>Храня надежда</i>
Возлагать надежды	<i>Възлагам надежди на... / градя надежди</i>
Подавать надежды	<i>Възлагат ми се големи надежди</i>
Потерять надежду	<i>Губя надежда</i>
Надежда воскресает	<i>Надеждата възкръсва</i>

Надежда умирает	<i>Надеждата умира</i>
------------------------	------------------------

Таблица 5 – Фразеологические единицы 2

Пробуждать надежду	<i>Будя надежда</i>
Возлагать надежды	<i>Градя надежди</i>
Возлагать надежды	<i>Възлагам надежди</i>
Подавать надежды / вселять надежду	<i>Давам надежда</i>
Вся моя надежда на...	<i>Надеждата ми е в ...</i>
Можно надеяться	<i>Има надежда</i>
Оправдывать чьи-либо надежды	<i>Оправдавам надеждите на...</i>
Иметь / хранить надежду	<i>Пазя надежда</i>
Терять всякую надежду	<i>Погребвам надежда</i>
Разбивать надежды	<i>Попарвам надеждите на някого</i>
Питать / лелеять надежду	<i>Храня надежда</i>

Состояние *надеяться* связано с позитивным или негативным эмоциональным состоянием, подразумевая его в случае совершенности или соответственно неуверенности ожидаемого события.

В обоих языках *надежда* уподобляется как живому существу, его **жизненному циклу**: *надежда живет, умирает, воскресает, вселяется в душу в сердце / надеждата живее, умира, възкръсва, вселява се в душата, в сърцето.*

Надежда может относиться к **области ирреального**, невозможного:
несбыточная надежда / неосъществима надежда

Объект надежды имеет неопределенный характер. Кроме того, состояние ‘*надежды на...*’ всегда связано с позитивным эмоциональным состоянием человека.

Надежда толкуется как ожидание чего-либо, соединенное с уверенностью в возможности осуществления: *питать надежду / храня надежды*.

СИНОНИМЫ:

предвкушение, ожидание, чаяние, вера, предположение, мечта, иллюзия, шанс, упование, предчувствие

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Р. И вот свобода утрачена, талант разменян, а **надежда живет** в последнем отчаянном и ни на чем в общем-то не основанном допущении, что может быть, еще удастся проскочить куда-то между двумя исполинскими, как скалы, массивами времени... (В. Голованов. «Остров, или оправдание бессмысленных путешествий»)

Б. В мен **надеждата живее**, сега

Когато съм в теб,

Да съм това, което искаш да съм...

Р. А классика видела в природе только мир непрерывных процессов. И нельзя было **питать надежду**, что в таком классическом мире найдется законное место для новой универсальной постоянной, открытой Планком? (Д. Данин. «Нильс Бор»).

Б. Въпреки това момчето не можеше да спре. Докато е жив, човек се съпротив-лява. И **храни надежда**. Дори да е напразна тази **надежда**, даже да е упование на невъзможно чудо. (М. Семенова «Право на двубой»).

Р. Они шли на концерты, поддавшись его харизме, обаянию, энергетике его личности. Иногда **в надежде**, что в финале концерта им, может быть, сыграют "Сувенир" Полторацкого. (С. Спивакова. «Не всё»).

Б. Накрая избра едната и повървя край следите под изгряващото слънце. След малко в аленеещото небе се отвори облак прах, който май приближаваше. Ринсуинд спря с **надежда** до коловозите. Накрая под тесния край на пушилката се появи кола, теглена от голям впряг коне. И те бяха черни като колата. (Тери Пратчет. «Последният континент. Истории от света на Диска»).

ЭТИМОЛОГИЯ:

надѣжда Заимств. из цслав.; ср. народн. надѣжа, блр. надзѣжа, др.-русск. надежа (Нестор, Жит. Феодос.), ст.-слав. надежда ἐλπίς (Супр.), болг. надѣжда. Из *na-dedja от на и деть, děti, ст.-слав. дежд С« "кладу".

КОММЕНТАРИЙ:

Надежда находится **на границе между реальным и ирреальным**. Она может осуществляться, переходя в область реального: **Р.** *надежда сбылась, осуществилась; кто-л. оправдал чьи-л. надежды; Б.* *надеждата се сбъдна, осъществи; някой е оправдал надеждите на някой друг.* Она может не осуществляться, переходя в **область ирреального, невозможного**: **Р.** *несбыточная надежда; Б.* *неосъществима надежда.* Ситуация окончательного перехода *надежды* в область ирреального описывается как потеря предмета или его разбивание: **Р.** *потерять (последнюю) надежду; разбивать надежды; Б.* *попарвам надеждите на някого, разбивам надежди.*

Надежда связана с тем, что **человек желает, считая хорошим**, с тем, что **приводит к изменениям в лучшую сторону**: **Р.** *надежда на лучшее; надежда, что все будет хорошо...; Б.* *надежда за по-добро, надежда, че всичко ще бъде наред.*

Надежда имеет сходство с **уверенностью**, однако они различаются по степени вероятности и определенности того, на что надеется кто-либо или в чем уверен кто-либо. У *надежды* она выражена слабее. В значении 'ожидание чего-либо хорошего, считая, что осуществление вероятно' русские и болгарские фразеологизмы различаются по внутренней форме: **Р.** *питать надежду; Б.* *храня надежди.*

Надежда часто употребляется во множественном числе: **Р.** *время надежд; кто-либо подает надежды; Б.* *време за надежди, надеждата умира.*

Надежда локализована в пограничной зоне **между реальностью и ирреальностью**. Ее осуществление означает переход в область реального: **Р.** *надежда сбылась, осуществилась; кто-либо оправдал чьи-либо надежды; Б.* *надеждата се сбъдна, осъществи; някой е оправдал надеждите на някой друг.*

Невозможность осуществиться – означает локализацию в области ирреального, невозможного: **Р.** *несбыточная надежда; Б.* *неосуществима надежда.* Окончательный переход *надежды* в область ирреального представлен в языке как утрата предмета или разбивание множества предметов: **Р.** *потерять (последнюю) надежду; разбивать надежды; Б.* *попарвам надеждите на някого, разбивам надежди.*

3.5.4. Материал для словарной статьи *На Бога / бога надейся, а сам не плошай; Б. Лозето не иска молитва, иска мотика*

После того, как был описан материал для словарных статей, заголовочными единицами которых стали центральные лексемы мир “кажимости”, перейдем к описанию другого типа разноструктурных единиц – пословиц, используемых в качестве диалогических реплик. Покажем, как и по каким параметрам они могут описываться в ТК.

НАПИСАНИЕ:

Р. *На Бога / бога надейся, а сам не плошай; Б.* *Лозето не иска молитва, иска мотика.*

ТОЛКОВАНИЕ:

‘Можно рассчитывать на вероятную помощь извне, но полагаться следует прежде всего на себя, на свои силы и возможности’. Часто употребляется в ответ на реплику содержащую слова *надеяться* или *Бог / бог*.

ТИП ВЫСКАЗЫВАНИЯ: пословица.

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ: Неполное согласие с предыдущей репликой собеседника. Используется для смены фокуса: переключения внимания с возможной помощи извне, о которой говорилось в предыдущей реплике, на необходимость опираться прежде всего на собственные силы. Пословица придает ответной реплике характер очевидной и неоспоримой истины.

КОММЕНТАРИЙ: Использование пословицы в диалоге в качестве ответной реплики является одним из частных случаев. Пословица употребляется

также в повествовании, может заключаться в кавычки, как цитата, или вводиться при помощи разных конструкций: *(как) говорят, как говорится, недаром говорится, по пословице, в народе говорят* и др.

Слово *Бог / бог* имеет абстрактное значение и обозначает помощь, поддержку извне, источник которого может относиться и к реальности, земному (другие люди), и к ирреальности, небесному (чудо). Регулярно воспроизводимой является лексико-синтаксическая конструкция *надейся, а сам не плошай*. Позицию винительного падежа с предлогом *на* могут заполнять разные слова, например: *на судьбу, на дядю, на благодать, на власти, на присяжных... надейся, а сам не плошай*. Это зависит от общей ситуации и общего контекста.

Пословица имеет двухчастную структуру: каждая часть оформляется при участии императива: *надейся* и *не плошай*. Ее можно рассматривать как рекомендацию к осуществлению обоих действий одновременно: надеяться на силы извне и действовать правильно (не плошать) самому. Здесь противопоставлены две стратегии: ориентация на мир «горний» (небесный, другой) и на мир «дольный» (земной, реальный, свои силы). Это отражено, например, в художественных текстах: *Бальмонт и Брюсов точно поделили меж собой поговорку: «На Бога надейся» (Бальмонт), «а сам не плошай» (Брюсов). Бальмонт не зря надеялся, а Брюсов в своем «не плошай» – не сплеховал* (М. Цветаева. «Герой труда (Записи о Валерии Брюсове»).

В христианских текстах пословица интерпретируется следующим образом: «в со-действии двух волей и двух усилий (Божеской и человеческой) создается наше спасение» (<https://tv-soyuz.ru/peredachi/besedy-s-batyushkoy-efir-ot-22-fevralya-2017g>). В обиходном употреблении пословица акцентирует внимание на том, что человек в первую очередь должен прилагать собственные усилия к решению проблемы.

Сопоставление: В болгарском языке общий смысл пословицы *На Бога / бога надейся, а сам не плошай* передается пословицей *Лозето не иска молитва, иска мотика*. Буквально это означает: «Винограднику нужна не молитва, а мотыга». Здесь в отличие от русской пословицы, допускающей разные толкования и

используемой в разных контекстах, противопоставление выражено более четко и означает: 'не словом, а делом'.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Р. [Мыловарцева:] Товарищ Епифанцев рассчитывает на вас. Мы окажем вам всемерную поддержку. Можете *надеяться*. [Терентьев:] *На Бога надейся, а сам не плошай*. (Б. Можаяев. «Единожды солгавши»).

– Мы о нем ничего не знаем. И, честно сказать, *надеялись на медицину*. – *На бога надейся, а сам не плошай*. (А. Безуглов. «Страх»).

Бог не без милости и поможет нам. – *На Бога надейся, а сам не плошай!*
– *процедила сквозь зубы хорошенькая Августа* (Л. Чарская. «Мастерская мадам Пике»).

– Президент тебя не покормил? – усмехнулась Елена. – *На президента надейся, а сам не плошай!* – ответил Лубовский весело (В. Пронин. «Банда»).

Б. – Знаете, че лозето не ще молитва, то иска мотика. Така е и с българската политика. Трябва умно да зарежем българското лозе, така че да дадем шанс на най-добрите филизи, а да изрежем излишните, ако искаме да има плод. (Р.Радев, выступление: <https://bntnews.bg/news/radev-lozeto-ne-shte-molitva-iska-motika-taka-e-i-s-politikata-1095953news.html>).

3.5.5. Материал для словарной статьи (*И / Даже*) не надейся; Не надейся (даже); Б. *И не се надявай*

В качестве материала для словарных статей в ТК описываем также речения. Предлагаем следующую последовательность такого описания.

НАПИСАНИЕ:

Р. (*И / Даже*) не надейся; Не надейся (даже); **Б.** *И не се надявай*

ТОЛКОВАНИЕ:

‘не следует ждать, что произойдет то, о чем думаешь, чего желаешь’.

ТИП ВЫСКАЗЫВАНИЯ: речение

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ:

1. Разуверение собеседника. Несогласие с предположением / утверждением, которое делает или на которое намекает собеседник и которое оценивается говорящим как желаемое собеседником.

2. Отказ в ответ на прямую или скрытую просьбу / предложение / требование собеседника.

КОММЕНТАРИЙ: императив с отрицанием придает ответной реплике категоричность. Речение может употребляться в качестве отрицательного ответа на предшествующую реплику, в которой использовался глагол *надеяться*. В ситуации, когда собеседник делает предположение, что в будущем может произойти что-то нежелательное, наносящее ему урон, ответная реплика, содержащая разуверение, оценивается в зависимости от ситуации как шутка, издевка, сарказм: – *Ты меня побьешь?* – радостно уточнила она, взгромождаясь на переднее сиденье, всегдашнее Лешино место. – *Не надейся даже*, – он позволил себе улыбнуться и захлопнул дверь (Т. Устинова. «Персональный ангел»).

Сопоставление: В болгарском и в русском языке значения полностью совпадают и означают какое-нибудь отрицание, несогласие, с тем, что было предположено. В болгарском языке *надявай се*, в разных контекстах, имеет ироническое значение (отказ).

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. **Р.** – Ты...ты... – пролепетала Аня, – вербуешь меня?.. – *Не надейся!* – перебил Коля. – Женщин я использую только по прямому назначению!.. (Б. Клетинич. «Моё частное бессмертие»). – Ждать мне недолго, – сказал он мечтательно. Она процедила: – *И не надейся*. Бабы такими, как ты, не бросаются. (Л. Зорин. «Глас народа»). – *Надеюсь*, о звонке никто не знает? – *Не надейся*. Из кабинета. Некогда было конспирироваться (С. Данилюк. «Бизнес-класс»). – *Надеюсь*, он там и сдохнет. – *Не надейся*. (В. Мясников. «Водка»).

2. **Р.** – Пусти, – едва выдохнула она. – *И не надейся*, теперь ты от меня никуда не уйдешь! (Е. Сухов. «Делу конец – сроку начало»). – А может, все-таки дашь мощность? – *И не надейся* (Д. Гранин. «Искатели»).

1.Б. – Не съм бил там да видя. – Точно така. – Той пое дълбоко въздух и издиша. – Не беше. И *не се надявай* да ни сплашиш момко. Не се страхувам от нищо, което върви, лети или плува по тази земя (А. Фостър. «Изгубената Донотопия»). – След няколко години, когато и двамата ще можем спокойно да се върнем към миналото, ще ти се обадя. Сбогом, Рафал. Не ме обвинявай в лекомисие и *не се надявай*, че нещо може да ме накара да променя решението си. Няма да го направля... (Т. Мостович. «Тадеуш»).

2.Б. – Той ми хвърли унищожителен поглед. – Да не би да загатваш нещо за родителските възможности на мама? Татко се сепна от подразбиращата се заплаха във въпроса ми. – *Надявай се* да не и спомена това – казах аз. – По-добре да на го правиш – предупреди той. (М. Стефани. «Здрач»).

Выводы по главе 3

В данной главе обсуждалась теория и практика двуязычной (русско-болгарской и болгарско-русской) лексикографии.

Была описана общая концепция двуязычного кросс-культурного словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении», перечислены его основные жанровые характеристики, совмещающие особенности словарей разных типов: по форме организации словника это – идеографический словарь; по способу отбора материала это – словарь моделей описания; по способу представления материала это – словарь цифрового формата; по характеру и форме интерпретации заголовочных единиц это – кросс-культурный словарь русского языка с включенной контрастивной информацией из болгарского языка.

Были предложены критерии отбора тем для словаря: наличие прагматических свойств, наличие коннотаций, общая культурная специфичность, неполная культурная переводимость. Показано, что при словарном описании близкородственных лингвокультур важную роль играет фиксация не только

различий, но и сходств, выявление которых помогает в будущем обратиться к теме общеславянских лингвокультурных универсалий.

В отдельном параграфе обсуждался метаязык описания, приемы выделения и условные знаки в словаре. Также была охарактеризована общая структура словарной статьи, включающая в себя следующие параметры: написание, толкование, синонимы, иллюстрации, этимология, комментарий. Особое внимание было уделено зоне комментария, лингвокультурного по своему характеру. В нем может быть отражена как собственно лингвистическая, так и экстралингвистическая информация, что зависит от того, какой тип единиц является объектом описания.

В работе были представлены материалы для словарных статей разноструктурных единиц, относящихся к лексико-семантическому полю мир “кажимости”. Это – лексические концепты, употребляющиеся преимущественно в нарративном режиме – *Сон / Сън, Мечта / Мечта, Надежда / Надежда*; фразеологизмы (поговорка, предложение), используемые в диалоге в качестве ответных реплик: *На Бога / бога надейся, а сам не плошай / Лозето не иска молитва, иска мотика (И / Даже) не надейся; Не надейся (даже)*.

Обсуждаемые в третьей главе положения обосновывают важность экспериментального словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» и в перспективе могут лечь в основу конкретного словарного проекта, а также послужить образцом для других двуязычных словарей указанного типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании было рассмотрено понятие “кажимости”, охарактеризовано лексико-семантическое поле мир “кажимости” в русском и болгарском языках, определены его границы и его лексическое наполнение. Подробно была проанализирована именная лексико-семантическая группа, входящая в лексико-семантическое поле мир “кажимости”. Также было предложено словарное описание лексических единиц данной группы (ее ядерных компонентов). Словарные статьи послужили иллюстрацией общей концепции двуязычного кросс-культурного словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении», которая была предложена в настоящем исследовании.

Основные результаты исследования заключаются в следующем.

Был проведен аналитический обзор русских и болгарских исследований в области лексикологии, лексической семантики, включая сопоставительные исследования. Рассматривались также работы по теории и практике общей и двуязычной лексикографии.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что русские и болгарские лингвистические и лексикографические традиции служат надежным основанием для дальнейшего развития исследований в области сопоставления двух близкородственных славянских языков в направлении лингвистического описания сходств и различий русской и болгарской лингвокультур, а также словарной фиксации таких сходств и различий.

С учетом работ, в которых *кажимость* рассматривалась в русле философии языка, а также выстраиваемых оппозиций объективность – субъективность, истина – ложь, сущность – видимость и др., было дано определение понятию мир “кажимости”, под которым понимается сложившееся у человека представление, основанное на желании, не имеющее своего воплощения в реальности настоящего, но имеющее некоторую вероятность реализоваться в будущем. Это представление является продуктом ментальной и / или эмоциональной деятельности, а также

работы бессознательного и служит формированию внутреннего мира человека. Значение “кажимости” соотносится с видением мира воображаемого и реального, с видением человека в рамках реальности и фантазии, миром его снов, грез, мечты.

На основе метода сплошной выборки, компонентного анализа и групповой семантизации был определен лексический состав лексико-семантического поля мир “кажимости” включающего около ста разноструктурных единиц: существительных, прилагательных, глаголов, служебных частей речи, а также понимаемых широко фразеологизмов.

Было показано, что значение семантического поля мир “кажимости” включает такие компоненты как ‘отклонение от реальности’, ‘мнимая реальность’, ‘то, что субъект воспринимает как возможно реальное’.

Анализ именной группы лексико-семантического поля мир “кажимости” позволил определить ее центральные, периферийные и пограничные единицы на материале русского и болгарского языков. Центральными единицами являются: *сон / сън, мечта / мечта, надежда / надежда*, периферийными – *фантазия / фантазия, воображение / въображение, грезы / блянове*, пограничными – *образ / образ, ложь / лъжа, иллюзия / илюзия, химера / химера, память / памет*. Все центральные слова имеют славянские корни, семантическое сходство в русском и болгарском языках, и высокую частотность употребления.

В диссертации была описана общая концепция двуязычного кросс-культурного словаря Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении». Были перечислены его основные жанровые характеристики, совмещающие особенности словарей разных типов, а именно: по форме организации словника это – идеографический словарь; по способу отбора материала это – словарь моделей описания; по способу представления материала это – словарь цифрового формата; по характеру и форме интерпретации заголовочных единиц это – кросс-культурный словарь русского языка с включенной контрастивной информацией из болгарского языка.

Также были проанализированы его предшественники, были предложены критерии отбора тем для словаря, обсуждены метаязык описания, приемы выделения и условные знаки в словаре.

Была охарактеризована общая структура словарной статьи. Особое внимание было уделено зоне комментария, лингвокультурного по своему характеру, и включающему разные типы информации: лингвистическую и экстралингвистическую, социокультурную и прагматическую в зависимости от класса лексических единиц.

В работе были представлены материалы для словарных статей разноструктурных единиц, относящихся к лексико-семантическому полю мир “кажимости”. Это – лексические концепты, употребляющиеся преимущественно в нарративном режиме – *Сон / Сън, Мечта / Мечта Надежда / Надежда*. Было предложено параметрическое описание диалогических единиц: пословицы в роли ответной реплики: *На Бога надейся, сам не плошай / Лозето не иска молитва, иска мотика*); речения в роли ответной реплики: *И не надейся! / И не се надявай!*

Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» является новым типом экспериментального, кросс-культурного словаря и представленный в диссертации проект, включая материалы для словарных статей, был рассмотрен как один из основных результатов проведенного исследования.

В ходе исследования было показано, что во многих современных русских и болгарских лингвистических работах наблюдается повышенный интерес к анализу ключевых слов культуры, и соответственно реализация предложенного проекта кросс-культурного словаря нового типа может иметь очень хорошие перспективы.

Сопоставительный анализ и лексикографическое описание позволяет выявлять и фиксировать в словаре универсальные и культурно специфические особенности разноструктурных единиц двух близкородственных языков.

Продолжение заявленной темы видится в уточнении и корректировке самого проекта словаря, написании словарных статей по предложенным в работе материалам, а также в составлении новых словарных статей, включающих единицы

данного лексико-семантического поля, а также других лексико-семантических полей.

Отдельного анализа и проработки потребует заявленный в диссертации цифровой формат словаря. В будущем может возникнуть необходимость апробации собственно словарных статей и рассмотрения возможности их дополнения и редактирования с учетом других славянских языков.

Материалы словаря могут послужить основой для написания словарных статей. Они также могут быть использованы в качестве образца при создании серии кросс-культурных словарей как близкородственных, так и неблизкородственных языков.

В отдаленной перспективе такой словарь может объединить несколько славянских языков, что позволит лексикографически зафиксировать как лингвокультурные универсалии, так и лингвокультурные расхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Полевая природа частей речи / В.Г. Адмони // Вопросы теории частей речи. – Ленинград: Наука, 1968. – С. 98–105.
2. Алиференко Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н. Ф. Алиференко // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005. – С.21–27.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. - 2-е изд. – М.: Флинта, 2009.
4. Андрейчина К. Вопросы учета национальной культуры учащихся при сопоставлении лингвострановедческого учебного словаря: автореф. дис. канд. филол. наук: 13.00.02 / Кира Андрейчина. – Москва, 1977.
5. Афанасьева И.Н. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / И.Н. Афанасьева, Л.А. Дунаева Л.П. Клобукова [и др.]. – Москва, 2009.
6. Антонова-Василева Л.С. Роль трудов проф. Афанасия Матвеевича Селищева в развитии болгарского языкознания / Л.С. Антонова-Василева // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2022. Т. 17. – № 3–4. – С. 125–140.
7. Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 102–149.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974.
9. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 57–69.
10. Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян. – ВЯ. – 1993. – № 3.
11. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Апресян Ю.Д. // Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа „Языки русской культуры“, 1995.

12. Апресян Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – Т. II. – Москва, 1995. – 372 с.
13. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 2. – С. 58–71.
14. Апресян Ю.Д. а казаться¹, сдаваться, представляться², думаться¹ / Ю.Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва – Вена, 2004. – С. 456–462.
15. Апресян Ю.Д. б чудиться, мерещиться, казаться² / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва – Вена 2004. – С. 1289–1293.
16. Апресян Ю.Д. в надеяться, уповать, рассчитывать, полагаться¹ / Ю.Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва – Вена, 2004. – С. 565–570.
17. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33–160.
18. Апресян Ю.Д. От истины до лжи по пространству языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 23–45.
19. Апресян Ю.Д. Об Активном словаре русского языка / Ю. Д. Апресян // Активный словарь русского языка. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 5–35.
20. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – Т. XIII. – Москва, 1982. – с. 8.
21. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Изд-ая группа Прогресс, 1990. – С. 5–32.
22. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991.
23. Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы / Н.Д. Арутюнова/ Облик слова: Сб. ст. памяти Д.Н. Шмелева. – Москва, 1997. – С. 22–40.

24. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира. / Н.Д. Арутюнова // Язык и мир человека – 2-е изд. испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
25. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Языки пространств / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 2000.
26. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 624–636.
27. Арутюнова Н.Д. Видение и видЕние. (Проблема достоверности). // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 92–105.
28. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011.
29. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах / Н. Д. Арутюнова. – М.: Ленанд, 2014.
30. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки славянских культур, 2017.
31. Бабенко Л.Г. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Проспект словаря / Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2010.
32. Бабкин А.М. Русская фразеология ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Либроком, 2009.
33. Бабов К. Руският език в България (1944-1979): Библиография / К. Бабов. – София : СУ Климент Охридски, 1972.
34. Бабов К. Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе / К. Бабов. – София : Народна просвета, 1974.
35. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай // 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
36. Балашова Л.В. Русская метафорическая система в развитии. XI–XXI вв. / Л.В. Балашова – М.: Рукописные памятники Древней Руси, Знак, 2014. – 632 с. –

[Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/35726>, свободный

37. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Современная русская идиоматика (проект словаря) / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // М.: Русистика сегодня. – 1995. – № 4.

38. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1998. – Том 5. – С. 36–44.

39. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Речевые формулы в русском языке (определение понятия и параметры типологии) / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Русский язык сегодня 2. Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 41–53.

40. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Флинта, 2014.

41. Барановский П.С., Бабенко Н.Г. Цифровой частотный словарь языка Бориса Рыжего в контекстх современной авторской лексикографии / П.С. Барановский, Н.Г. Бабенко // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14. – №3. – С. 7–18.

42. Барнет Вл.К проблеме языковой эквивалентности при сравнении / Вл.Барнет // Сопоставительное изучение русского языка с другими славянскими языками. – Москва, 1983.

43. Баско Н.В. Русские фразеологизмы – легко и интересно: учеб. Пособие / Н.В. Баско. – М.: Флинта, 2003.

44. Берестнев Г.И. Лингвистика сновидений // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 403–407.

45. Берестнев Г.И. О новом корпусном словаре сновидений / Г.И. Берестнев // Слово.ру.: балтийский акцент. – 2013. – №2. – С. 35–43.

46. Берестнев Г.И. Сонник Г.Х. Миллера: Структурное своеобразие и когнитивные модели толкования / Г.И. Берестнев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – № 8 – С. 85–92.

47. Берестнев Г.И. Культурные концепты в метаописании семантики сновидений / Г.И. Берестнев // Язык, сознание, коммуникация, 2014. – С. 38–39.
48. Берестнев Г.И. Васильева И.Б. О когнитивной природе „Пророческих“ сновидений / Г.И. Берестнев, И.Б. Васильева // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2016. – №1 (82). – С. 126–136.
49. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: Словник / В.П. Берков. – Л.: Изд-во. Ленингр. ун-та. – 1973. – 16 с.
50. Берков В.П. Слово в двуязычной словаре / В.П. Берков. – Таллин : Валгус 1977.
51. Берков В.П. Двуязычная лексикография: Учебник / В.П. Берков. – Санкт-Петербург, 1996.
52. Богачева Г.Ф. Лингвистика и лексикография: области взаимодействия как области роста / Г.Ф. Богачева // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции – Москва, 2021. – С. 47–53.
53. Богачева Г.Ф., Мокиенко В.В. О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка / Г.Ф. Богачева, В.В. Морковкин // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №3. – 8 с.
54. Боровицкая, Е.Н. Ложь и варианты ее проявления в дискурсе (социально-прагматический анализ) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – 374 с.
55. Брагина Н.Г. Об учебном лексикографировании сочетательных свойств слова на основе принципов групповой семантизации. // Теория и практика учебной лексикографии. Сб. статей. / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина. – 1988. – С. 118–127.
56. Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона / Н.Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры ед. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 133 с.

57. Брагина Н.Г. Социокультурные конструкты в языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. / Н.Г. Брагина. – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина. – 2006.

58. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007.

59. Брагина Н.Г. Кросс-культурное понимание и язык межкультурного общения. / Н.Г. Брагина // IV Международная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира. Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» (Варшава 8-12 мая 2008). – Варшава, 2008. – С. 43–44.

60. Брагина Н.Г. И к былям небылиц без счету прилыгал. О границах между памятью и воображением. // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 624–636.

61. Брагина Н.Г. Понятие межкультурного диалога и кросс-культурное понимание фразеологизмов / Н.Г. Брагина // *Frazeološka simfonija. Sodobni pogledi na frazeologijo*. – Ljubljana, 2013.

62. Брагина Н.Г. Теория и практика межкультурной коммуникации / Н.Г. Брагина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып.5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4-8 октября 2016). – Санкт-Петербург, 2016. – С. 661–664.

63. Брагина Н.Г. Ментальный образ и физиологическое состояние по материалам русской и болгарской фразеологии: фразеологизмы с компонентом сон и мечта / Н. Делева, С. Войслова // „Чуждият език и съвременното висше образовање" сборник с доклади, VIII Международна научна конференция. – Варна, 2017. – С. 273–276.

64. Брагина Н.Г. Подвижные границы лингвистики // Русский язык за рубежом. – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина. – 2020. – №1. – С. 4–10.

65. Брагина Н.Г. Культурная семантика фразеологизмов: работа подсознания по материалам разных языков / Н.Г. Брагина // Но мы сохраним тебя, русский язык! Коллективная монография, посвящённая 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова. – М.: Флинта, 2020. – С. 222–231.

66. Брагина Н.Г., Сюй Хун, У Мэнчжу Русско-китайский тематический классификатор: лексикографическое описание устойчивых сравнений с зоонимами / Н.Г. Брагина, С. Хун, У Мэнчжу // Русский язык за рубежом. – М.: – 2022. – № 5. – С. 90–97.

67. Васева И. Основни проблеми при превода на фразеологичните единици / И. Васева // Езикови проблеми на превода (Славянски езици). – София, 1985. – С. 99–109.

68. Васюков Р.В. Феномен кажимости в контексте диалога мировоззрений и проблемы толерантности / Р.В. Васюков // Социальная политика и социология. – 2016. – Т. 15. – № 1 (114). – С. 80–87.

69. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996.

70. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А.А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

71. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – Москва, 2001.

72. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловечески понятия в культурораспецифичных контекстах / А. Вежбицкая // Вып. 3. – Москва, 1999. – С. 185–206.

73. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263–305.

74. Вежбицкая А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая // М.: Русские словари, 1999.

75. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Морковкин В.В. Лингвострановедческий словарь: изъяснение русского слова в учебных целях / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Морковкин // Русский язык за рубежом. – 1974. – № 4. – С. 89–95.

76. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин В.Г. Костомаров – М.: Русский язык, 1980.

77. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва – 4-ое изд. перераб. и доп. – М., 1990.

78. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук. – Ленинград : Изд. ЛГУ, 1946. – С. 45–69.

79. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 140–151.

80. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учебное пособие 2-е изд. / В. В. Виноградов – М.: Высшая школа, 2005. – 287 с.

81. Влахов С., Флорин С., Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986.

82. Влахов С. Речников превод и контекстуален превод / С. Влахов // Езикови проблеми на превода (руски език) / Съст. Ив. Васева. – София, 1987. – С. 51–63.

83. Войслова С. Фразеологизмы с опорным компонентом сон/сън в русском и болгарском языках: опыт лексикографического описания / С. Войслова // «Славянский мир: общность и многообразие», Институт славяноведения РАН. – Москва, 2017. – С. 50–51.

84. Войслова С. Фразеологизмы с компонентом мечта/мечта в русской и болгарской лингвокультурах С. Войслова // «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» – Москва, 2018. – С. 82–91.

85. Войслова С. Концептуальное поле «мир кажимости»: русская и болгарская лингвокультурах в сопоставлении / С. Войслова // Журнал Болгарская русистика, РИНЦ. – 2019/4, Орган Общества русистов Болгарии. – София. – С. 51–60.

86. Войслова С. Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»: основные принципы составления / С. Войслова Н.Г. Брагина // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Методиевские чтения», 2019. – 79 с.

87. Войславова С. Н. Русско-болгарский тематический классификатор: основы лингвокультурного комментария / С. Войславова, Н.Г. Брагина, Н. Делева // Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве», 6–10 декабря 2021. Сборник материалов. Ч.1. – М. – С. 317–321.

88. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.

89. Гак В.Н. Вопросы национально-культурной специфики речевого поведения / В.Н. Гак // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развитие русистики: Доклады. – Ч.1. – 1991. – С. 67–70.

90. Гак В.Н. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В.Н. Гак // Филологические науки. – 1995. – №4. – С. 46–55.

91. Георгиев В. Езиково сближение на славянските народи / В. Георгиев // Език и литература. – 1948. – № 4. – С. 243–252.

92. Георгиева С. К вопросу о типологии внутренних форм фразеологических единиц родственных языков / С. Георгиева // Пловдивский университет „Паисий Хилендарский“, Научни трудове, Филологии. – 1993. – Т.3. – С. 163–170.

93. Георгиева С. Русская фразеология в зеркале болгарского языка / С. Георгиева – София, 2011.

94. Гольдин В. Е. Речь и этикет / В.Е.Гольдин. – М.: Просвещение, 1983.

95. Горизонты современной русистики: Сб. статей Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею академика В.Г. Костомарова / Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, Ред. М.Н. Русецкая, М.А. Осадчий, И.А. Лешутина, В.И. Аннушкин, Н.Г. Брагина, В.И. Карасик, И.А. Орехова, Рец. Н.А. Герасименко, В.Б. Куриленко. – М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина. – 2020. – 123 с.

96. Гочев Г. Новая русско-болгарская контактная лексика (на материале русских и болгарских словарей новых слов и значений / Г. Гочев // Материалы XI Международного симпозиума МАПРЯЛ. Велико-Тырново, 2014. – С. 216–225.

97. Гочева Э. Лингвометодические основы обучения русской лексике / 7 в болгарской школе. Дис. канд.пед.наук. : 13.00.02 / Э. Гочева. – М., 1975. – 391 с.

98. Гочева. Э. Сопоставление русской и болгарской лексики в методический целях (на уровне формы и значения) Лингво-методические основы обучения русской лексике в болгарской школе. канд. дис. : / Э. Гочева. – Москва, 1975.

99. Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия) // Болгарская русистика. – 2003. – № 3–4. – С. 5–9.

100. Градинарова А. Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации / А. Градинарова, Е. Иванова. – 2005. – № 3. – С. 135–138.

101. Градинарова А. Некоторые особенности представления субъекта восприятия в болгарских конструкциях в сравнении с русскими / А. Градинарова // Язык. Текст. Дискурс. – 2017. – №15. – С. 58–65.

102. Градинарова, А. Дативная модель с предикативом на -о в русском и болгарском языках на фоне ее парадигматических связей / А. Градинарова // Русский язык за рубежом. – 2018. – С. 18–23.

103. Гумбольдт В. Избранны труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 318 с.

104. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – Москва, 1994.

105. Данчев А. Съпоставителните изследвания в България (1944–1984) / А. Данчев // Съпоставително езикознание. – 1984. – № 5. – С. 5–21.

106. Делева Н. Сергею Ивановичу Влахову 100 лет / Н. Делева // Русистика: вчера, сегодня, завтра Юбилейная международная научная конференция, посвященная 50-летию Общества русистов Болгарии и 50-летию Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы 29 июня – 2 июля 2018, София, 2018 – 398 с.

107. Делева Н. Русско-болгарские аналоги. (Лексикографический аспект) / Н. Делева. – София, 2020. – С. 46–73.

108. Деннингхаус С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 344–359.

109. Дасько А.А. Сны: события и время // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 414–417.

110. Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для вузов: В 2 ч. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Сост., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. – Москва, 2001.

111. Димитрова Г. Тезаурусно моделиране на лингвокултурологичната терминология / Г. Димитрова. – Варна : LiterNet, 2008. – С. 14–28.

112. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.

113. Добровольский Д.О. Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус / Д.О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 1998. – № 2. – С. 43–86.

114. Дронов П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии / П.С. Дронов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2018.

115. Дубичинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография / В.В. Дубичинский // Wiener slawistischer almanach sonderband 45. – Wien – Charkov, 1998 – 160 с.

116. Дубичинский В.В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей. Монография / В.В. Дубичинский, Т. Ройтер Харьков, 2015 – 148 с.

117. Дылевский Н.М. Главнейшие особенности общеславянской лексики современного болгарского языка (в сопоставлении с общеславянской лексикой русского языка) / Н.М. Дылевский // Славистичен сборник. –Т. 1. Езикознание. – София, 1958.

118. Ермакова О.П. Метафора в отношении к категории кажимости // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 619–623.

119. Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов О принципиальном использовании смысла при машинном переводе / А.К. Жолковский, Н.Н. Леонтьев, О. Мартемьянов // Машинный перевод. Труды института ТМ и ВТ АН СССР. – вып. 2. – 1961.
120. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 23–51.
121. Зализняк А.А. О месте внутренней формы слова в семантическом моделировании / А.А. Зализняк Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Т.1. – Казань, 1998.
122. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. Языки славянской культуры / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – Москва, 2005.
123. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Языки славянских культур. – Москва, 2012.
124. Зидарова В., Очерк по българска лексикология / В. Зидарова. – Пловдив, 1998. – С.135–140.
125. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: автореферат. дисс на соискание доктора филол. наук: 10.02.19 – теории языка / Ольга Николаевна Иванищева. – Санкт-Петербург, 2005. – 3 с.
126. Иванова З., Занглигер В. Усвоение русской лексики учащимися болгарской школы / З. Иванова, В. Занглигер. – София, 1980.
127. Иванова Е., Кустова Г., Лесева С. Датив субъекта мнения и субъекта оценки в болгарском разговорном языке (на фоне русского) / Е. Иванова, Г. Кустова, С. Лесева // Коева С., Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. – София : Изд. на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2022. – С. 404–426

128. Иванова Е., Кустова Г., Лесева С. Датив при глаголах проявления признака в болгарском языке / Е. Иванова, Г. Кустова, С. Лесева // *Рема. Rhema.* – 2022. – № 3. – С. 64–87.
129. Иванчев Св., Проблемите на аспектуалността в славянските езици / Св. Иванчев. – София, 1971.
130. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. Машинный перевод и прикладная лингвистика/ Л. Н. Иорданская. – Вып. 13. – Москва, 1970.
131. Калдиева-Захариева С. Българска лексикология и фразеология / С. Калдиева-Захариева. – София : Изд.: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2016.
132. Карасик В.И. Основные направления развития современной лингвокультурологии. Международная научная конференция «Русистика в России и Китае: инновационные практики» / В.И. Карасик., Харбин, Китай : Хэйлуцзянский университет. – 2018.
133. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: Монография. Научно-исследовательская лаборатория "Аксиологическая лингвистика" / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2019. – 422 с.
134. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик // Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
135. Караулов Ю.Н. Лингвистическое структурирование тезауруса литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 362 с.
136. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
137. Кассирер Э. Собрание сочинений. Т.2. Мифологическое мышление. / Э. Кассирер – Москва, СПб: Университетская книга, 2002. – 279 с.
138. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал. УРСС, 2000. – 98 с.

139. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О.А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.

140. Ковачева Н. Выражение в русском и болгарском языках дифференцированного положения предмета в пространстве / Н. Ковачева // Болгарская русистика. – 1978. – № 1.

141. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.

142. Ковшова М.Л. Ложь и фантазия в интерпретации студентов: анализ афористических высказываний / М.Л. Ковшова // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. Сб. статей. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – 473 с.

143. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для интов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

144. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1978. – 143 с.

145. Котова Н. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком / Н. Котова, М. Янакиев. – М.: МГУ, 2001.

146. Кохтев Н.Н., Розенталь Д. Э. Русская фразеология. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык // Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь. – М.: Русский язык, 1986.

147. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

148. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 56. – С. 3–12.

149. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина,, когнитивны“ / Е.С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникации. – Воронеж, 2001. – С. 4–10.

150. Кустова Г.И. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов зрительного восприятия) / Г.И. Кустова // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. – М., 2004. – С. 155–175.

151. Кювлиева-Мишайкова В. Фразеологизми в българския език / В. Кювлиева-Мишайкова. – София : Народна просвета, 1986. – 76 с.

152. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культуры / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – Москва, 1989. – С. 32–62.

153. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва, 2004.

154. Ланчиков В.К., Влахов С., Флорин С., Непереваемое в переводе / В.К. Ланчиков, С. Влахов, С. Флорин Гармония и алгебра // Вступительная статья к 3-му изд.) – Москва, 2006. – 4 с.

155. Левицкий А. Э. Сон и мечта в пространстве квазиреальности (на материале восточнославянских и западногерманских лингвокультур) // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 448–452.

156. Легурска П. Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката / П. Легурска. – София, 2015.

157. Леков И. Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици / И. Леков – София, 1978.

158. Лепешев И.Я. Ситуативные и контекстуальные пословицы / И.Я. Лепешев // К 60-летию проф. А.В. Жукова: юбил. сб. научн. трудов. – В. Новгород : Изд-во Новгород. гос. ун-та им Ярослава Мудрого. – 2007. – С. 82–87.

159. Леонидова М.А., Мокиенко В.М. Русская фразеология в сопоставлении с болгарской / М.А. Леонидова, В.М. Мокиенко // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы VI Международный конгресс МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1989. – С.173–181.

160. Леонидова М., Фразеосхема как лингвистическая единица промежуточного фразеолого-синтаксического уровня в русском и болгарском языках / М. Леонидова // Болгарская русистика. – София, 1976. – С. 23–25.

161. Липовска А. О сочетаемости свойствах имен прилагательных (русских и болгарских) в сопоставительном плане / А. Липовска //Болгарская русистика. – София. – 1991. – № 6. – С. 102–109.
162. Липовска А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития / А. Липовска. – София, 2009.
163. Лихачев Д.С. О филологии / Д.С Лихачев. – Москва,1989.
164. Лихачев Д.С. Письма о добро / Д.С Лихачев. – М.: Азбука –классика, 2015.
165. Лихачев Д.С. Русская культура / Д.С Лихачев. – Москва, 2000.
166. Логинов А.В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости. / А.В. Логинов // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 5. – С. 25–32.
167. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь / С. И. Лубенская. – М.: Языки русской культуры, 1997.
168. Малинович М.В., Малинович Ю.М. Семантические константы внутреннего мира человека: кажимость. // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 608–617.
169. Манакин В.Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки / В.Н. Манакин. – Киев-Кировоград, 1994.
170. Манчев К. Принципи на типологичното изследване на езика / К. Манчев // Бюлетин за изследване на българския език с други езици, I. – 1976. – С. 48–50.
171. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В.А. Маслов – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 183 с.
172. Маслова В.А., Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслов – М.: Флинта, Наука, 2016.
173. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей типа <Смысл – Текст > / И.А. Мельчук. – Москва, 1974.
174. Милованова, М.С. Сопоставительный анализ славянских языков: учеб.-методическое пособие для студентов магистратуры / М.С. Милованова. – М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – 267 с.

175. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М.И. Михельсон. – М.: Русские словари, 1994.
176. Мокиенко В.М. О тематико идеографической классификации фразеологизмов. / Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Сборник научно-методических статей под редакцией Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров / В.М. Мокиенко – М.: Русский язык, 1979. – С. 108–121.
177. Мокиенко В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М., 1989.
178. Мокиенко В.М. О научном наследии Анны Липовской / В.М. Мокиенко // А. Липовска, Избранное. – София, 2016. – С. 12–20.
179. Морковкин В.В. Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку инстранцев / В.В. Морковкин. – М.: Русский язык., 1984. – 167 с.
180. Морковкин В.В. О словарной лексикологии / В.В. Морковкин // Русский язык за рубежом. М.: ЗАО «Отраслевые ведомости». – 2001. – № 2. – С. 32–38.
181. Ничева К. Българска фразеология / К. Ничева. – София : Наука и изкуство, 1994.
182. Норман Б.Ю. Болгарский язык в лингвострановедческом аспекте / Б.Ю. Норман. – Минск, 2005.
183. Ожегов С.И. О структуре фразеологии. Лексикографический сборник, Вып. 2 / С.И. Ожегов. – М., 1957.
184. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в аспекте словарной лексикологии // А.И. Ольховская. *Lingua mobilis*. – 2011. – №1 (27). – С. 74–91.
185. Павлова С. Българската двуезична лексикография от Освобождението до края на XX век / С. Павлова. – София, 2010.
186. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стерни. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 200–250.
187. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение в обеспечение межкультурного общения на русском языке. / Ю.Е. Прохоров // РЯЗР. – 1995. – № 2. – С. 94–101.

188. Пугачева Л.С. Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филологов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека») / Л.С. Пугачева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. – вып. № 129. – Санкт-Петербург, 2011.

189. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Ошибочное, неудачное использование фразеологизмов / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева // Современный русский язык. Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1997.

190. Седакова И.А. К изучению общеславянской лексики в русском и болгарском языках /И.А. Седакова/ *Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого.* – Москва, 1993. – С. 394–398.

191. Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст / И.А. Седакова. – М.: Индрик, 2007.

192. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости, дис. канд. филол.наук. – Иркутск: Иркут. гос. лингв. ун-т, 2008. – С. 200–233.

193. Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология / И.А. Стернина // Сопоставительные исследования. – Воронеж, 2015. – С. 3–11.

194. Стоянова Е. Развитие лингвокультурного направления в болгарской русистике / Е. Стоянова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2018. – С. 145–212.

195. Телия В.Н. Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): идеология и технология // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей). / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991.

196. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993.

197. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и литературологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 73 с.

198. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / С.Г. Терминасова. – Москва, 1981.
199. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Терминасова. – Москва, 2008.
200. Уфимцева А.А. Лексическое значение / А.А. Уфимцева. – Москва, 1986.
201. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева // под. ред. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2002. – 240 с.
202. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методические аспекты / Н.И. Формановская. – Москва, 1982.
203. Хельмянова, Ю.С. Категория кажимости и ее составляющие в прозе А.С. Пушкина / Ю.С. Хельмянова // Слово. Словарь. Словесность. Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова) : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 16–17 ноября 2011 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 170–174.
204. Хельмянова Ю.С. Взаимосвязь категорий неопределенности, кажимости и оценочности / Ю.С. Хельмянова // Журнал „Научное мнение“ 4 (Искусствоведение, Философские и Филологические науки), 2015.
205. Чепкова Т.П. Лингвометодические аспекты изучения русской фразеологии в иностранной аудитории / Т.П. Чепкова // Вестник Орловского государственного университета. – Москва, 2010.
206. Червенкова И. Об интерференции в области лексики близкородственных языков / И. Червенкова // *Rustina v teorii a v praxi. Meždunarodnaja konferencija prepodavatelej ruskogo jazyka*. Praga, Sbornik, 1976. – С. 155–159.
207. Червенкова И. О сопоставительном описании русской и болгарской лексики / И. Червенкова // Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. София, 1982. – С. 123–181.
208. Червенкова И. К специфике сопоставительного исследования лексики близкородственных языков / И. Червенкова // Славянская филология. – Т. 17. – София, 1983.

209. Червенкова И. Русско-болгарский словарь / С. Влахов, Н. Делева, А. Липовска. – М.: Аст прес, 2008.
210. Червенкова И. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики / И. Червенкова. – София, 2011.
211. Черемисина М.И. Творительный падеж как средство формирования образа / М.И. Черемисина // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. – Новосибирск : Наука, 2004. – С. 74–88.
212. Циммерлинг А.В. Эпистемические предикаты и ментальные состояния / А.В. Циммерлинг // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Под ред. Н. Арутюновой, М. Ковшовой. – Москва, 2018. – С. 45–70.
213. Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному / А.В. Циммерлинг // Москва-Санкт-Петербург : Нестор-История. – 2021. – С. 302–303.
214. Чукалов С. Лексикално родство между руския и българския език / С. Чукалов // Славистичен сборник. – София, 1958. – С. 133–145.
215. Чукалов С. Руско-българска омонимика / С. Чукалов // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. – София, 1960.
216. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. Пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». / Н.М. Шанский // 4-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996.
217. Шаронов И.А. Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания / И.А. Шаронов // Русистика сегодня. – 1996. – № 2.
218. Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы / И.А. Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог", 2016. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf>, свободный.
219. Шаховский В.И., Тахтарова С.С., Мейотические форм отклонения от истины // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 351–354.

220. Шаховский В.И. Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся / В.И. Шаховский // Вопросы психоллингвистики. – Москва, 2011. – Вып. 2 (14). – С. 36–41.
221. Шмелев А.Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность / А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Избр. 1988–1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 655–663.
222. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – Москва, 1977.
223. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002.
224. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974.
225. Austin J. Other minds // Philosophical papers. – 3-d. ed. / ed. by J.O. Urmson and G.J. Warnock. – Oxford university press, 1979. – P. 76–116.
226. Bragina N., Caspers O. Тематический классификатор лингвокультурных моделей и возможности его применения в преподавании русского языка и культуры // Wiener Slawistischer Almanach 81 (2018). – F. 33–55.
227. Eckert, R. (1989) Phraseologische Untersuchungen yum Baltischen und Slawischen. Litausche Phraseologismen mit den variativen Komponenten kélmas, vélnias und russische mit леший und черт. In., Z. Slaw. 34, 1989.
228. Searle J. R. Minds, brains, and science. – Harvard university press. – Cambridge, Mass, 1974. – 107 p.
229. Teliya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I. Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of a Collective Mentality // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications. / Ed. by A. P. Cowie Clarendon Press. Oxford, 1998; 2001. P. 55–75.
230. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: diversity and universals. – Cambridge University Press, 1999. – 349 p.
231. Hartmann, James 1998 – Hartmann, R.R.K. & James, G. Dictionary of Lexicography. London and New York, Routledge 1998. – 176 p.
232. Hall, E. Beyoned Culture. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976

233. Нерп, А. Transcultural Communication. Wiley Blackwell, 2015.

Словари и справочные издания

234. Абрамова Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамова. – Москва, 1999. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari>, свободный.

235. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов, Санкт-Петербург / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Златоуст, 1999. – 472с.

236. Азимов Э. Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва, 2009.

237. Андрейчина К. Русско-болгарский фразеологический словарь / К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрянов. – М.: Наука и искусство/ Русский язык, 1980.

238. Андрюшина Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / И.Н. Афанасьева, Л.А. Дунаева Л.П. Клобукова, Л.В. Красильникова, И.И. Яценко. – Москва, 2009.

239. Антонова Л.В. Новейший школьный фразеологический словарь / Л.В. Антонов. – М.: Дом славянской книги, 2014.

240. Бабкин А.М. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловии / А.М. Бабкин, И.А. Бутенко. – Москва, 1993.

241. Балтова П. Български асоциативен речник / П. Балтова, А. Ефтимова, А. Липовска, К. Петрова. – София : УИ „Св. Кл. Охридски“, 2003.

242. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8 000 идиом современного русского языка / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.

243. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка/ О.С. Баранов – Москва, 1995.

244. Баско Н.В. Фразеологизмы в русской речи: Словарь-справочник / Н.В. Баско. – М.: Флинта, Наука, 2002.
245. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000.
246. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007.
247. Большой академический словарь русского языка (БАС). – М.: СПб., 2011.
248. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998.
249. Бондаренко В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи (словарь) / В.Т. Бондаренко. – Тула., 2013.
250. Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Аст-пресс Школа, 2016.
251. Влахов С. Малък руско-български речник / С. Влахов. –София : Наука и изкуство, 1970.
252. Влахов С., Тагамлицкая Г. Руско-български речник / С. Влахов, Г. Тагамлицкой, Д. Божков, В. Велчев, Е.Х. Рот, М. Джананова, Н. Дилевски и др. – София : Наука и изкуство, 1986.
253. Влахов С., Андрейчина К., Димитрова С., Запрянова К. Русско-болгарский фразеологический словарь /под ред. С. Влахова / С. Влахов, К. Андрейчина, С. Димитрова, К. Запрянова. – М.: София, 1988.
254. Влахов С. Тематичен руско-български речник на фразеологизмите / А. Георгиева, Е. Превыш-Квинто, Г. Гочев, С. Гочева, Т. Томева, И. Христова, Д. Шкодрова. – Велико Търново : Издат. комплекс „Велико Търново“, 1994.
255. Влахов С. Сопоставительный словарь пословиц – болгарских, русских, английских, французских, немецких и латинских / С. Влахов. – София: Ето, 1998.

256. Влахов С. Энциклопедический словарь «От Авгий до Яфет» (Болгарские выразительные средства от чужих собственных имен“) / Влахов С. – София: Издат. „Петр Берон“ и Университетско издателство „Кл. Охридски“, 1996.
257. Влахов С. Нов руско-български речник / С. Влахов, под ред. А. Липовской. – София : Парадигма, 2004.
258. Влахов С. Сопоставительный словарь пословиц – болгарских, русских, английских, французских, немецких (и латинских) / С. Влахов. – София : Ето, 1998.
259. Войнова Л.А. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков. – М.: Русский язык, 1978.
260. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – КСКТ, – С.53–55.
261. Денисов П.Н., Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка, 2-ое изд. / П.Н. Денисов, В.В. Морковкин – Москва, 1983.
262. Джананова М. Задачи и структура на един руско-български речник на словосъчетанията със съществителни имена / М. Джананова // Български език. – 1967. – № 5,6.
263. Евгеньева А.П. Малый академический словарь (МАС) / А.П. Евгеньева. – Москва: Институт русского языка Академии наук, 1957-1984, 1999.
264. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка / А.П. Евгеньева. – М.: Астрель: АСТ, 2003.
265. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
266. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Современная энциклопедия, 1967.
267. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Просвещение, 2009.
268. Зинкевич А.В. Учебный болгарско-русский словарь ложных лексических параллелей / А.В. Зинкевич. – Минск, 2001.

269. Иванова З. Словарь минимум по русскому языку для студентов-русистов в болгарских вузах / З. Иванова. – София, 1974.
270. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>, свободный.
271. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов / М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков // Филология. Психология XXI. – Гнозис. – 2018.
272. Королькова А.В. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. – М.: Флинта: Наука, 2004.
273. Кошелев А. Българско-руски фразеологичен речник / А. Кошелев, М. Леонидов. – София-Москва : Наука и изкуство, 1974.
274. Кузнецова Е. (ред.) Словарь крылатых слов и выражений русского языка / Е. Кузнецов. – М.: Научная книга, 2017.
275. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – Санкт-Петербург : Полиграфсервис, 2005.
276. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи / В.Ю. Меликян. – М.: Флинта, 2001. – 240 с.
277. Ничева К. Фразеологичен речник на българския език / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолаков. – София, 1975.
278. Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език / К. Ничева. – София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 1993.
279. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ., 1992.
280. Прохорова А.М. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Норинт, 2004.
281. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40–76.

282. Телия В.Н. Словарь образных выражений русского языка / Авторы-сост. Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н. / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995.
283. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Ответственный редактор В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
284. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012.
285. Ульянова О.А. Словообразовательный словарь русского языка / О.А. Ульянова. – М.: Аделант, 2013.
286. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М.: МГЛУ – ИЯЗ РАН, 2004.
287. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка Т.3 / Д.Н. Ушаков, 1935 – 1940.
288. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т. 1–4 / М.Фасмер. – М., 1986–1987.
289. Федорова А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М.: Топикал, 1995.
290. Федорова Т.Л. Фразеологический словарь русского языка / Т.Л. Федорова. – М.: Стандарт, 2015.
291. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка Т. 1–2 / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994.
292. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Т. III: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.
293. Шведова Н.Ю. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н.Ю. Шведова. – М.: РАН. Институт русского языка: Азбуковник, 2007.

294. Шведова Н.Ю. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / Н. Ю. Шведова // РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва, 2011.

295. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. Ред. Н.Ю. Шведов. – М.: Азбуковник, 2011.

296. Энциклопедия «Кругосвет» / Универсальная научно- популярная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа www.krugosvet.ru, свободный.

297. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник / Р.И. Яранцев. – М.: Русский язык, 1997.

298. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцев – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Приложение А (глагол казаться)

Словари дают такие толкования глагола *казаться*:

В Новом русско-болгарском словаре С. Влахова:

1. *Изглеждам; имам вид (на); он казался умным изглеждаше умен; она казалась моложе своих лет изглеждаше по-млада от годините си.* 2. *Кому, безл. Струва ми се, прилича ми; мне кажется, что он не придет струва ми се, че няма да дойде.* 3. *Кажется като вметн. 1. изглежда, май че, по всичко личи; 2. струва ми се, ако не греша* 4. *Кажущийся мним, привиден; кажущиеся успехи.* 5. *казалось бы, на пръв поглед би казал човек; най-вероятно.*

Большой толковый словарь (С.А. Кузнецов) дает следующее значение:

Казаться: *безл.кому. Представляется воображению, мысли. Мне кажется, что мы уже где-то встречались. / безл. Чудиться, мерещиться. Ей казалось сейчас, что в доме кто-то ходит.*

Толковый словарь Д. Н. Ушакова:

Казаться: *кажусь, кажешься, д. н. не употр., несов. 1. (сов. показаться), кому-чему кем-чем. Иметь какой-н. вид, производить впечатление кого-чего-н. Небо, опрокинутое над степью, кажется страшно глубоким и прозрачным. Чехов. Я стараюсь казаться оригиналом. Л. Толстой. Казаться старше своих лет. 2. (сов. показаться) безл., кому-чему. Представляется воображению, мысли, предполагаться. Мне кажется, что я вас где-то уже видел. 3. в знач. вводн. слова кажется, казалось. Как будто, словно, по-видимому (разг.). Казалось, Карла приводил желанный бой в недоуменье. Пушкин. Вы, кажется, из Москвы? Вот-вот, казалось, дождь польет.*

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

Казаться: *кажусь, кажешься; казался, казалась; кажись; кажущийся; несов. 1. кем-чем. Иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление. К.*

умным. К. старше своих лет. 2. безл. То же, что представляться (в 3 знач.). Мне казалось, что он прав. 3. кажется, вводн. сл. - 1) как будто, по-видимому. Он, кажется, согласен; 2) употр. для усиления, подчеркивания с оттенком раздражения. Оставьте меня в покое: я вас не трогаю, кажется. Перестань! Ведь, кажется, русским языкам сказано! 4. кажется, частица. Выражает неуверенное подтверждение. Он придет? - Кажется. * На глаза не кажется кто (прост.) - не появляется, не бывает где-н. || сов. показаться, -ажусь, -ажешься (к 1 и 2 знач.).

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова

Кажущийся, - аяся, -еся. Такой к-рый только представляться воображению, нереальный.

Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой

2. Восприниматься, осознаваться кем-либо, каким-либо образом.

1. Представляться в воображении; мерещиться, чудиться.

2. Представляться в мыслях (обычно при выражении сомнения, неуверенности отсутствия убеждённости в истинности сообщаемого).

Большой универсальный словарь русского языка - Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М

КАЗА|ТЬСЯ, кажусь, каж|ется, -утся, прич. действ. наст. кажуш|ийся, деепр. нет, несов., V а; показа|ться, покажусь, покаж|ется, -утся, сов., V а; *неперех.*

1.0. Иметь какой-л. вид, производить какое-л. впечатление на основе внешних признаков, проявлений. *Син.* выглядеть.

Казаться ребёнком (стариком, красавицей, уродом, горой, песчинкой ...). **Казаться** мягким (жёстким, молодым, старым, гнилым, [не]свежим, чистым, грязным, синим, светлым, тёмным, высоким, низким, большим, маленьким, тёплым, холодным, спокойным, расстроенным, весёлым, [не]красивым, [не]здоровым, больным, усталым, бодрым, взрослым ...); **казаться** выше (ниже, старше, моложе, сильнее, светлее, темнее ...). **Казаться** кем-чем-л. или каким-л.

матери (друзьям, мне ...). **Казаться** кем-л. *или* каким-л. в каком-л. наряде (в сарафане, в кимоно ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. на вид / с виду (на первый взгляд ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. в сравнении с / по сравнению с сестрой, в сравнении с / по сравнению с образцом ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. рядом с братом (рядом с каким-л. домом ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. на фоне брата (на фоне Петербурга ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. в полутьме (в свете софитов ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. где-л. (*напр.*, в фильме, на сцене ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. откуда-л. (*напр.*, из окна, с крыши небоскрёба, с берега, отсюда ...). □ На вид ткань показалась ему мягкой. Чтобы казаться выше, она всегда носит туфли на каблуках. Рядом с сестрой Пётр казался просто великаном. Мне он казался взволнованным.

1.1. Оцениваться как-л., вызывать какую-л. интеллектуальную и/или эмоциональную реакцию. **Син.** представляться, выглядеть.

Казаться философом (дураком, лентяем, ошибкой, мелочью, чудом, спасением, необходимостью, неизбежностью, концом, подарком, обузой, радостью, горем ...). **Казаться** [не]важным ([не]нужным, необходимым, неизбежным, бесполезным, [не]трудным, [не]глупым, [не]уместным, свободным, скучным, [не]приятным, [не]вежливым, грубым, ленивым, аккуратным ...); **казаться** умнее (глупее, лучше, хуже, легче, приятнее, важнее ..). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. мальчику (всем, Лизе ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. на первый взгляд ... **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. по сравнению с / в сравнении с учителем (по сравнению с / в сравнении с какой-л. проблемой ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. рядом с учителем (рядом с Леной ...). **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. на фоне случившегося ... **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. с какой-л. точки зрения ... **Казаться** кем-чем-л. *или* каким-л. на чей-л. взгляд ... □ Сначала мой новый помощник казался мне просто карьеристом. По сравнению с вашими проблемами мои собственные кажутся ерундой. Сейчас все эти страхи кажутся смешными, не правда ли?

1.1.1. *зд. безл.* О наличии в сознании какого-л. предположения.

□ Тебе только кажется, что он нас обманывает, или у тебя есть какие-то факты? Мне кажется, мы с вами уже где-то встречались. Отцу всегда казалось, что здесь дело нечисто. ● 1.1.1.1. → *вв. сл. кажется*¹ (*см. ||*). ● 1.1.1.2. → *вв. сл. казалось* (*см. ||*).

1.1.2. *зд. безл.* О наличии в сознании определённого суждения, мнения, основанного на обдумывании, оценке факта, ситуации и т. п. **Син.** <думаться>.

□ Мне кажется, вам следует рассказать ему обо всём. Тогда Петру казалось, что всё надо начинать сначала. Как тебе кажется, это платье мне идёт? ● 1.2. *обычно безл.* Представать в воображении, имея вид реального, существующего в действительности. **Син.** <чудиться, мерещиться>, видеться. *Ты меня звал? – Нет, тебе показалось. Чу, мне кажется, в дальней комнате кто-то есть. – Послушай, если кажется, надо креститься, я же здесь всё проверил: в доме никого, кроме нас двоих.*

● **Смеяться, право, не грешно | Над тем, что кажется смешно – см. смеяться.**

|| **Морф.** каз=а-ть=ся. *Дер. сов. по|казаться* (*См.*); *прил. каж|ущ(ий)ся* – ; *вв. сл. кажется*¹ (*См.*), *казалось* – . **Этим.** << *праслав. *kazati* – ‘казаться, виднеться; указывать; говорить’ << *и.-е. корень *k^ueg*’- – ‘являться; казаться; видеть; указывать’.

Приложение Б

(синонимический ряд с глаголами: *воображать, представлять, казаться, сдаваться, думаться; воображение, фантазия*)

НОСС

Воображать, представлять, видеть – иметь в сознании образ определенного объекта или ситуации, когда этот объект или ситуация органами чувств не воспринимается.

Воображать и представлять предполагают намеренное усилие субъекта сформировать в сознании определенный образ, причем идея усилия особенно отчетливо выражена с формами СОВ: Он попытался вообразить, как будет протекать их встреча; Он попытался представить себе свою встречу с ней и не смог.

Воображение, фантазия – способность человека создавать мысленные образы или некий невидимых орган, с помощью которого человек их создает.

Воображение рисует другую жизнь; Я не могу этого представить – воображение /фантазии/ не хватает.

Воображение / фантазия – это особая, творческая способность человека. Однако в некоторых контекстах они обозначают нечто функционирующее, работающее внутри человека и создающее эти образы.

Воображение и фантазия предстают как обозначение некоего необычного – невидимого или представляемого органа. Находится этот орган, скорее всего, где-то в голове человека, но не в его груди, сближаясь, тем самым, с умом и с памятью, но не с душой.

Воображение может также воссоздавать то, что субъект видел, то, что он реально воспринимал в прошлом; в этом отношении воображение сближается с памятью. С помощью воображения субъект может мысленно создавать особый мир. В этом мире как бы воплощается все то, о чем субъект думает, причем это могут быть его желания, мечты, так и его страхи. Ср. Воображение рисовало ему знакомство с необыкновенной девушкой – рискуя жизнью, он спасает ее от бандитов; В воображении он видел себя всеобщим любимцем, смелым и удачливым. И В

воображении он уже видел их отданными на медленную пытку, видел их мукою искаженные лица, слышал их стоны и звал на помощь (В. Пастернак, Доктор Живаго).

Фантазия, в отличие от воображения, это прежде всего способность создавать образы вымышленного, несуществующего мира. Образы реальных, в частности – когда-либо виденных вещей, не ассоциируются с фантазией и он не помнит, но с помощью воображения воссоздавал ее образ. Субъект может дополнять образы тех вещей, которые он знает по описаниям, не только с помощью воображения, но и с помощью фантазии. Однако и в этом случае плод фантазии – это всегда выдумка, вымысел.

Воображение, подобно памяти и другим интеллектуальным способностям, в норме есть у каждого человека. В высказываниях типа У него совсем нет воображения. Он начисто лишен воображения речь идет о способности, развитой ниже нормы. Фантазией, в отличие от воображения, наделены не все люди; отсутствие ее обычно не затрудняет жизнь субъекта.

КАЗАТЬСЯ:/СДАВАТЬСЯ / ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ/ ДУМАТЬСЯ

Даны ряд теснее всего соприкасается со следующими тремя рядами синонимов: 1. представляться, видеться, рисоваться; 2. Чудиться, мерещиться, казаться; 3. Выглядеть, казаться. Все ряды указывают, с одной стороны, на разные степени достоверности картины мира, имеющейся в сознании человека, а с другой стороны – на то, что эти картины формируются разными участками его сознания.

Представляться, видеться, рисоваться; предполагают, что некая картина мира сложилась в воображении человека и имеет вид чувственных образов, чаще всего зрительных, у которых могут быть вполне реальные прототипы в действительности.

От синонимов казаться, сдаваться, представляться и думаться отличаются преимущественно тем, что обозначают не чувственные образы в воображении

человека, а более абстрактные представления, которые складываются у него в сознании.

Чудиться, мерещиться и казаться тоже описывают чувственные образы вещей или ситуаций в воображении субъекта. В этом отношении они сближаются с рядом представляться, видеться, рисоваться.

Казаться описывает разные степени ощущения истинности мысли – от относительной уверенности субъекта в ее достоверности до полной уверенности в ее ложности.

Типично для казаться промежуточное значение неуверенности в истинности высказываемой мысли и близкие к нему значения проблематичности суждения, мимолетности впечатления и др., по которым глагол казаться наиболее рельефно противопоставлен синонимами думаться и представляться. Для казаться характерны ситуации раздвоения субъекта мысли и наблюдателя, особенно в контексте словосочетания со стороны, которое вводит внешнего наблюдателя.

ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ используется главным образом для выражения, изложения или обсуждения серьезных идей, важность которых отчетливо осознается субъектом.

ДУМАТЬСЯ отличается по смыслу от представляться и прочих синонимов ряда прежде всего особой позицией субъекта мысли, который заранее допускает, что у собеседника может быть другое мнение по данному поводу, и поэтому осторожно-вежливо и ненавязчиво – подает свою собственную мысль. Мне думается, что христианство говорит помимо прочего о том, что все хорошие учения ни к чему не пригодны (Л. Витгенштейн, Культура и ценность). Кроме того, поскольку в основе думаться лежит, думать, этот синоним ставит в центр внимания не впечатление от чего-то, полученное извне, а мысль, рожденную и присутствующую в сознании субъекта независимо от каких-либо внешних воздействий.